

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1 9 6 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6

1968

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Я. Б. Шмераль.</i> К 50-летию Чехословацкой республики	3
<i>Ю. А. Писарев.</i> К истории создания югославского национального государства в 1918 году	12
<i>И. И. Костюшко.</i> Традиции революционной борьбы КПП и объединение польского рабочего движения	18
<i>А. М. Карпачев.</i> Феодальные юридические в королевских городах Белоруссии XVII—XVIII веков (К вопросу о формах землевладения в городах Речи Посполитой)	27
<i>В. Г. Карасев.</i> Сотрудничество сербского демократа Живоина Жуевича в газете «С.-Петербургские ведомости» в 1864 году	39
<i>Л. Софронова.</i> О семантической структуре сюжета	56
<i>В. А. Дыбо.</i> Фрагмент праславянской акцентной системы (Формы-енклипишена в аористе <i>i</i> -глаголов)	66

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>В. Д. Королюк.</i> Поэзия Франтишека Грубина в иллюстрациях А. В. Сапожникова	78
--	----

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>И. Свирида.</i> Сибирские рисунки Яна Дамеля	82
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. М. Устинов.</i> Новое исследование о борьбе трудящихся зарубежных стран за власть Советов	88
<i>Г. Н. Попов, Г. И. Чернянский.</i> Очерк истории революционного движения болгарских горняков	91
<i>И. С. Достян.</i> Подлитка русского правительства на Балканах в 1801—1812 гг.	93

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>В. А. Дьяков.</i> Irena Koberdowa. Polska Wiosna Ludów	97
<i>И. К. Горский.</i> «Песнь Болеслава Червеньского»	98
<i>Л. К. Miroslav Sváb.</i> Prologu a epilogu v české preduhutské literatuře	100
<i>Е. Чешко.</i> «Български диалектен атлас»	101
<i>А. С. Львов.</i> К. М. Кувев. Черноризец Храбър	105
<i>Р. Цейтлин.</i> «Обратен речник на македонскиот јазик»	108
<i>Карл Гутцмидт</i> (ГДР). «Славянская лексикография и лексикология»	110
<i>В. П. Гудков.</i> Новый толковый словарь сербско-хорватского литературного языка	113
<i>А. Е. Сунрун.</i> Новое издание памятников полабского языка	116

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1968 году (продолжение)	119
Содержание иностранных журналов	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>П. Р.</i> Второе совместное заседание Комиссии историков СССР — ЧССР	123
<i>И. Греков, Л. Заборовский, Б. Флоря.</i> Конференция историков СССР и ПНР по вопросам историографии	124
<i>Л. Горина.</i> Научная конференция в г. Великое Тырново	126
<i>Б. М. Ружоль.</i> В группе по сбору материалов о З. Неедлы	126
<i>Э. А. Григорян.</i> Сопещение Комиссии по фонетике и фонологии при Международном комитете славистов	126
<i>В. А. Дьяков, П. Н. Ольшанский.</i> <u>Трифон Галактионович Снытко</u>	130
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1968 г.	131

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕНТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Я. Б. ШМЕРАЛЬ

К 50-ЛЕТИЮ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В октябре 1968 г. исполняется 50 лет со дня провозглашения Чехословацкого государства. Это событие означало коренной поворот в историческом развитии чешского и словацкого народов, в течение веков страдавших от чужеземного гнета. Вместе с тем оно стало одним из проявлений тех глубочайших революционных процессов, которые полвека тому назад до основания потрясли старый мир национального и социального угнетения и положили начало новой эпохе — эпохе перехода от капитализма к социализму.

Образование Чехословакии явилось результатом сложного комплекса международных и внутренних, национальных и социальных противоречий, которые на заключительном этапе мировой империалистической войны привели к распаду Австро-Венгрии. Октябрьская революция была важнейшим фактором, содействовавшим созданию независимой Чехословакии.

Практически вплоть до самого начала первой мировой войны все крупнейшие чешские и словацкие политические партии ориентировались на сохранение Австро-Венгрии и ее реорганизацию на федеративной основе. Характеризуя причины подобного рода ориентации, один из ведущих деятелей чешского буржуазного лагеря Кайзл писал: «Для нас, чехов, единственно правильной политикой является подлинно австрийская политика, основанная на убеждении, что наиболее безопасное убежище для нас — это сильная и справедливая Австрия»¹. В условиях борьбы крупных империалистических держав за расширение сферы своего господства и усилия агрессивных устремлений со стороны гогенцоллерновской Германии существование самостоятельного Чехословацкого государства было бы весьма проблематичным. Учитывая это обстоятельство, В. И. Ленин писал: «Таким образом создалось чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями!»².

Концепция сохранения Австрии как наименьшего зла, как барьера на пути германской экспансии определяла всю так называемую чешскую политику второй половины XIX и начала XX в. Между тем роль габсбургской монархии в системе международных отношений за то же время существенно изменилась. Противоречие между усилившимся в эпоху империализма стремлением к экспансии и относительной экономической, политической и военной слабостью монархии толкало ее правящие круги на сближение с Германией. Свою роль здесь, несомненно, сыграли и попытки Вены опереться на более сильного соседа в борьбе с развивающимся

¹ «Přehled československých dějin», d. II, č. 1. Praha, 1960, s. 667.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 270

ся в стране национальным движением. Рост зависимости Австро-Венгрии достиг кульминации в годы войны, когда начала вырисовываться перспектива поглощения двуединой монархии Германией. В условиях приближающегося развала Австро-Венгрии создание национальных государств становилось жизненной необходимостью для развития народов, входивших в ее состав.

Важно отметить, что вслед за австро-немецкими господствующими классами, стремящимися усилить свои национальные привилегии, крепнувшая чешская буржуазия также начала добиваться расширения своего влияния — и не только в национальных масштабах. Столкновение этих двух противоположных тенденций подрывало внутреннюю стабильность монархии, вело к тому, что сколько-нибудь устойчивое демократическое решение национального вопроса в ее рамках становилось все менее возможным.

Поскольку австрийские немцы составляли меньшинство населения Австрии, немецкие националисты могли добиваться осуществления своих целей лишь с помощью авторитарных методов господства. В ином положении находилась чешская буржуазия, которая готовилась к тому, чтобы выступить в роли лидера неравноправного славянского большинства монархии. Поэтому объективно ее классовым интересам отвечало укрепление буржуазно-демократических институтов.

На практике, однако, характерной чертой политики чешской буржуазии, присущей не только представителям крупного капитала, но и большей части мелкобуржуазных кругов, был отрыв национальных требований от борьбы за последовательное демократическое преобразование страны. В этой обстановке особенно возрастала роль рабочего класса, единственного класса, который мог возглавить последовательную борьбу за демократию, являющуюся важнейшим условием преодоления национальных конфликтов и противоречий.

Революционное движение в Австрии в начале XX в. добилось значительных успехов. Крупнейшим из них была победа в борьбе за всеобщее избирательное право, завоеванная в ожесточенных классовых боях 1905—1907 гг. Однако именно в это время на рабочее движение в Австро-Венгрии все более губительно влиял оппортунизм. Социал-демократия поэтому оказывалась беспомощной и в решении национального вопроса. Ее программный лозунг демократической федерации превращался в формальную декларацию, а практическая деятельность приводила к дальнейшему углублению национального раскола рабочего движения.

Национальный вопрос в Словакии, входившей в то время в состав Венгрии, носил еще более острый характер, чем в Чешских землях. Национальный гнет стал одним из серьезнейших тормозов социально-экономического, политического и культурного развития словацкой нации. Казалось бы, такое положение должно было усилить размах национальной борьбы. Но на практике получалось иначе. В отличие от быстро растущей чешской буржуазии словацкая буржуазия была слишком слабой, чтобы открыто выступить против своих венгерских конкурентов. Она не могла всерьез опереться ни на мелкобуржуазные слои города, особенно сильно затронутые политикой мадьяризации, ни на крестьянство, в массе своей еще не подготовленное к сознательной национальной борьбе. Поэтому в национальном движении в Словакии в начале XX в. участвовали ограниченные круги, преимущественно интеллигенции.

В начале XX в. были предприняты отдельные шаги в направлении чешско-словацкого сближения в экономической и культурной области. Сравнительно незадолго до войны в рядах словацкой интеллигенции возникла идея объединения с Чешскими землями в рамках габсбургской

монархии. Но и этот шаг был рассчитан не на революционные преобразования, а на поддержку наследника престола Франца-Фердинанда, который не прочь был добиться возвышения немецкой Австрии за счет венгерского партнера.

Мировая империалистическая война продемонстрировала полную несостоятельность прежних политических концепций чешской и словацкой буржуазии. Война привела в движение миллионы трудящихся. Сотни тысяч убитых и искалеченных, несбывалый рост материальных лишений, усиление национального гнета, установление военно-политического террора внутри страны — все это заставляло массы искать выход из создавшегося положения. Режим, царивший в империи Габсбургов, становился для них воплощением всех несчастий, связанных с войной. Трудящиеся ненавидели войну, ненавидели правительство, которое ее развязало, но без политического руководства они не могли увидеть ни подлинных причин обрушившихся на них бедствий, ни эффективных средств борьбы с ними.

Проявление антивоенных, антигабсбургских настроений в Чешских землях в первые годы войны носило чисто стихийный характер. Уже в конце сентября 1914 г. в Праге во время отправки на фронт запасного батальона 28-го полка состоялась крупная антивоенная демонстрация. С марта по май 1915 г. на сторону русских войск перешло несколько частей и подразделений, основной костяк которых составляли чешские и словацкие солдаты.

Проявления массового недовольства в Чешских землях имели в этот период преимущественно национальную окраску. Оно не было, как правило, связано с какой-то определенной политической программой. Типичными в этом отношении были стихийные демонстрации, проходившие в июле 1915 г. в связи с 500-летием со дня сожжения Яна Гуса. Тысячи людей стекались в те дни к памятнику на Староместской площади в Праге, чтобы почтить память великого сына чешского народа.

В Словакии активная политическая жизнь с началом мировой войны практически была парализована. Характеризуя обстановку, существовавшую в Словакии в первые годы войны, газета «Роботнице новины» позднее писала: «Безудержная мадьяризация в годы войны полностью подавила в Словакии все развитие духовной жизни»³.

Неорганизованность, раздробленность освободительного движения в Чешских землях и Словакии были следствием той политики, которую по отношению к войне заняли чешские и словацкие политические партии.

Чехословацкая социал-демократическая партия, исходя из своей оппортунистической концепции, ограничилась декларацией, что она «снимает с себя ответственность» за развитие событий. Партия практически полностью прекратила работу в массах, свернула свою деятельность областные и центральные органы партии. А лидеры словацких социал-демократов заявили даже, что словацкий рабочий класс должен быть заинтересован в военной победе австро-венгерского государства. Конечно, в условиях войны положение рабочего движения малых наций было особенно сложным. У многих субъективно честных деятелей чешского и словацкого рабочего движения возникали фаталистические настроения, стремление к тому, чтобы путем пассивного выжидания сохранить силы рабочего класса до более благоприятных времен. Но в действительности такое выжидание вело лишь к дезориентации масс, развязывало руки силам империалистической реакции.

³ «Robotnícké noviny», 29 XI 1917 г.

Война тяжело отразилась на положении трудящихся, крупной же буржуазии и кулачеству военная конъюнктура приносила большие прибыли. Продолжался процесс абсолютного и относительного усиления чешского финансового капитала. Часть чешских буржуазных деятелей отдавала себе, однако, отчет в том, что победа Централных держав неизбежно привела бы к победе германизаторских тенденций. Поэтому некоторые из них еще накануне войны, сохраняя внешнюю лояльность по отношению к габсбургской монархии, начали искать союзников за ее пределами. Так, в июне 1914 г. ведущий чешский буржуазный политик того времени К. Крамарж передал министру иностранных дел России Сазонову меморандум, в котором излагался план создания чешского королевства в рамках славянской империи, возглавляемой русским царем.

Но дальше составления различного рода секретных планов дело по существу не пошло. Широкой же общественности предназначались лишь довольно неопределенные призывы к национальной солидарности, сопровождавшиеся к тому же неизменными заверениями в верности идее целостности Австро-Венгрии. Понятно, что такие действия оказывали деморализующее влияние на широкие слои народа, помогая на деле осуществлению военной политики правящих кругов Австро-Венгрии.

Среди чешских политиков несколько особую позицию заняли деятели, группировавшиеся вокруг Т. Масарика. Довоенные планы Масарика не выходили за пределы внутренней реорганизации Австро-Венгрии. Однако война заставила его изменить эту позицию. В начале осени 1914 г. он установил связь с некоторыми близкими к Форин оффису знакомыми в Англии и начал им пересылать агентурные данные о положении в стране, а вскоре и сам эмигрировал из Австро-Венгрии.

В эмиграции он развернул активную деятельность среди чешских и словацких организаций, представители которых после начала войны выступили с лозунгом создания самостоятельного чешского или чехословацкого государства. Впрочем, как и другие чешские и словацкие буржуазные деятели, Масарик исключал возможность активного участия народных масс в осуществлении своих планов, возлагая все надежды на поддержку держав Антанты. В результате ряда политических маневров ему постепенно удалось подчинить деятельность большинства эмигрантских организаций контролю возглавляемого им Чешского заграничного комитета, преобразованного позднее в Чешский (Чехословацкий) национальный совет в Париже. Одновременно он продолжал предпринимать попытки к установлению более тесных контактов с правящими кругами Антанты, выступая с различными проектами решения чехословацкого вопроса. Речь шла в то время о создании чешского или чехословацкого государства в виде монархии, возглавляемой, в зависимости от того, к кому он обращался, либо одним из западных принцев, либо представителем династии Романовых. Масарик стремился доказать правящим кругам Антанты, что именно он и его сторонники могут стать наиболее последовательными защитниками их интересов в Центральной Европе. Первые шаги на этом поприще были не слишком обнадеживающими, и лишь позднее, когда внутреннее развитие Австро-Венгрии и глубокие изменения в международной обстановке по существу уже предрешили вопрос о создании Чехословакии, политическая роль чехословацкой эмиграции возросла.

Для господствующих классов монархии война оказалась желанным поводом для усиления политического и национального гнета. Отдельные репрессии постепенно приобретали характер развернутого наступления против чешского народа в целом. Несмотря на внешнюю лояльность по отношению к монархии, полицейского террора не удалось избежать и ряду чешских буржуазных деятелей. Еще более тяжелая обстановка сло-

жила в Словакии. Неосуществившиеся надежды на быстрый разгром Австро-Венгрии, жестокие репрессии — все это привело во второй половине 1915 г. к спаду первой волны стихийного радикализма масс, к ослаблению мелкобуржуазно-демократической оппозиции против войны и политики правящих кругов монархии. Но это было лишь затишье перед новой, значительно более мощной бурей.

Уже к концу второго года войны наиболее дальновидные политические деятели монархии начали понимать, что продолжение прежнего политического курса может привести Австро-Венгрию к катастрофе. С начала 1917 г. австрийское правительство предприняло ряд попыток добиться внутренней консолидации в стране за счет отдельных уступок господствующим классам славянских и других народов. Политический кризис, заставивший правящие круги Австрии пойти на восстановление парламентаризма, был неразрывно связан с нараставшим социальным движением масс, проявлявшимся главным образом в форме голодных забастовок и демонстраций. В отличие от антивоенных выступлений начального периода войны, носивших преимущественно национальную окраску, это движение не было ограничено национальными рамками и постепенно охватило всю страну.

Одним из главных очагов социальных выступлений стали промышленно развитые Чешские земли, где уже с лета 1916 г. наблюдаются отдельные случаи политических выступлений.

Серьезным стимулом в развитии революционного движения народов Австро-Венгрии стало известие о свержении царизма в России. Пожалуй, именно с этого времени основной движущей силой этого движения становится рабочий класс. На передний план выдвигается специфически пролетарская форма борьбы — забастовка. Растет массовость движения. Если в выступлениях 1916 г. принимали участие десятки и лишь в отдельных случаях сотни человек, то в 1917 г. — тысячи и даже десятки тысяч. Наряду с экономическими требованиями начинают выдвигаться и политические. Массовое движение охватывает и собственно австрийские и венгерские земли.

Отличительной чертой выступлений этого периода в Чехии было то, что наряду с общедемократическими и экономическими требованиями вновь начинают появляться и национальные. Одно из первых открытых требований создания самостоятельного чешского государства мы встречаем в резолюции пражских рабочих, принятой во время многотысячной забастовки 30—31 мая 1917 г.

Лето 1917 г. проходило в Чешских землях под знаком забастовок и демонстраций. Однако пассивность социал-демократов ослабляла революционную энергию масс. С осени 1917 г. движение пошло на убыль. Перелом наступил с победой Октябрьской революции, оказавшей глубочайшее влияние на развитие внутренних процессов в Австро-Венгрии.

Октябрьская революция вдохнула в трудящиеся массы веру в свои силы, показала им на практике, что вековая власть господствующих классов не вечна, что путь ее к свержению лежит через развитие массовой революционной борьбы.

Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила к активной политической жизни широкие слои трудящихся Австро-Венгрии. Сразу же после Октябрьской революции в словацкой социал-демократической печати по существу впервые в Словакии был выдвинут лозунг о «праве наций на самоопределение». Начался качественно новый этап и в развитии словацкого революционного движения. Изменились прежде всего масштабы выступлений. Если раньше в Словакии отмечались лишь единичные забастовки и демонстрации, то с конца 1917 г.

их число вырастает во много раз. Появились и политические требования. Особенно широкую известность приобрел первомайский митинг в г. Миклаше, в резолюции которого содержался специальный пункт с требованием самоопределения словаков.

С Октябрьской революцией связано и крупнейшее в истории Австро-Венгрии выступление трудящихся — январская забастовка 1918 г. Начавшись 14 января на предприятиях австрийского города Вилер Нейштадт, она в течение нескольких дней зажгла революционный пожар во всей монархии. Январское выступление пролетариата поставило под вопрос существование прогнившего и запутавшегося в противоречиях габсбургского режима. Вместе с тем оно показало и серьезные внутренние слабости самого рабочего движения. В результате прямого соглашения руководителей австрийской (а практически и венгерской) социал-демократии с правящими кругами монархии и раскольнической, националистической позиции, занятой лидерами чешских социалистов, январская стачка привела лишь к незначительным уступкам со стороны правительства. Тем не менее она оказала существенное влияние на внутреннюю обстановку в стране. Правящие круги в страхе перед революционным движением трудящихся всех национальностей стали предоставлять значительную свободу действий отдельным буржуазно-национальным группировкам, которые хотя и угрожали целостности монархии, но не выступали против основ существовавшего в ней строя. Отозвав ряд соединений с фронта для подавления внутренних волнений, правительство с января 1918 г. по существу начало новую войну — войну против собственного населения.

Представители чешской буржуазии, еще недавно соревновавшиеся в верноподданнических заявлениях, не замедлили воспользоваться благоприятно складывавшейся для них обстановкой. По мере того как в стране углублялся революционный и политический кризис, большинство из них, вначале осторожно, а затем все более активно стало выступать под флагом национальной независимости. В январе 1918 г. совещание чешских депутатов рейхсрата и земских сеймов Чехии, Моравии и австрийской Силезии, ссылаясь на мирные предложения Советской России, впервые поставило вопрос о безоговорочном предоставлении чехам государственной независимости. Переход на национальную платформу помог укреплению престижа буржуазных партий, подорванного их прежней прогабсбургской ориентацией. Буржуазная пропаганда воспользовалась этим для проповеди солидарности различных классов чешского общества и ослабления социальной направленности массового движения.

Для того чтобы закрепить свое политическое руководство, чешские буржуазные лидеры в послеоктябрьский период уже не могли ограничиваться одной лишь националистической пропагандой; они вынуждены были в широких масштабах прибегнуть и к социальной демагогии. О готовности к глубоким социальным реформам стали говорить даже представители наиболее консервативных промышленно-финансовых кругов чешской буржуазии. Все это помогало распространению среди трудящихся иллюзий, что создание Чехословацкого государства автоматически разрешит и важнейшие социальные вопросы или хотя бы обеспечит для этого необходимые предпосылки. Эти иллюзии активно поддерживало и руководство социал-демократической партии, которое в этот период по всем важнейшим вопросам шло в фарватере буржуазных партий.

Но уже тогда в партии начинают выделяться отдельные группы, ставшие позднее основой будущего революционного авангарда чехословацкого пролетариата. Выступая под лозунгом возврата к «старой» программе пролетариата, т. е. к принципам революционного марксизма конца

XIX в., представители этих групп стремились отстаивать основные теоретические положения Маркса, правдиво информировать о положении в Советской России. Они активно выступали против тех деятелей социал-демократии, которые под предлогом «укрепления национальной солидарности» и «преодоления немецкой идеологии» добивались полного разрыва рабочего движения с марксизмом.

Однако левые того времени были всего лишь зародышем идейного течения. У них не было не только организации, но и четкой позитивной программы. Их деятельность способствовала ограничению крайних форм национализма в рабочем движении, заложила первые основы формирования революционного авангарда рабочего класса, но она не смогла поколебать гегемонию буржуазии в надвигающейся революции.

К концу лета 1918 г. стало окончательно ясно, что дни двуединой монархии сочтены. Революционный пожар разгорался то в одной, то в другой ее части. Императорско-королевская армия теряла остатки боеспособности. Наконец, и державы Антанты, лишившись надежды на заключение сепаратного мира с Австро-Венгрией, перестали ориентироваться на ее сохранение.

13 июля 1918 г. в Праге был создан Национальный комитет, в состав которого вошли представители всех чешских политических партий (кроме социал-демократов-централистов). Он открыто заявил, что его целью является практическая подготовка к созданию демократического суверенного Чехословацкого государства. Австрийские власти, занятые борьбой с массовым движением, не противились деятельности этого органа и даже начали вступать с ним в контакт. Основная политическая линия Национального комитета заключалась в том, чтобы, делая все для избежания революционного взрыва, добиться от австрийских властей добровольного согласия на создание Чехословакии и в удобный момент взять власть в свои руки. Неслучайно вплоть до 28 октября его представители ни разу достаточно ясно не заявили, будет ли новое государство в какой-либо форме связано с Австрией или нет.

Ожидание решающих событий вызвало некоторый спад массового движения в стране. Однако напряжение в массах продолжало накапливаться. 14 октября 1918 г. произошла вспышка. Чешские земли охватила всеобщая забастовка, нанеся сильнейший удар по разваливавшейся монархии.

Забастовка, начавшаяся утром 14 октября, полностью захватила все чешские районы. Предпринятые в последний момент меры чешских буржуазных лидеров не смогли воспрепятствовать тому, чтобы забастовка приняла ярко выраженный политический характер. Во многих местах была принята разработанная по инициативе левых социалистов резолюция, объявляющая Чехословацкое государство республикой. В ряде городов население срывало австрийские флаги, смещало чиновников, кое-где дошло до захвата административных зданий. Руководители Национального комитета поторопились отмежеваться от этих действий.

Конечно, выступление 14 октября, не имевшее достаточно четких политических лозунгов и организационной подготовки, не могло привести к установлению гегемонии пролетариата в развертывавшейся революции. Тем не менее его роль была огромной. Оно окончательно похоронило надежды на возможность сохранения в чехословацком государстве монархии. Забастовка показала также, что буржуазии придется пойти на серьезные уступки, если она хочет сохранить влияние на массы. Наконец, она заставила Вену стать еще более уступчивой по отношению к пражскому Национальному комитету. По существу уже с 20-х чисел октября австрийские органы начинают сотрудничать с органами Национального

комитета, главным образом по экономическим вопросам. Однако с захватом власти чешские лидеры не торопились, опасаясь, что это может привести к серьезным революционным потрясениям. И лишь события, развернувшиеся 28 октября в Праге, заставили их действовать.

В этот день утром в городе распространилось известие о том, что Австрия принимает предложенные Вильсоном условия мирных переговоров. Сообщение было воспринято как полная капитуляция габсбургской монархии. На предприятиях стихийно прекратилась работа. Десятки тысяч людей вышли на улицы. В течение каких-нибудь двух часов стало ясно, что монархия полностью потеряла контроль над Чешскими землями.

В этих условиях Национальный комитет вынужден был действовать, чтобы сохранить за собой контроль над положением. После консультаций с австрийским наместником, который дал понять, что он не собирается противиться действиям Национального комитета, к вечеру 28 октября был принят и опубликован заранее подготовленный так называемый первый закон чехословацкого государства, в котором официально провозглашалось создание Чехословакии. В течение последующих двух дней власть Вены на всей территории чешских областей была ликвидирована.

Опираясь на завоеванную ранее гегемонию, чешские буржуазные деятели в основном сумели реализовать свои планы. Они воспользовались обстановкой, сложившейся в результате военного поражения монархии и развития революционного движения, чтобы добиться от правящих кругов согласия передать власть в их руки, сведя прямое участие масс в решении этого вопроса к минимуму. Выступление 28 октября в Праге ускорило развитие событий, но не смогло оказать существенного влияния на их исход. И когда 14 ноября 1918 г. было сформировано первое официальное правительство Чехословацкой республики, все важнейшие позиции в нем оказались в руках представителей чешской буржуазии.

В специфических условиях происходило провозглашение Чехословацкого государства в Словакии. Словацкий национальный совет, созданный по образцу пражского Национального комитета, решил открыто выступить лишь после того, как венгерское правительство в ответ на опубликованный императором Карлом 16 октября 1918 г. манифест о федерализации Австрии, заявило, что оно не допустит отделения невенгерских районов от Венгрии. 19 октября представитель словаков в венгерском парламенте Ф. Юрига, который еще за 10 дней до этого писал о непоколебимой верности идее целостности земель венгерской короны, зачитал «Обращение Словацкого национального совета». В этом документе содержалось решительное требование самоопределения словацкой нации и отрицалась правомочность венгерского сейма решать вопрос о будущем Словакии. Дальнейшие события развернулись уже на фоне полного распада габсбургской монархии.

30 октября в Турчанском Мартине состоялось первое официальное расширенное заседание Словацкого национального совета. Его участники приняли декларацию, получившую позднее название Мартинской. В ней подчеркивалось, что словацкая нация в языковом и культурном отношении представляет собой часть единой чехословацкой нации, и выдвигалось требование «неограниченного права на самоопределение на основе полной независимости». Словацкий национальный совет объявлялся единственным органом, правомочным выступать от имени словацкой нации. О создании Чехословацкого государства и о его характере документ ясно не высказывался, тем не менее его принятие являлось отражением прогрессивных, демократических тенденций в развитии словацкого общества.

Мартинская декларация представляла собой скорее программное заявление, чем акт, знаменующий немедленное изменение государственного статуса Словакии. Слабая словацкая буржуазия, в отличие от чешской, была не в состоянии обеспечить собственными силами практический переход власти в свои руки. Поэтому, когда словацкие деятели 30 октября принимали Мартинскую декларацию, жизнь уже опередила их. Мощный взрыв революционной энергии масс, приведший 31 октября к победе буржуазно-демократической революции в Венгрии, в течение нескольких дней охватил и всю Словакию. Стихийное движение трудящихся и возвращавшихся с фронта солдат в короткий срок смело старую администрацию, глубоко потрясло основы эксплуататорского строя. Но, несмотря на наличие отдельных пролетарских очагов, в целом оно носило ярко выраженный мелкобуржуазный характер, отличалось крайней раздробленностью и неорганизованностью. В сложившихся условиях Словакия превратилась в арену борьбы между венгерской и чешской буржуазией, закончившейся к началу января 1919 г. выводом венгерских войск за пределы Словакии.

Образование Чехословакии явилось результатом сложных и противоречивых исторических процессов. Не лишена противоречий и сама оценка этого явления. Буржуазно-демократическое решение чехословацкого вопроса в 1918 г. противостояло консерватизму австро-венгерской монархии и экспансии германского империализма, но оно не решало вызревавшей в то время задачи социального освобождения трудящихся. Это было бесспорно прогрессивное событие не только с точки зрения национальной, но и европейской истории. В международном плане оно стало хотя бы на время тормозом на пути экспансии наиболее реакционной силы в Центральной Европе — германского империализма. С точки зрения внутренней оно привело к устранению ряда пережитков феодализма, открыло значительно более благоприятные условия для национального развития чешского и словацкого народов. В отличие от других государств-наследников, где сложились реакционные полуфашистские режимы. Чехословакия в условиях послевоенного революционного подъема сформировалась как относительно более прогрессивное буржуазно-демократическое государство.

Все это не затронуло основ эксплуататорского строя. Не были устранены основные социальные противоречия. Не получил последовательного решения и национальный вопрос. Резкое обострение национальных противоречий в 30-е годы стало источником серьезной внутренней слабости так называемой Первой республики, а в конечном счете и одним из предлогов для ее расчленения. Наконец, связанная с империалистическими державами Запада система внешнеполитической ориентации буржуазной Чехословакии не выдержала испытания временем, привела страну к мюнхенской трагедии и поставила ее народы перед национальной катастрофой.

И только на новых путях, на путях социализма, в рамках социалистического содружества были обеспечены решающие предпосылки для прочной и подлинной независимости чешского и словацкого народов.

Ю. А. ПИСАРЕВ

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЮГОСЛАВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В 1918 ГОДУ

В последние годы в СФРЮ были опубликованы новые сборники документов и исследования об образовании Югославии¹. В двухтомной публикации «Материалы о создании югославянского государства»² содержатся документы о создании в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев и решения Парижской мирной конференции по югославскому вопросу.

Международные отношения на Балканах в этот период рассматриваются в работах Б. Кризмана³, Д. Шепича⁴, В. Вучковича⁵, история революционного движения в югославянских землях Австро-Венгрии — в трудах Ф. Чулиновича⁶, Ф. Клопчича⁷, Б. Стулли⁸, Н. Петровича⁹. Книга Д. Вуйовича «Объединение Черногории и Сербии» посвящена малоизученной проблеме сербско-черногорских отношений в годы первой мировой войны¹⁰.

В монографии Д. Янковича «Югославский вопрос и Корфская декларация 1917 г.»¹¹ исследуются программы политических партий, платформы и тактика общественных организаций среди югославянской эмиграции, а также деятельность сербского правительства. Тому же автору принадлежит ряд специальных работ о создании югославского нацио-

¹ См. D. Janković. O posleratnim radovima na istoriji stvaranja Jugoslovenske države 1918. «Jugoslovenski istorijski časopis» (далее — J. I. С.), 1962, № 2, s. 1—20.

² D. Janković, B. Krizman. Građa o stvaranju Jugoslovenske države, t. I—II. Beograd, 1964.

³ B. Krizman. Austro-Ugarska i Antanta 1918. «Historijski pregled», 1954, knj. I, s. 3; е го же. Austro-ugarska diplomatija u danima raspada Dvojne monarhije 1918 godine. «Historijski zbornik», 1961, № 1—4.

⁴ D. Sepić. Raspad Austro-Ugarske i Trst. «Jadranski zbornik», Rijeka—Pula, 1957, god. II; е го же. Sprska vlada Jugoslovenski odbor i pitanje kompromisne granice s Italijom. J. I. С., 1964, № 3.

⁵ V. Vučković. Diplomatska pozadina ujedinjenja Srbije i Crne Gore. «Jugoslovenska revija za međunarodno pravo», 1959, № 2.

⁶ F. Čulinović. Odjeci Oktobra u Jugoslavenskim krajevima. Zagreb, 1957.

⁷ F. Klopič. Odmevi Oktobarske revolucije v Sloveniji leta 1917—1920. «Sodobna pota», 1957, № 8.

⁸ B. Stulli. Ustanak mornara u Boki Kotorskoj. Split, 1950.

⁹ N. Petrović. Nacionalno pitanje i slom Austro-Ugarske monarhije. J. I. С. 1966, № 1—2.

¹⁰ Димитрије-Димо Вујовић. Уједињење Црне Горе и Србије. Титоград, 1962.

¹¹ D. Janković. Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917 godine. Beograd, 1967.

нального государства¹². Этой проблеме посвящены и труды Б. Храбака¹³.

В советской литературе также имеются работы по этой важной теме¹⁴.

Вопрос о создании югославского национального государства связан с общей проблемой освободительного движения югославиан, названного В. И. Лениным «национальной революцией южного славянства»¹⁵.

Борьба сербов, хорватов и словенцев за независимость и национальное единство, которую они вели в течение веков, особенно усилилась в конце первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг., когда под влиянием Великого Октября в габсбургской монархии начался подъем революционного движения и были созданы объективные предпосылки для ее ликвидации.

Югославянская проблема выдвинулась на первый план уже в начале войны. Австро-Венгрия напала на Сербию, стремясь разгромить ее как один из центров движения югославиан за национальное воссоединение. 26 июля, за два дня до объявления войны Сербии, министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд в беседе с поверенным в делах России в Вене Н. Кудашевым заявил: «Все решительно и прежде всего сам император... твердо убеждены, что сербская пропаганда подкапывается под самый дом, под нашу династию. Терпеть ее дольше — означало бы сознательно допустить развал монархии. Уничтожение этой пропаганды в корне является делом жизни или смерти для Австро-Венгрии как великой державы. Нам надо проявить свое великодержавие»¹⁶. Император Франц-Иосиф в секретном письме Вильгельму II заявил: «Сербия должна быть устранена с Балкан в качестве политического фактора»¹⁷. Монархия Габсбургов также хотела использовать военную конъюнктуру для разгрома национально-освободительного движения внутри империи. Полиция и суд Дунайской монархии после объявления войны Сербии обрушились с репрессиями на сербские политические партии и организации на территории Австро-Венгрии, а вскоре — на хорватские и словенские политические партии. В югославянских районах Австро-Венгрии была приостановлена деятельность ландтагов и органов местного самоуправления, ограничены конституционные права и гарантии.

Однако в поддержку антисербской войны выступили только реакционные слои общества. Большинство же населения югославянских земель Австро-Венгрии, встретило ее глухим протестом, а радикально настроенные элементы — открыто враждебно. В сербскую и черногорскую армии устремился поток добровольцев¹⁸, на территории Австро-

¹² Д. Јанковић. Из историје стварања Југословенске државе. «Анали правног факултета у Београду», Београд, 1963, № 3—4; е го ж е. Улога напредних друшћених снага у стварању Југословенске државе 1918. Ј. И. С., 1963, № 4; е го ж е. Зелевска конференција о стварању југословенске заједнице 1918. «Историја XX века», Београд, 1963, књ. V.

¹³ В. Храбак. Октобарска револуција и стварање Југославије». «Pregled», Сарајево, 1967, № 11—12; е го ж е. Dolazak organizovanih povratnika iz Sovjetske Rusije u Jugoslaviju 1918—1919. «Zbornik», Slavonški Brod, 1964, књ. 4.

¹⁴ «История Югославиан», т. II. М., 1963; Л. М. Миняев. Революционный подъем в югославянских землях под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918). В кн. «Из истории революционной борьбы». М., 1960; Ю. А. Писарев. Советская Россия, Антанта и создание югославского государства. «Новая и новейшая история», 1967, № 4; М. Н. Сумарокова. Вуковарский съезд Коммунистической партии Югославии. Сб. «Прошлое и настоящее. Из истории европейских стран народной демократии». М., 1967.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 16.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1914, оп. 470, д. 3, л. 47.

¹⁷ «Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914», Bd. VIII, Wien — Leipzig, 1930, № 9984, s. 251—252.

¹⁸ «Dobrovolci Kladivari Jugoslavije». Ljubljana, 1936.

Венгрии стали возникать подпольные группы революционной молодежи, выступившие с лозунгом активной борьбы с монархией. Одновременно резко активизировалась хорватская, словенская и сербская политическая эмиграция, создавшая за границей ряд центров по руководству объединительным движением.

С каждым годом войны югославянская проблема становилась более острой, а положение многонациональной монархии Габсбургов более шатким. Надежды правящих кругов не оправдались¹⁹. Австро-Венгрия испытывала постоянные неудачи на фронте. На оккупированной же в 1916 г. территории Сербии и Черногории развернулась всенародная борьба против захватчиков. Монархии Габсбургов не удалось подавить национально-освободительное движение внутри страны.

Решающую роль в дальнейшем развитии событий, приведших к ликвидации империи и созданию национальных государств, сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция в России и последовавшая за ней революция в Австро-Венгрии. С победой Октябрьской революции появилась возможность решения югославянской проблемы на иной основе.

Сербское правительство и Югославянский комитет в Лондоне хотели использовать войну в целях отторжения от Австро-Венгрии югославянских территорий и образовать югославское национальное государство без участия народных масс. Судьба народов отдавалась в руки Антанты.

Октябрьская революция объявила войну войне. Советское правительство предложило заключить мир без аннексий, вывести войска из оккупированных территорий и предоставить народам право самим определить свою государственную принадлежность. Принцип национального самоопределения, начертанный на знамени Октября, позволял решить югославянскую проблему подлинно демократическим путем.

Оценивая значение Октябрьской революции, собрание сербских, хорватских и словенских прогрессивных эмигрантов в Женеве в резолюции от 24 декабря 1917 г. отмечало: «Югославянские народы с энтузиазмом приветствуют Русскую революцию, провозгласившую принцип самоопределения и указавшую путь к свободе»²⁰.

Даже буржуазные партии югославянских земель Австро-Венгрии, встретившие захват власти в России рабочими и крестьянами недоброжелательно, были вынуждены признать огромное значение мирной программы Советского государства и выдвинутого ею принципа самоопределения (в частности, хорватская Партия права Анте Старчевича²¹), а парламентские фракции югославян, чехов и галицийских украинцев потребовали в рейхсрате принять советские предложения о перемирии²².

Позиция Австро-Венгрии и Германии на мирных переговорах в Брест-Литовске вызвала взрыв возмущения в Австро-Венгрии. В январе 1918 г. по стране прокатилась всеобщая политическая забастовка, в которой участвовало свыше 700 тыс. рабочих. В военно-морской гавани Котор 1—3 февраля вспыхнуло восстание на 40 кораблях австро-венгерского флота; было выдвинуто требование о немедленном прекращении войны и предоставлении народам прав на самоопределение²³. Идеи Октября все

¹⁹ «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914», Bd. IV. Berlin, 1927, s. 120

²⁰ «Српске новине», 9 I 1918.

²¹ «История Югославии», т. II, стр. 12.

²² «Stenographische Protokolle über Sitzungen des Hauses der Abgeordneten des Österreichischen Reichsrates in Jharen 1907—1918». XXII. Session. Bd. III. Wien, 1918, s. 2515—2517.

²³ B. Stulli. Ustanak mornara, s. 159—169.

более овладевали массами. В июне в Австро-Венгрии произошла новая всеобщая политическая забастовка, а в октябре началась революция.

Правящие круги оказались бессильными предотвратить распад монархии. В Чехии, Хорватии, словенских, польских, румынских и украинских землях осенью 1918 г. возникли национальные комитеты, заявившие о своем разрыве с империей. 29 октября югославянские территории бывшей Австро-Венгрии объединились в Государство словенцев, хорватов и сербов и провозгласили независимость. К этому времени Сербия и Черногория были освобождены от оккупации. 1 ноября (по нов. ст.) в Белград вступили сербские войска. В изгнании оккупантов им активно помогало население²⁴. 3 ноября Австро-Венгрия капитулировала, подписав с державами Антанты соглашение о перемирии²⁵.

Война на Балканах закончилась, но вопрос о создании югославянского государства полностью решен не был. Сербия, добившись освобождения, вернулась к старым государственным границам, не достигнув цели — объединить вокруг себя югославянские территории. Черногория, хотя и освободилась от оккупации, не определила формы своей государственности.

Югославянские земли бывшей Австро-Венгрии объединились в Государство словенцев, хорватов и сербов; революционная борьба продолжалась, и в ряде мест сохранялось двоевластие²⁶. Народное вече, состоявшее из представителей буржуазии, и органы власти трудящихся²⁷.

Народное вече выступало против дальнейшего углубления революции, пытаясь обеспечить защиту буржуазного правопорядка. Буржуазия намеренно раздувала значение национального вопроса, чтобы отвлечь массы от социальных задач, призывая к отказу от классовой борьбы во имя «национального единства»²⁸. Социал-реформисты выдвинули теорию «поэтапного развития революции»: сначала должно быть создано национальное государство, а затем может быть достигнуто социальное равенство. «Для нас, — писала 22 ноября 1918 г. хорватская реформистская газета „Слобода“, — вопрос о будущем югославянском государстве, вопрос о том, будет ли оно республикой или монархией есть дело второстепенное (разрядка моя. — Ю. П.), т. е. дело политических расчетов и развития событий. Главным является объединение югославян в едином и самостоятельном государстве»²⁹. Правые лидеры СДП сняли лозунг борьбы за диктатуру рабочего класса и вошли в состав буржуазного Народного вече³⁰.

Левые социалисты требовали создания социалистической республики и участия в управлении широких народных масс. «Решение югославянской проблемы возможно только на социалистической основе». — указывал словенский социал-демократ, позже известный коммунист Август

²⁴ См. Б. Храбак. Учение становништва у протеривању окупатора октобра 1918. «Историски гласник», Београд, 1958, № 3—4; Ю. А. Писарев. Роль масс в освобождении Сербии и Черногории от оккупации в 1918 г. «Новая и новейшая история», 1965, № 3.

²⁵ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference 1919». (далее — F. R.). V. II. Washington, 1942, p. 175—176.

²⁶ Ю. А. Писарев. Последние дни монархии Габсбургов и освободительная борьба югославянских народов. Народное вече и его деятельность. «Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР», 1962, т. 24, стр. 211—213.

²⁷ В. Кризман. Građa o nemirama u Hrvatskoj na kraju 1918. «Historijski zbornik», 1957, № 1—4, s. 111—119.

²⁸ В. Храбак. Oktobarska revolucija..., s. 436.

²⁹ S. Budisavljević. Stvaranje države Srba, Hrvata i Slovenaca. Zagreb, 1957, s. 91.

³⁰ «Zgodovinski arhiv Komunističke partije Jugoslavije», t. V. Beograd, 1951, s. 366.

Цесарец³¹. 10 июля на массовом собрании рабочих-социалистов в г. Любляне была принята резолюция, в которой говорилось, что югославское государство «должно стать социалистической республикой»³². За республиканскую форму правления и демократическое устройство государства на основе федерации высказались социал-демократические партии Сербии³³ и Боснии и Герцеговины³⁴.

Мелкобуржуазные партии заняли промежуточную позицию. Они опасались захвата власти пролетариатом и в то же время были против установления сербской монархии. Типична позиция лидера Хорватской крестьянской партии Степана Радича, который выдвигал задачу обеспечения независимости Хорватии, но из-за страха перед революцией согласился на установление в стране верховной власти сербского короля³⁵.

В объединении югославянских территорий вокруг сербского королевства определенную роль сыграл внешний фактор. В преддверии международной мирной конференции, на которой империалистические державы намеревались перекроить карту Европы, большое значение приобретал вопрос о границах новых государств и взаимных территориальных притязаниях.

Италия, основываясь на секретных статьях Лондонского договора 1915 г., посягала на югославянские земли Истрии, Далмации, Хорватского Приморья³⁶, послав в начале ноября войска в северо-восточную часть Адриатики³⁷. Кроме того, она пыталась установить гегемонию в Черногории, подталкивая эмигрировавшего из страны короля Никола к активному вмешательству в черногорские дела с целью восстановить на цетинском престоле династию Негошей-Петровичей³⁸.

Франция поддерживала сербское королевство, и командующий Восточной армией Антанты Франше д'Эпере 30 октября предложил сербским войскам перейти бывшую государственную границу Австро-Венгрии, чтобы вместе с другими войсками держав Антанты участвовать в оккупации. Позже он распорядился ограничить сферу действий сербских войск югославянскими землями³⁹. США и Англия долгое время не оставляли плана создания Дунайской федерации, в которую должны были войти территории бывшей Австро-Венгрии, в том числе и югославянские⁴⁰. Они заигрывали с королем Николой, стремясь оказать давление на Сербию и Францию⁴¹.

Руководители Антанты, охлаждая пыл главы сербского правительства Н. Пашича, стремившегося присоединить к Сербии Боснию, Хорватию, Воеводину и другие территории, откладывали решение югославянского вопроса до Парижской мирной конференции. Все это создавало в Белграде, Загребе и Цетинье состояние неуверенности, понуждая сербское пра-

³¹ В. Н г а б а к. Oktobarska revolucija..., s. 437.

³² «Борба», 8 X 1957.

³³ См. «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. III. Београд, 1955, стр. 313—314.

³⁴ См. «Arhiv Komunističke partije Bosne i Hercegovine», т. II. Sarajevo, 1955, s. 273.

³⁵ См. подробнее D. Ј а н к о в и ć. Uloga naprednih društvenih snaga u stvaranju Jugoslovenske države 1918. J. I. C., 1963, № 4, s. 44—56.

³⁶ См. D. Š e p i ć. Srpska vlada, Jugoslavenski odbor i pitanje kompromisne granice s Italijom. J. I. C., 1964, № 3, s. 37—55.

³⁷ F. R., v. II, p. 303—304, 324.

³⁸ Ibid., p. 294.

³⁹ Б. Х р а б а к, Д. Ј а н к о в и ć. Србија 1918. Београд, 1968, с. 187—188.

⁴⁰ F. R., v. V. Washington, 1941, p. 368.

⁴¹ «F. R. The Paris Peace Conference 1919», v. III. Washington, 1942, p. 347, 349, 358.

вительство, Народное вече и Народную скупщину в Черногории к сближению.

6 ноября на совещании Н. Пашича с председателем Народного веча А. Корошецем и председателем Югославянского комитета А. Трумпичем, состоявшемся в Женеве, были сделаны первые наброски состава будущего правительства объединенного югославского государства⁴². Женевские соглашения не были реализованы, но дальнейшее обострение политического кризиса в Государстве словенцев, хорватов и сербов заставило Народное вече пойти на новое сближение с Белградом⁴³. Не располагая собственными силами для предотвращения экспансии Италии и для охраны буржуазного правопорядка, Народное вече призвало в страну сербские войска, а 24 ноября направило в Белград делегацию, которая вручила верпоподданнический адрес принцу-регенту Александру с просьбой взять югославянские земли бывшей Австро-Венгрии под свою «высокую руку». Тогда же в Белград прибыла делегация от Народной скупщины Черногории, высказавшейся за объединение с Сербией⁴⁴.

1 декабря 1918 г. было провозглашено югославское государство под названием Королевство сербов, хорватов и словенцев, переименованное в 1929 г. в Югославию.

Оценивая значение этого события, следует прежде всего подчеркнуть глубоко прогрессивный факт самого объединения югославян в одно государство, в результате чего была преодолена вековая раздробленность братских народов — сербов, хорватов и словенцев. Революция в Австро-Венгрии привела к ликвидации «отсталой, феодальной, клерикальной, чиновничьей» монархии⁴⁵, угнетавшей многочисленные нации. На развалинах Австро-Венгрии были созданы новые национальные государства, получившие лучшие условия для развития экономики и национальной культуры. Объединение югославянских территорий способствовало укреплению единства рабочего движения. Это единство было завоевано в результате борьбы левых, революционных сил против социал-реформизма. Великая Октябрьская социалистическая революция в России оказала всестороннее влияние на югославский пролетариат.

⁴² См. Б. Кризан. Женевска конференција о уједињењу 1918. «Историски гласник», 1958, № 1—2, с. 3—32.

⁴³ См. Д. Јанковић. *Zenevska konferencija o stvaranju jugoslovenske zajednice 1918. «Istorija XX veka», Beograd, 1963, kn. V.*

⁴⁴ Димитрије-Димо Вујовић. Уједињење Црне Горе и Србије, с. 328—331.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 176.

Н. И. КОСТЮШКО

ТРАДИЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ КПП И ОБЪЕДИНЕНИЕ ПОЛЬСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

50 лет тому назад, 16 декабря 1918 г., в обстановке революционного подъема, обусловленного общим кризисом капитализма и победой социалистической революции в России, в переломный период жизни польского народа — период возрождения независимой Польши — произошло объединение двух пролетарских партий: Социал-демократии Королевства Польского и Литвы и Польской социалистической партии-левицы, была создана Коммунистическая рабочая партия Польши (с марта 1925 г. она именовалась Коммунистической партией Польши). Образование КПП было большим событием в истории польского рабочего движения, оно знаменовало начало нового этапа в борьбе пролетариата и всех трудящихся за свое освобождение от гнета буржуазии и помещиков, «коренным образом повлияло на всю последующую историю польского народа и государства»¹.

КПП унаследовала от СДКПиЛ и ППС-левицы непоколебимую веру в историческую миссию пролетариата, революционную самоотверженность в борьбе за дело рабочего класса, пролетарский интернационализм. Продолжая и обогащая эти традиции, КПП, находясь на полулегальном положении, а с середины 1919 г. в подполье, несмотря на жестокие преследования и террор со стороны властей и реакционных сил, решительно и последовательно отстаивала интересы народных масс, боролась за победу социалистической революции в Польше. В ходе революционной борьбы, используя опыт польского и международного рабочего движения, и в особенности опыт партии большевиков, КПП пересматривала ошибочные программные положения и тактические установки, связанные с идейным наследием ее предшественниц и собственной деятельностью, и стремилась творчески претворить в жизнь ленинские идеи. Она внесла большой вклад в историю борьбы и развития революционной мысли польского рабочего движения².

Великой заслугой КПП является разработка ею программных вопросов польского революционного рабочего движения. В «Политической платформе» и в манифесте «К пролетариату Польши», принятых на I съезде КПП, партия указывала, что в эпоху, начало которой положила Октябрьская революция в России, ближайшей задачей рабочего класса стало свержение господства буржуазии и установление диктатуры про-

¹ В. Г о м у л к а. Статьи и речи. М., Госполитиздат, 1959, стр. 348.

² W 40 rocznicę powstania Komunistycznej partii Polski. Tezy Komitetu Centralnego PZPR. «Nowe drogi», 1958, № 12 (114), s. 47.

летариата. «Польша, как и все страны гибнущего капиталистического мира, — заявляла КПП, — вступает в период социальной революции. Экономическая жизнь, разваленная и разрушенная войной и оккупацией, вывозом миллионов людей, бесстыдным хищническим хозяйничанием имущих классов, должна быть заново построена на основах общественной собственности на средства производства и землю... Вся власть должна перейти в руки пролетариата города и деревни, организованного в Советах рабочих депутатов»³.

Определив главную и непосредственную задачу польского пролетариата, КПП возглавила борьбу революционных сил за установление в Польше власти Советов рабочих депутатов. Она активно участвовала в организации и деятельности Советов, отстаивала их единство и решительно выступала против раскольнической политики реформистских и буржуазных партий, высказывалась за создание центрального руководящего органа, настаивала на взятии власти Советами, добивалась удовлетворения повседневных нужд рабочих. После разгрома Советов буржуазно-помещичьим правительством партия продолжала развивать идеи борьбы за Польскую Республику Советов рабочих депутатов, организовывала выступления пролетариата против существующих порядков. Под руководством польских коммунистов в июле-августе 1920 г. в Польше развернулось движение за создание Польской Социалистической Республики Советов, устанавливалась народная власть и осуществлялись революционные социально-экономические преобразования. Однако, вследствие ряда обстоятельств объективного и субъективного характера, революционные силы Польши не смогли тогда свергнуть власть буржуазии и помещиков. Считая основной задачей рабочего класса борьбу за диктатуру пролетариата, КПП в дальнейшем обогатила и конкретизировала это программное положение. Она выдвинула лозунг рабоче-крестьянского правительства, рассматривая его вначале как переходное правительство к диктатуре пролетариата, а затем как диктатуру пролетариата в форме Советской власти. Этот лозунг, в отличие от прежних представлений КПП, исходил из идеи рабоче-крестьянского союза, являвшегося основой революционной власти. КПП полагала, что нерешенные задачи буржуазно-демократической революции будут осуществлены революцией социалистической. Борьбу за рабоче-крестьянское правительство, за Польскую Социалистическую Республику Советов она считала непосредственной задачей всех революционных сил страны. Правильно определяя стратегическую линию польского революционного движения, КПП, однако, в определенной мере недооценивала значение общедемократических преобразований в борьбе за диктатуру пролетариата.

В обстановке наступления фашизма и усилившейся опасности войны, исходя из своего опыта и деятельности братских партий, в соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна, КПП разработала новый политический курс, заключавший в себе идеи народного и антифашистского фронта, учитывавший возможность общедемократического этапа на пути к социалистической революции, выдвигавший в качестве первоочередной задачи борьбу за демократизацию общественной жизни, за национальную независимость. Эта линия, обусловленная расстановкой социальных сил, уровнем развития революционного движения, органически сочетала ближайшие цели трудящихся масс с их конечной целью — освобождением от гнета буржуазии и помещиков. Указывая на необходимость расширения и упрочения единого фронта и разъясняя свою политику.

³ KPP. Uchwały i rezolucje, t. I. Warszawa, 1953, s. 42.

партия торжественно заявляла: «Мы — коммунисты — всеми силами стремимся к тому, чтобы на развалинах строя нищеты, эксплуатации и террора возникло свободное, независимое отечество трудящихся — Польша — Социалистическая Республика Советов»⁴. КПП была единственной партией в мейвоейной Польше, которая выдвинула задачу завоевания народной власти и последовательно боролась за ее осуществление.

В условиях аграрно-индустриальной страны, какой являлась буржуазно-помещичья Польша, большое значение приобретал крестьянский вопрос. На первых порах, оставаясь на позициях люксембургизма, КПП отрицала революционные возможности крестьянства. По мере усвоения идей ленинизма она изменяла свое отношение к крестьянам. Признав одной из своих задач разяснительную и организационную работу среди малоземельных крестьян, партия затем разработала «Аграрные тезисы», ставшие программным документом. В этих тезисах и других материалах II съезда КПП в основном с ленинских позиций анализировалась социальная структура деревни и оценивались революционные возможности беднейшего крестьянства. Считая непременным условием пролетарской революции тесный союз рабочего класса и широких масс крестьянства, видя в борьбе крестьян за помещичью землю революционный фактор, КПП заявляла о своей поддержке этой борьбы, выдвигала лозунг безвозмездной передачи крестьянам помещичьих земель («Земля крестьянам»), стремилась объединить крестьянское и рабочее движение под знаменем революции. Она формулировала и отстаивала текущие требования крестьян. «До сих пор, — говорится в тезисах ЦК ПОРП, — два крупных общественных движения в Польше: революционное рабочее движение и крестьянское движение — были разобщены.

КПП была первой партией, которая проложила мост между этими движениями, строя союз рабочих и крестьян под руководством рабочего класса в борьбе с влиянием буржуазии и аграристскими теориями правого течения в крестьянском движении»⁵.

В документах по аграрному вопросу содержались и некоторые ошибочные положения (о самостоятельной роли мелкой буржуазии, о преимуществах мелкого хозяйства над крупным и другие). В ходе революционной борьбы КПП совершенствовала свою аграрную программу. Она признала возможным перейти от политики нейтрализации середняка к союзу с ним в борьбе против буржуазно-помещичьего гнета (IV партийная конференция). Имея в виду, что формулировка лозунга борьбы за землю, принятая V съездом партии («Земля крестьянам и сельскохозяйственным рабочим»), ослабляет воздействие партии на крестьянские массы, VI съезд восстановил прежнюю формулировку этого лозунга («Земля крестьянам без выкупа»), что, разумеется, не изменяло отношения партии к обеспечению интересов сельскохозяйственных рабочих при разделе помещичьей земли. При этом подчеркивалась теснейшая связь вопроса борьбы за землю с лозунгом рабоче-крестьянского правительства. Расширялись и конкретизировались повседневные требования крестьян и батраков. Аграрная программа партии, выражая интересы трудового крестьянства, связывала их с задачами борьбы пролетариата, указывала путь освобождения крестьян от социального и политического гнета, содействовала развитию революционного движения в деревне.

Важное значение в идейном развитии партии, в ее большевизации имела правильная постановка национального вопроса. Исходя из опи-

⁴ КПР. Uchwały i rezolucje, t. III. Warszawa, 1956, s. 550.

⁵ W 40 rocznicę..., s. 48.

бочной концепции СКДПиМ по этому вопросу, КПП полагала, что в начавшийся период мировой социальной революции пролетариат должен отвергать всякие политические лозунги автономии, самостоятельности и самоопределения народов; по ее мнению, для революционных сил вообще не существовало проблемы границ. На II съезде партия пересмотрела свою позицию и приняла программные положения по национальному вопросу в духе ленинизма. Заявляя, что не может быть действительной свободы польского народа без полной свободы покоренных народов, она провозгласила право угнетенных народов на самоопределение вплоть до отделения. КПП признавала и поддерживала стремление населения Западной Украины и Западной Белоруссии к освобождению от гнета буржуазно-помещичьей Польши, высказывалась за присоединение этих земель к Белорусской и Украинской советским республикам. Партия указывала, что борьба белорусского и украинского народов за национальное воссоединение являлась вместе с тем и классовой борьбой крестьянских масс за землю, против польских помещиков. КПП осуждала шовинизм, национализм, национальное угнетение во всех его формах, требовала отмены ограничений прав национальных меньшинств, прокламировала идеи интернационализма, солидарности эксплуатируемых и угнетенных масс. Пропагандируя эти идеи, борясь за проведение их в жизнь, она сыграла большую роль в интернациональном воспитании трудящихся масс, в объединении их революционных усилий, прокладывала путь для последовательно демократического решения национального вопроса.

С разработкой аграрной и национальной программы, борьбой за ее реализацию неразрывно был связан вопрос о гегемонии пролетариата в освободительном движении. Учитывая интересы трудового крестьянства и угнетенных народов, КПП стремилась сочетать их с интересами рабочего класса. «Главной задачей коммунистической партии, — указывал III съезд КПП, — является соединение трех основных факторов революции в Польше — рабочего и крестьянского движения и борьбы угнетаемых национальностей — в единую общую борьбу за свержение правительств капитала и польских помещиков, борьбу, в которой пролетариат сыграет роль гегемона (вождя) революционных сил»⁶. Эта роль пролетариата определялась тем, что он являлся наиболее последовательной революционной силой, способной возглавить и повести за собой широкую массу трудящихся. КПП полагала, что только гегемония рабочего класса в революционном движении может обеспечить его победу. Она неумолимо боролась за гегемонию пролетариата; осуществлению этой задачи, однако, препятствовали раскол рабочего класса и другие обстоятельства.

Гегемония пролетариата в революционной борьбе определяла роль его авангарда — коммунистической партии. КПП после II съезда превратилась в партию, выражавшую интересы рабочих, трудового крестьянства, демократической интеллигенции и угнетенных национальностей. В ее рядах объединялись наиболее революционные силы народа, по своему составу она была интернациональной (на правах автономии в нее входили Коммунистическая партия Западной Белоруссии и Коммунистическая партия Западной Украины), ее организация и деятельность основывались на принципах демократического централизма. Отвергнув концепцию об автоматическом крахе капитализма, игнорировавшую значение субъективных факторов, КПП признавала необходимость политической и организационной работы по подготовке револю-

⁶ KPP. Uchwały i rezolucje, t. II. Warszawa, 1955, s. 113.

ции, развивала идею о руководящей роли партии, осуществляла эту идею в своей практической деятельности. По мере овладения ленинизмом она укреплялась в идейном и организационном отношениях, становилась партией нового типа. КПП являлась активной, направляющей силой в революционном движении, важным фактором общественно-политического развития страны.

КПП разрабатывала тактику революционной борьбы с учетом изменения обстановки в стране. В первый период своей деятельности партия, сосредоточивая внимание на решении главной задачи пролетариата, недооценивала, однако, значения борьбы за удовлетворение частичных требований рабочих. В условиях наступления капитала и реакции партия перешла к тактике единого пролетарского фронта, позволявшей объединить вокруг частичных, общих для всех рабочих, требований, различные слои и группы пролетариата, добиться некоторого улучшения положения рабочего класса и направить его усилия на осуществление главной задачи. Она высказывалась за единство профсоюзного движения, осуждала политику реформистских и националистических профессиональных объединений, считала обязанностью коммунистов активное участие в работе профсоюзов, стремилась придать деятельности профсоюзов революционную направленность. Отказавшись от тактики бойкота, применявшейся при первых выборах в сейм, партия использовала избирательные кампании и парламентскую трибуну для пропаганды своих идей, мобилизации масс на борьбу против социального, политического и национального гнета. В дальнейшем она осуществляла тактику народного и антифашистского фронта.

В необычайно трудных условиях нелегального положения, в обстановке преследований и террора, разнузданной травли коммунистов со стороны реакции, КПП, проявляя революционный героизм, распространяла идеи марксизма-ленинизма, разоблачала антинародную и антинациональную политику буржуазии и помещиков, правящих кругов, санационного режима (установившегося после майского переворота 1926 г.), соглашательство руководящих деятелей ППС и людовцев, указывала пути и средства для уничтожения буржуазно-помещичьего строя. Она организовывала демонстрации, митинги и стачки протеста против антидемократических мер правительства, боролась с фашистскими тенденциями, поддерживала аналогичные выступления других организаций, руководила экономическими забастовками промышленных и сельскохозяйственных рабочих, добивалась улучшения их положения, вела политическую и организационную работу среди крестьян.

На деятельности партии отрицательно сказывались ошибки левосектантского и правооппортунистического характера и острая фракционная борьба. КПП была менее устойчива по отношению к тенденциям «детской болезни левизны». Это обуславливало «склонность к непродуманным тактическим поворотам, не обоснованным объективным положением и состоянием сознательности масс, к обострению лозунгов и методов борьбы в обманчивой надежде на ускорение революционного процесса, что на практике вело к сужению фронта борьбы»⁷. Покончив с фракционной борьбой, исправляя свои ошибки, КПП возглавила движение масс за создание народного, антифашистского фронта, доследовательно защищала их интересы.

Важное место в политике КПП занимали вопросы международного положения страны, ее независимости и безопасности. Пересмотрев свое

⁷ W 40 rocznicę..., s. 49.

отношение к национальной проблеме, партия связала судьбу польской государственности с классовой борьбой трудящихся. Она полагала, что только победа революции может обеспечить польскому народу прочную государственную независимость. КПП указывала на экономическую и политическую зависимость страны от крупных империалистических держав, раскрывала антинациональный характер политики правящих кругов, их агрессивные планы. Она глубоко понимала опасность, создавшуюся для независимости Польши после прихода гитлеровцев к власти в Германии, предупреждала об этой угрозе, указывала путь к ее предотвращению. «Угроза нападения Гитлера, — говорилось в воззвании ЦК КПП, — создает положение, при котором борьба за свержение сапатского режима, за демократические выборы, за правительство, пользующееся доверием народных масс, становится вопросом жизни или смерти для Польши»⁸. КПП понимала роль Советского Союза в борьбе за мир, видела гарантию независимости страны в польско-советском содружестве, в объединении всех прогрессивных сил для отпора фашистской агрессии. Разъясняя народу надвигающуюся опасность, организуя движение в защиту независимости страны, партия как передовая патриотическая сила отстаивала национальные интересы Польши.

В своей деятельности КПП руководствовалась принципами пролетарского интернационализма. Она неразрывно связывала борьбу польского народа за демократию, социализм и ее перспективы с успехами социалистического строительства в СССР, с делом мирового революционного движения. КПП понимала громадное международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, видела в Советской России союзника рабочего класса и всех трудящихся Польши, считала своей обязанностью, долгом польского пролетариата оказание всемерной поддержки победоносной революции, солидаризировалась с борьбой трудящихся страны Советов против внутренней контрреволюции и внешней интервенции. Она протестовала против антисоветских акций польской буржуазии и помещиков, разоблачала захватнические планы и действия правящих кругов в отношении Литвы, Белоруссии и Украины, осуждала развязанную ими в 1920 г. войну, требовала ее прекращения, призывала к борьбе в защиту советских республик, разъясняла народу существование ленинской внешней политики, поддерживала предложения Советского правительства о мирном урегулировании военного конфликта. Многие польские коммунисты, рабочие и крестьяне с оружием в руках героически защищали дело Октябрьской революции, свободу и независимость народов Советской страны.

Видя в Советском Союзе оплот польского и международного революционного движения и связывая с ним перспективы освобождения трудящихся от гнета капитала, КПП приветствовала успехи социалистического строительства в Советском Союзе, рассказывала о них польскому народу, раскрывала злобные вымыслы буржуазной пропаганды, звала рабочих и крестьян стать на путь, проложенный Великим Октябрем, развивала идеи солидарности и дружбы между польским и советским народами. Коммунисты, выражая интересы народа, осуждали антисоветскую политику правящих кругов и руководящих деятелей реформистских партий, разоблачали их приготовления к войне с Советским Союзом, особенно усилившиеся после установления сапатского режима в стране, добивались нормализации отношений между Польшей и СССР, расширения и углубления польско-советских политических, экономических и

⁸ KPP. Uchwały i rezolucje, t. III, s. 653.

культурных связей, проведения переговоров о разоружении, заключения договоров о торговле, о ненападении, о взаимной помощи против агрессии и осуществления мер по организации коллективной безопасности народов. Отмечая усиление фашизма и агрессивных устремлений империалистических сил, возросшей опасности войны против Советского Союза, КПП развернула широкую антивоенную кампанию; защиту Советской страны от посягательств империализма она рассматривала как важнейшую задачу партии, трудящихся масс Польши.

Тесные узы пролетарского интернационализма связывали КПП с Коммунистической партией Советского Союза. КПП глубоко понимала историческую роль большевистской партии и ее основателя В. И. Ленина, видела в ней ведущую силу международного коммунистического движения, высоко оценивала ее деятельность, солидаризировалась с ее борьбой за победу социализма. III съезд КПП, состоявшийся в марте 1925 г., в своем обращении к коммунистам Советского Союза заявлял: «III съезд КПП посылает приветствия РКП (б) — руководителю пролетариата великой Советской Республики, передовому отряду международной пролетарской революции.

Товарищи! Мы гордимся Вашей партией. Мы гордимся Вами, как партией, которая под водительством титана мысли и революционного дела — Ленина добилась победы над силами угнетения и эксплуатации и научила пролетариат всего мира как побеждать в революционной борьбе.

Наша самая возвышенная цель состоит в том, чтобы идти по Вашим следам, так как и Вы, сплотить рабочие и крестьянские массы вокруг коммунистического знамени и повести их к победе, к власти»⁹.

КПП использовала опыт ВКП (б) и других братских партий для выработки правильной стратегической и тактической линии польского революционного движения, преодоления ошибок правооппортунистического и сектантского характера. Она поддерживала борьбу ВКП (б) за сплочение коммунистического движения, против наступления фашизма и угрозы войны.

КПП активно сотрудничала с другими братскими партиями. Она приветствовала создание III Коммунистического Интернационала, стала его секцией, безоговорочно приняла «21 условие» приема партий в Коминтерн, определявшие политические и организационные принципы коммунистического движения, принимала участие в работе конгрессов, Исполкома и комиссий, в разработке стратегии и тактики революционной борьбы, в реализации решений Коминтерна. Она являлась одной из лучших боевых секций Коминтерна. КПП учитывала опыт братских партий и оказывала им посильную поддержку. Замечательную страницу в историю революционной солидарности вписали польские коммунисты своей борьбой против фашизма в Испании и других странах.

КПП сыграла важную роль в истории народа. Руководствуясь марксистско-ленинским учением, она выдвигала политическую концепцию, отвечающую интересам народа, всегда находилась в авангарде борьбы за его лучшее будущее. Она воспитала многие тысячи преданных борцов за дело социализма, среди ее руководителей были такие видные революционные деятели, как А. Варский, М. Кошутская, Ю. Ленский, Г. Валецкий, Э. Прухняк, Ф. Гжельцак, Я. Пашия.

Летом 1938 г. в связи с якобы широким проникновением в ряды руководящего партийного актива вражеской агентуры КПП была распущена Исполкомом Коминтерна. Это необоснованное решение нанесло тяже-

⁹ KPP. Uchwały i rezolucje, t. II, s. 212.

лый удар польскому рабочему движению. Но и после роспуска КПП коммунисты продолжали бороться против сапатсионного режима, против гитлеровских захватчиков. Из созданных ими в подполье организаций в январе 1942 г. была образована Польская рабочая партия.

50-я годовщина создания КПП совпадает со вторым большим событием — 20-летием объединения польского рабочего движения, объединения ПРП и ППС в Польскую объединенную рабочую партию. ПРП, продолжая лучшие традиции КПП, основываясь на марксистско-ленинском учении, в новой исторической обстановке разработала программу народной Польши, связанной дружбой с Советским Союзом и народами других стран, и возглавила борьбу польского народа против гитлеровской оккупации и польской реакции, за коренное переустройство общественной жизни. Вокруг этой программы она сплотила демократические, патриотические силы нации. Под ее руководством национальный фронт успешно реализовал программу национального и социального освобождения народа. Освобождение Советской Армией Польши от гитлеровских оккупантов и укрепление сил демократии и социализма создали благоприятные условия для решения задач, стоявших перед польским народом. Героическая борьба ПРП и сотрудничавших с ней левых социалстов и людовцев, всех демократических сил народа, внесших свой посильный вклад в общее дело разгрома фашизма, завершилось замечательной победой. В освобожденной стране была установлена народная власть.

ПРП, действовавшая в едином фронте с возрожденной ППС, претворила в жизнь идею диктатуры пролетариата в форме народной демократии, опирающейся на союз рабочих и крестьян. Народная власть осуществила коренные социально-экономические преобразования: аграрную реформу, покончившую с господством помещиков в деревне, национализацию промышленности, банков, транспорта, средств связи. В результате этого был создан социалистический сектор в экономике страны. Все польские земли были воссоединены в единое национальное государство. Развивались и укреплялись дружеские отношения и сотрудничество народной Польши с Советским Союзом и другими странами. Были созданы благоприятные условия для восстановления и развития народного хозяйства, повышения жизненного уровня трудящихся масс. Страна вступила на путь строительства социализма.

В результате этого сложились условия для объединения двух рабочих партий — ПРП и ППС. Проводя политику единого фронта рабочего класса, ПРП оказывала помощь ППС в выработке правильной линии, добивалась согласования усилий обеих партий, укрепления их связей и сотрудничества, всемерно содействовала переходу ППС на позиции марксизма-ленинизма. Она вела большую политическую и организационную работу по подготовке объединения рабочих партий. Под воздействием идей марксизма-ленинизма, в ходе борьбы за революционные преобразования ППС, освобождаясь от правых элементов, реформистских и националистических представлений, все более сближалась с ПРП, а затем и перешла на последовательно революционные позиции.

II съезд ПРП и XXVIII съезд ППС единодушно приняли решение об объединении обеих партий. На объединительном съезде ПРП и ППС, открывшемся 15 декабря 1948 г., была создана Польская объединенная рабочая партия. Образование единой революционной партии, основанной на идейных и организационных принципах марксизма-ленинизма, явилось величайшим завоеванием польского рабочего класса, залогом успешного осуществления стоящих перед ним задач. ПОРП, выражая интересы народа, направляет и направляет его усилия на дальнейшее раз-

витие народного хозяйства и культуры, на повышение благосостояния трудящихся, укрепление обороноспособности страны, на упрочение дружественных отношений с народами социалистического содружества и других стран. Являясь достойной наследницей революционных традиций своих предшественников, ПОРП успешно руководит социалистическим строительством в стране, борется за единство и сплоченность мирового коммунистического движения, последовательно защищает дело социализма, демократии и мира.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ЮРИДИКИ В КОРОЛЕВСКИХ ГОРОДАХ БЕЛОРУССИИ XVII—XVIII ВЕКОВ*

(к вопросу о формах землевладения в городах речи посполитой)

По традиции юридиками (точнее феодальными юридиками) в городах Речи Посполитой считались населенные владения шляхты и духовенства, освобожденные по королевским привилегиям от городских повинностей и юрисдикции и подлежащие земскому праву. При этом одни историки юридиками признают различные такие владения¹, другие — только «небольшие поселки городского типа»². В советской литературе по истории городов Белоруссии XVI—XVIII вв. феодальные юридики определяются так же как городские владения феодалов, имевшие «свою собственную юрисдикцию»³. Причем все владения феодалов в королевских городах рассматриваются как юридики⁴.

Всесторонняя характеристика феодальных юридик в королевских городах Польши XVI—XVIII вв. была дана лишь совсем недавно в специальной монографии польского историка-правоведа Ю. Мазуркевича, который определил юридики феодалов как «поселения городского характера, основанные на городских землях королевских городов, высвобожденные из-под власти города и городских повинностей, обладающие собственной судебной и административной организацией, подлежащей верховной власти владельцев земель», притом внутренний строй которых был «подобен городскому» и «основывался на городском праве»⁵.

Хотя приведенное определение юридик феодалов сделано Ю. Мазуркевичем на основе конкретного их изучения в одном только королевском городе на территории Малой Польши — Люблине, он считает это определение «обобщающим», т. е. распространяет его на феодальные юридики всех королевских городов Речи Посполитой⁶. Однако, по нашему

¹ J. P t á s n i k. Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce. Kraków, 1934, s. 309—310; «История Польши», т. I. М., 1954, стр. 182, 214; «Historia Polski», t. I. Warszawa, 1957, s. 472.

² С. К у т ш е б а. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб., 1907, стр. 140.

³ В. Д р у ж ч ы ц. Магістрат у беларускіх местах з майдэборскім правам у XV—XVII стагоддзях. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», т. III, кн. 8. Працы клясы гісторыі. Менск, 1929, стр. 458.

⁴ С. О. Щ е р б а к о в. Шляхетський наступ на міста Західної Білорусії в першій половині XVII ст. і криза цехового ремесла. «Наукові записки» Львівського університету, т. XLIII, Львів 1957, серія історична, стр. 99, «История БССР», т. I. Минск, 1961, стр. 107.

⁵ J. M a z u r k i e w i c z. Juredyki lubelskie. Wrocław, 1956, s. 59, 77, 127—128.

⁶ Ibid., s. 127; «Historia państwa i prawa Polski do roku 1795», cz. 2. Warszawa, 1957, s. 259—260.

мнению, для этого вряд ли есть достаточно оснований, о чем свидетельствует исследование феодальных юридик в королевских городах Белоруссии XVII—XVIII веков.

Изучение характерных черт, присущих феодальным юридикам, начнем с общих определений, встречающихся в актах тех владений феодалов, которые названы «юридиками», «юрисдиками», «юрисдикциями». В некоторых белорусских городах феодальные владения назывались также «слободами»⁷. Владения феодалов в королевских городах, называемые юридиками, или слободами, в ряде актов определяются кратко как «земские», «вотчинные», подлежащие «земскому праву», «либертованные». Но чаще в отношении таких владений еще указывается, что они не подлежат городским повинностям и городской юрисдикции⁸. Указанные в различных актах определения юридик феодалов представляют юридический статут этих владений, основанный на их «либертации», т. е. переводе соответствующими постановлениями верховной власти из городских в земские.

Однако, как было замечено Ю. Мазуркевичем в отношении феодальных юридик Люблина, часть из них существовала без каких-либо королевских привилегий по воле феодалов⁹. То же самое было и в королевских городах Белоруссии. Здесь феодалы зачастую без должных юридических оснований выводили свои населенные земельные участки из подведомственности магистратов и превращали их в земские владения. Во многих жалобах мещан и других документах отмечается «отрыв от города» феодалами населенных городских земель, обращение ими проживавших на таких землях мещан в своих «подданных», которые не выполняют городских повинностей, и не подчиняются магистратской юрисдикции. При устойчивом сохранении феодальным владением такого положения, его начинают называть «юридикой»¹⁰.

Итак, по различным документам устанавливается, что в королевских городах юридиками феодалов реально являлись принадлежавшие им населенные владения, высвобожденные из городской юрисдикции и свободные от несения городских повинностей как постановлениями верховной власти, так и произвольно самими феодалами. Отмеченное В. Дружичем положение большинства населенных владений феодалов в Бресте, когда их жители подлежали юрисдикции землевладельцев, но чинш должны были платить магистрату¹¹, видимо, было исключением.

Хотя в массе документов юридиками представляются феодальные владения, высвобожденные из магистратской подведомственности, нельзя считать, что все они были основаны только на «городских землях», т. е. на «территории, которая по данной городу локационной привилегии была подчинена городской юрисдикции и на этом основании стала собствен-

⁷ См. «Витебская старина», т. I, составил А. Сапунов, Витебск, 1883, стр. 366—368; «Историко-юридические материалы» (ИЮМ), вып. 25, стр. 346; «Витебская старина», т. I, стр. 366—368 и ИЮМ, вып. 21, стр. 195—197; ИЮМ, вып. 23, стр. 43—44, 102—103 и «Витебская старина», т. I, стр. 269; «Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией» (АВАК), т. VII, стр. 494—496.

⁸ ИЮМ, вып. 19, стр. 476—477; вып. 20, стр. 122—123; вып. 21, стр. 111—112, 118—119, 195—197; Филиал Центрального государственного исторического архива БССР в гор. Гродно (ФЦГИА БССР), ф. 1143, л. 470, л. 2; «Витебская старина», т. I, стр. 166—168, 185—187; АВАК, т. VII, стр. 131—134, 290, т. XXIX, стр. 356—359.

⁹ J. M a z u r k i e w i c z. Jurydyki lubelskie, s. 22.

¹⁰ «Витебская старина», т. I, стр. 148—150; 290—291; Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ), д. 7312; Беларускі архіў, т. III, Менск, 1931, стр. 270—273, 288—290, 298—301; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 5, д. 106, л. 48—53; O. H e d e m a n n. Dzisiaj i Druja magdeburskie miasta. Wilno, 1934, s. 193; «Витебская старина» т. I, стр. 366—368.

¹¹ В. Д р у ж и ч, Магістрат у беларускіх местах..., стр. 448—449.

ностью городской (мещанской) общины»¹². Как уже было отмечено Я. Исаевичем в его рецензии на монографию Ю. Мазуркевича, широко распространенные в городах восточных областей Польши и Великого княжества Литовского королевские юридики, а точнее юридики королевской администрации (старостинские, воеводские, экономические), чаще всего были расположены на территориях, издавна бывших под юрисдикцией этой администрации¹³. Юридики монастырей в белорусских городах в значительной части находились на землях, входивших в их старинные пмунитетные владения¹⁴. Некоторые шляхетские владения также исключались из земель, подведомственных магистрату уже при даче городу локационной привилегии¹⁵. В еще меньшей мере можно говорить о возникновении юридик только на землях, бывших в прошлом собственностью городской общины. При предоставлении городам Белоруссии самоуправления по магдебургскому праву земли, относившиеся к городу, бывшие во владении у феодалов, по общему положению лишь становились подведомственными магистрату, но не передавались ему в собственность.

Следовательно, не все феодальные юридики были связаны с «городом», т. е. возникали на землях, составлявших собственность городской общины или подведомственных магистрату. Такая связь для некоторых из них ограничивалась лишь их расположением в пределах городской территории, т. е. территории, на которую распространялась, по данной городу локационной привилегии, подведомственность магистрату.

В своей хозяйственной деятельности, приобретении предметов домашнего обихода и продуктов питания жители феодальных юридик наравне с другими жителями города были связаны с местным городским рынком. Правда, владельцы некоторых более значительных юридик учреждали особые торги. Но это не отрывало такие юридики в экономическом отношении от остального города. Рынок, созданный в юридике, по существу составлял часть общего городского рынка. Таким образом, феодальная юридика была связана с городом общим «городским» характером занятий жителей и общим местным рынком.

Сущность юридик феодалов как феодальных владений прежде всего выражалась в выполнении жителями юридики, за находившуюся в их пользовании землю, определенных повинностей в пользу ее владельца. По заключению Ю. Мазуркевича основной повинностью жителей люблинских феодальных юридик была уплата чинша с усадебного участка («плаца»), дома или огорода. Размер его был разным от 1 зл. 6 гр. до 20 зл. Барщина была редким явлением и не превышала двух-трех дней с усадебного участка или дома. Распространено было подношение владельцам юридик один раз в год кашпунов. Хотя Ю. Мазуркевичем не установлено, платили ли жители люблинских юридик со своих промысловых занятий, он все же полагает, что такая плата была, так как она известна в некоторых юридиках других польских королевских городов. Но главные денежные поступления в казну владельца юридики давали процинационные сборы с юрисдичан, т. е. сборы от производства и продажи алкогольных

¹² J. M a z u r k i e w i c z. *Jurydyki lubelskie*, s. 27—28, 53.

¹³ J. I s a j e w i c z. *Uwagi w sprawie oceny prawnej i społecznej treści miejskich jurydyk w dawnej Rzeczypospolitej*. «*Czasopismo prawnehistoryczne*». 1959, t. XI, z. 1, s. 149, примечание.

¹⁴ См. В. Д р у ж ч ы ц. *Магістрат у беларускіх местах...*, стр. 448; А. П. Г р и ц к е в и ч. *Социально-экономическое развитие частновладельческого города Белоруссии в XVI—XVIII вв. (по материалам Слуцка)*. Автореферат диссертации, Минск, 1963, стр. 9.

¹⁵ O. H e d e m a n n. *Dzisna i Druja...*, s. 195.

напитков, основанные на его праве «свободной пропинации». В юрисдикциях, где были особые торги, производившиеся на них торговые сборы также шли в доход владельцев юрисдик¹⁶.

Более или менее определенными сведениями о повинностях юрисдикчан в королевских городах Белоруссии XVII—XVIII вв. мы располагаем по ряду юрисдик Витебска и Минска. В инвентаре Витебской экономии 1698 г. указывалось, что «повинностью» живших в воеводской юрисдикции «мещан» было «обрабатывать огороды», убирать с них овощи и выполнять другие «услуги» воеводскому двору в Лукишках (под Витебском)¹⁷. В 1714 г. витебским стольником Львом Богомольцем по особому документу — «листу» был предоставлен мещанину Ивану Кондратовичу «в аренду» под застройку и поселение усадебный участок, о котором было сказано, что он «шляхетский, наследственный, подлежащий земскому праву». За этот участок Кондратович должен был платить только чинш — «позем», но в довольно большом размере — 6 «битых» талеров (около 40—50 зл.). При этом еще было оговорено, что сверх установленной поземельной платы Богомольец от Кондратовича не будет «вымогать никакой другой услуги»¹⁸.

Полнее и конкретнее, чем по феодальным юрисдикциям Витебска, сведения о повинностях жителей юрисдикции Минска. По инвентарному описанию 20—30-х годов XVIII в. «юрисдикции в городе Минске» князей Сапег ее жители уплачивали только чинш. Мещане, проживавшие «около двора», в большинстве различные ремесленники, платили по 4 зл. в год. «Принадлежавшие к резнице» 7 хозяев-евреев ежегодно вносили «с земли», на которой была расположена резница, общую сумму 13 зл. С живших в другом районе города юрисдикчан — мещан, евреев и татар, плативших чинш, приходилось от 1 зл. до 3 зл. 10 гр. в год. Часть юрисдикчан еще платила суммы от 3 зл. до 7,5 взимавшиеся «с плаца» (по 3 зл.)¹⁹. Жители юрисдикции «принадлежавших к Минскому замку», (мещане и евреи) в середине 60-х годов XVIII в. облагались следующими поборами: в «Подзамочной» юрисдикции они платили чинш «с плаца» по 2 зл. 16 гр. (при этом занимавшие половину плаца уплачивали и половину указанной суммы); в юрисдикции, находившейся в самом замке, в которой юрисдикчане жили «домами без плацев», плата взималась «с домов» по 8 зл.; в другой, там же расположенной юрисдикции, юрисдикчане которой также жили только «домами», но издавна подлежали «гиберновой росписи», вместо чинша взималась гиберна; замковые юрисдикчане, проживавшие «в Татарском конце и на дальних местах» платили с плаца чинш по 2 зл. 16 гр. и гиберну по 2 зл.; в Замковой слободе, расположенной «за городом» (на Троицкой горе), с плаца бралась та же сумма. Причем здесь земельные участки юрисдикчан были очень различны и потому чинш, уплачиваемый отдельными хозяевами, составлял от 1 зл. 8 гр. до 10 зл. 4 гр. Кроме чинша, слобожане платили с плаца гиберну «по тарифу» 2 зл. и еще обязаны были «согласно обычаям» развозить универсалы, скосить и свезти сено с двух старостинских сенокосов. Эти натуральные повинности были сравнительно нетяжелыми. Развоз или разнос универсалов предусматривался не более четырех раз в год на расстояние 10—12 километров (5—6 миль)²⁰. Площадь всех пяти старостинских сенокосов под Минском составляла всего около 2

¹⁶ J. Mazurkiewicz. *Jurydyki lubelskie*, s. 63—68, 129.

¹⁷ ВОКМ, д. 7260, л. 1—2.

¹⁸ ИЮМ, вып. 23, стр. 471—473.

¹⁹ Библиотека Вильнюсского университета, отдел рукописей (БВУ ОР), д. А-1474, л. 1 и об.

²⁰ ЦГИА ЛитССР, Древние акты (ДА), д. 3789, л. 4—5; Библиотека Академии наук ЛитССР, Отдел рукописей (БАН ЛитССР ОР), д. F 21—211.

волок 9 моргов²¹; следовательно, на два сенокоса, убиравшихся жителями Замковой слободы, приходилось вряд ли более 1—1,5 волок. А в слободе было 22 дома.

В минской юридикке князя Доминика Радзивилла в самом конце XVIII в. был 31 дом. Ее жители платили «чинш с грошовым» в разном размере: большинство — от 5 до 10 зл. и несколько менее—5 зл. и по 16,5 зл. Все они еще должны были косить, убрать и свезти сено с принадлежавшего юридикке сенокоса «на 16 возов». Кроме этого, они были обязаны в случае приезда в Минск владельца юридикки или его уполномоченного предоставлять им подводы²².

Есть сведения о повинностях отдельных жителей — в основном евреев юридикки базилианского Святодуховского монастыря в Минске. Монастырь, предоставляя им усадебные земельные участки, обязывал: одного — к уплате только ежегодного чинша в размере 1 копы литовск. гр., другого — к уплате чинша в 15 зл. и «даней» (в конце XVII в.)²³; третий — должен был платить за «дом с плацем и огородом» 4 зл. «чинша», 4 гр. «квитового» и еще давать «колядное и волочебное, обычаем иных юриджичан по своей возможности и учтивости»; четвертый — получал усадебный участок под жительство на условии уплаты чинша в 40 зл. и дачи волочебного и колядного; пятому — был предоставлен для жительства участок земли «за выгоном» при уплате чинша — в 3 зл., «копсного» в 3 гр., даче колядного и волочебного и еще выполнял «монастырских услуг, наравне с другими юриджичанами» (в конце XVIII в.)²⁴.

Хотя приведенные сведения о повинностях жителей феодальных юридик Витебска и Минска и не совсем полны, все же они позволяют сделать вывод, что эти повинности имели примерно такой же характер, какой установлен был Ю. Мазуркевичем в юридиках Люблина. Как правило, основной повинностью юриджичан была поземельная денежная плата. Дополнялась она обычно праздничными подношениями, и гораздо реже, некоторыми малообременительными натуральными повинностями, в том числе и барщинными работами. В подтверждение такого вывода можно еще указать на то, что в жалобе минской мещанской общины на Петропавловский монастырь, поданной в королевский ассессорский суд в 1785 г., жители «юридик», расположенных «в разных улицах в городе и на предместьях и в Ляховке», были названы «чиншевиками»²⁵.

В королевских городах Белоруссии, так же как и в Люблине, владельцы юридик, помимо дохода от выполнявшихся юриджичанами поземельных повинностей и подношений, имели еще доход, основанный на сеньориальных правах, в виде различных торговых и особенно пропинационных сборов. При этом здесь, как и в Люблине, отдельные торги были лишь в немногих феодальных юридиках. Учреждались они обычно произвольно и сохранять их было трудно. Королевские власти решительно их устраняли²⁶.

Гораздо более распространены были в феодальных юридиках в белорусских королевских городах питейные заведения — «шинки». Однако утверждение Ю. Мазуркевича о том, что главный доход с юридик их владельцам давали пропинационные сборы, может быть распространено

²¹ БАН ЛитССР ОР, д. F 25.

²² Archiwum Głównie Akt Dawnych w Warszawie (AGAD), Archiwum Radziwiłłów, d. XVIII, № 338, р. 45.

²³ АВАК, т. XIX, стр. 145, 135—136, 172—174.

²⁴ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 5, д. 14, л. 34, 42, 39.

²⁵ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 5, д. 71, л. 60—63.

²⁶ «Витебская старина», т. I, стр. 166—168; O. H e d e m a n n. Dzisna i Druja..., s. 197.

далеко не на все юрисдикции этих городов. Признание феодального владения юрисдикцией не всегда связывалось с признанием полных пропинационных прав за ее владельцем, так как эти права в одних городах сохранялись за королем, в других — отдавались по королевским привилегиям, обычно городским магистратам с уплатой основного питейного налога — «чопового» и «шеленжного» в государственную казну, а иногда еще и дополнительного сбора за производство напитков — «капцины» — старосте. В королевских грамотах, судебных постановлениях поддерживались требования мещанских общин о ликвидации шинков в феодальных юрисдикциях или хотя бы уплате ими питейных налогов. Конечно, феодалы сопротивлялись этим постановлениям, всячески старались их обойти. Но все же, как правило, с юрисдикчан, имевших шинки в городе, взимался чоповый налог²⁷. Таким образом, признавая, что пропинационные сборы давали владельцам юрисдик наиболее значительный доход, следует иметь в виду, что со многих питейных заведений юрисдикчане платили также налоги и в государственную казну.

Сущность того или иного вида землевладения в феодальном городе определяется не только тем, кому и какие повинности должен был выполнять непосредственный пользователь земельного участка, но и объемом его прав во владении этим участком. Как установлено Ю. Мазуркевичем владельческие права жителей юрисдик в Люблине заключались в наследственном пользовании занимаемых ими земельных участков при выполнении установленных с них повинностей и в возможности отчуждения их, правда, с определенными ограничениями: должны были выполняться следующие с этого участка повинности; жители юрисдик не всем могли отчуждать земли, а иногда еще и требовалось согласие владельца юрисдикции на тот или иной конкретный акт отчуждения²⁸.

Из приведенных нами документов, в которых показаны повинности юрисдикчан в королевских городах Белоруссии, их владельческие права указаны только в нескольких. Так в «листе» стольника Льва Богомольца было сказано, что передаваемый им в держание витебскому мещанину Ивану Кондратовичу усадебный участок подлежит переходу по наследству. Кондратович и его наследники «вольны были кому захотят, отдать, обменять, заставить сдать в аренду» предоставленный им участок, но при этом «каждый от них держащий» этот участок, должен был, как и они, платить установленный чинш²⁹. Настоятель минского Святодуховского монастыря, предоставляя в 1680 г. усадебный участок в монастырской юрисдикции минскому еврею Липману Ильяшевичу, давал ему право этим участком «владеть и распоряжаться как своей собственностью», конечно, при уплате определенного чинша³⁰. В договоре настоятеля того же монастыря 1784 г. с евреями — «купцами и жителями города Минска» Гершем Урановичем и Мовшей Лейбовичем о предоставлении им усадебного участка указывалось, что на оговоренных в договоре условиях они могут данный им участок «кому хотят, сдать в аренду, заложить, записать, подарить, продать», однако, не иначе как только «с позволения монастыря»³¹. Также «с позволения» владельца могли отчуждать свои усадебные участки жители юрисдикции — минской плебанин. Продажа «еврею города Минска» Лейбой Ошеровичем дома, находившегося «под юрисдик-

²⁷ АВАК, т. VIII, стр. 283—285; ФЦИА БССР, ф. 1305, оп. 1, л. 125, л. 99; АВАК, т. III, стр. 448; Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 389, л. 427, л. 244—245; ЦГИА ЛитССР, ДА, л. 3939, л. 71 и об.; АГАД, *ibid.*

²⁸ J. M a z u r k i e w i c z. *Jurydyki lubelskie*, s. 68.

²⁹ ИЮМ, вып. 23, стр. 471—473.

³⁰ АВАК, т. XIX, стр. 170—171.

³¹ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 5, д. 14, л. 42.

кой и на плацу» плебани, другому минскому еврею Ульфу Мееровичу была произведена с согласия плебана, утвердившего эту продажу, оговорив обязанность нового держателя участка платить за него установленный чинш³². Существовали и более определенные и строгие ограничения при отчуждении земельных участков юридиками. Администратор виленской униатской митрополии (которой принадлежало немало юридик и в белорусских городах), предоставляя виленскому мещанину Адаму Кондратовичу половину «плаца» в наследственное держание на условии уплаты чинша по 1 зл. в год, давал ему и его потомкам право этот участок «кому другому продать, подарить, отдать в обмен, заложить, записать на церковь», но только не католической церкви и не шляхте. При этом отчуждение должно было фиксироваться только в актовых книгах самой митрополии³³.

В общем, владельческие права жителей белорусских и люблинских юридик были аналогичны.

Характеризуя конкретно статус люблинских феодальных юридик, Ю. Мазуркевич устанавливает, что они совершенно были свободны от городских повинностей. Только лишь в особо исключительных случаях их жители выполняли повинности, связанные с обороной города. Такая полная свобода юридик от городских повинностей соответствовала их полной административной и судебной обособленности, включая и невхождение жителей юридик — ремесленников в городские цеховые организации. Верховная административно-судебная власть в юридике принадлежала ее владельцу. «Устройство» юридик было «подобно городскому». Непосредственная административно-судебная власть осуществлялась войтовско-лавническим управлением во главе с войтом, избираемым жителями юридики. Административное управление и суд опирались на «городское право», обычно называемое магдебургским³⁴.

Такая характеристика статуса феодальных юридик в полном ее объеме не может быть принята для юридик королевских городов Белоруссии. Здесь жители юридик, как правило, реально не были полностью освобождены от городских повинностей. Выше уже была отмечена плата жителями многих юридик в этих городах питейного налога. Известно участие в уплате гиберны ряда юридик в Минске³⁵, Витебске³⁶. Королевская власть особенно поддерживала требование городских общин о привлечении к городским повинностям юридичан, имевших «доход в городе» от занятия торговлей и разными промыслами³⁷. Таким образом, основные налоги, взимаемые с горожан, нередко приходилось платить и жителям феодальных юридик³⁸. Но при этом, видимо, чаще всего они платили такие налоги отдельно³⁹. Укрыться от уплаты податей под защиту феодала было трудно, ибо прямые налоги с городов, в основном, шли на содержание войск и при неуплате их в срок они взимались самими воинскими частями. Особенно тесно были связаны в уплате налогов и различных сборов со своей городской общиной-кагалом юридичане-евреи. Основной налог, которым облагалось в Речи Посполитой еврейское население — поголовный, взимался кагалным управлением го-

³² АВАК, т. XIX, стр. 145.

³³ Там же, т. VIII, стр. 129—130.

³⁴ J. M a z u r k i e w i c z. *Jurydyki lubelskie*, s. 70—95, 127—129.

³⁵ ЦГИА ЛитССР, ДА, д. 3789, л. 4—5, 69 и об., 72—80.

³⁶ «Витебская старина», т. V, ч. 1. Витебск, 1888, стр. 333—335.

³⁷ Там же, т. I, стр. 166—168; ИЮМ, вып. 10, стр. 510—511, вып. 11, стр. 366.

³⁸ АВАК, т. VII, стр. 290, 494—497; 531—532; ВОКМ, д. 7290, № 91; ИЮМ, вып. 11, стр. 393, 402—404, 410; О. Н e d e m a n n. *Dzisiaj i Drużaj...*, s. 200.

³⁹ ВОКМ, д. 7312; ФЦГИА БССР, ф. 1451, оп. 1, д. 5, л. 812—831; AGAD, *ibid.*

рода со всех проживавших в нем евреев⁴⁰. В различного рода займах, которые брала еврейская община с определенными обязательствами, принимали участие и евреи феодальных юридик⁴¹. Не было в белорусских городах и значительной обособленности проживавших в феодальных юридиках мещан-ремесленников от городских цехов⁴².

В документах, касающихся феодальных юридик королевских городов Белоруссии, отмечается существование войтов, особых «частных» судов, а в некоторых юридиках — даже отдельных органов власти — «ужондов» и «юрисдикций».

Мы не располагаем определенными сведениями о том, что представляли собой конкретно бывшие в некоторых юридиках «ужонды» и «юрисдикции»⁴³. Очевидно, это какие-то административно-судебные органы, среди которых были и подобные выборным войтовско-лавническим управлениям люблинских юридик. Например, по заявлению жителей пригородной юридики иезуитов в Полоцке — «местечка» Экимани, они «судом и расправою ведались перед войтом и бурмистром», «имея войта из шляхетства, чинили суд и расправу по магдебургскому праву»⁴⁴.

Хотя существование особых судов в феодальных юридиках в документах отмечается гораздо чаще, чем особых «ужондов»⁴⁵, сведений, конкретно их характеризующих, также недостаточно. Все же можно установить, что в судах ряда юридик рассматривались дела всех юрисдикчан, независимо от их принадлежности к разным юридическим категориям населения⁴⁶. Организация и компетенция суда в разных юридиках была не одинаковой. Несомненно, что во многих или даже в большинстве юридик не было выборного суда, «подобного городскому». Создание выборного административно-судебного органа, несомненно, было затруднено в некоторых юридиках их территориальной разобщенностью⁴⁷ и принадлежностью юрисдикчан к разным юридическим категориям населения. При таких обстоятельствах в юридиках, особенно духовных, скорее мог действовать уже существовавший у владельца юридики суд в городе или близком к нему имении. Именно такой суд, наверное, подразумевался властями минского Святодуховского монастыря при установлении подсудности юрисдикчан этого монастыря «всяким судам при нас самих»⁴⁸. Жители старостинских юридик в тех городах, где существовал гродский суд, очевидно, подлежали, обычно, этому суду.

Владельческий или даже особый выборный суд в юридике лишь в редких случаях мог рассматривать важные уголовные дела. Известно, что в

⁴⁰ АВАК, т. XIX, стр. 120—121, 461—464; «Белоруссия в эпоху феодализма», т. II, Минск, 1960, стр. 305—306.

⁴¹ АВАК, т. XIX, стр. 283—288, 467—474; т. XXIX, стр. 356—359.

⁴² «История БССР», т. I, стр. 208. А. П. И г н а т е н к о. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Минск, 1963, стр. 37—39; З. Ю. К о п ы с к и й. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVII — первой половине XVIII в. Минск, 1966, стр. 94, 107.

⁴³ «Беларускі архіў», т. III, стр. 160, 281; «Витебская старина», т. I, стр. 146 и 191; эти же документы на языке оригинала см. ВОКМ, д. 7361, л. 33 об., 34; ИЮМ, вып. 18, стр. 492.

⁴⁴ ВОКМ, д. 7312; см. также «Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки», вып. 4. Вильно, 1904, Приложение, стр. 103.

⁴⁵ «Витебская старина», т. I, стр. 292—295; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 5, д. 106, л. 49 об., 53; «Беларускі архіў», т. III, стр. 267—269.

⁴⁶ АВАК, т. XXIX, стр. 170—171.

⁴⁷ Например, в разных местах были расположены: в Минске (во второй половине XVIII в.) — юридики князя Радзивилла, стольника Быковского, Минской плебаньи, митрополита (ЦГИА ЛитССР, ДА, д. 3938, л. 890—893, 902—905 об., 894—898); в Гродно — юридика князя Массальского (ФЦГИА БССР, ф. 875, оп. 2, д. 14, л. 425—429).

⁴⁸ АВАК, т. XXIX, стр. 170—171. О подобном суде «присуде» при полоцком архиепископе см. «Витебская старина», т. I, стр. 105—106.

юримике минского Святодуховского монастыря было установлено рассмотрение судебных дел ее жителей-евреев в двух судебных органах: имущественных дел — в собственном суде, уголовных — в замковом суде⁴⁹. О том, что такое положение было и во многих других юримиках свидетельствует требование верховной власти о подсудности евреев в королевских городах только замковому суду, как это предусмотрено Статутом Великого княжества Литовского⁵⁰. Уголовные, по крайней мере крупные, дела юрисдичап-мещан, очевидно, рассматривались, как правило, в магистратских судах. Такое положение известно в Подзамочной юримике подляшского города Бельска, в которой имелся свой суд из войта и четырех «радных»⁵¹. Мещанские общины добивались подсудности по всяким делам магистратскому суду мещан, проживавших в феодальных юримиках, которые занимались ремеслом и торговлей⁵². В некоторых цеховых уставах предусматривалась подведомственность цеховых ремесленников-юрисдичап по ремесленно-торговым делам цеху, а не властям юримики⁵³. Требования мещан о подчинении «власти и юрисдикции» магистрата жителей «духовных и шляхетских юримик», пользующихся торговыми привилегиями и другими «городскими благами» как «субъекты городской магдебургской юрисдикции», поддерживались королевской властью⁵⁴. Подкоморско-комиссарский суд в 1751 г. даже вынес решение о незаконности привилегий, полученных шляхтой на юримики в Дисне, и полностью подчинил эти юримики магистратской и старостинской юрисдикции⁵⁵. В ряде случаев мещанские общины с помощью местных властей, особенно когда городским войтом являлся староста, насильно привлекали жителей феодальных юримик к магистратскому суду⁵⁶.

Можно с уверенностью полагать, что жители мелких юримик всецело подлежали: мещане — магистратскому суду, евреи — замковому суду. Постановлением сейма 1764 г. в воеводских городах Великого княжества Литовского совсем отменялась всякая «юрисдикция частных покровителей» в отношении мещан и евреев, в том числе и во всех «юримиках». Устанавливалось «непосредственное подчинение» как личное, так и по делам торговли и ремесла: мещан — «юрисдикции города», евреев — юрисдикции воевод и старост⁵⁷. Конечно, это было только постановление. Но какой-то практический эффект оно имело.

В некоторых юримиках даже при отсутствии выборного суда войтов могли, очевидно, выбирать. Но в ряде юримик войты назначались их владельцами, при том нередко из юрисдичап-евреев⁵⁸. В других юримиках вообще не было войтов. Их жители непосредственно подчинялись администрации близлежащих имений владельцев юримик⁵⁹.

Изучение реального положения феодальных юримик королевских городов Белоруссии показывает, что высвобождение этих юримик из городской подведомственности, их отрыв от городских общин были различными и при том, обычно, далеко не полными. И уже никак не было обя-

⁴⁹ АВАК, т. XXIX, стр. 170—171.

⁵⁰ «Беларускі архіў», т. III, стр. 267—269.

⁵¹ «Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки», вып. 4. Вильно, 1904, Приложение, стр. 103.

⁵² ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 5, д. 106, л. 49 об., 53.

⁵³ «Беларускі архіў», т. III, стр. 160; «Витебская старина», т. I, стр. 191; ИЮМ, вып. 18, стр. 492.

⁵⁴ «Беларускі архіў», т. III, стр. 300—301; «Витебская старина», т. I, стр. 146; ЦГАДА, ф. 389, д. 427, л. 37, 245.

⁵⁵ O. N e d e m a n n. Dzisiaj i Drużba..., s. 197.

⁵⁶ АВАК, т. VII, стр. 531—532.

⁵⁷ «Белоруссия в эпоху феодализма», т. II, стр. 314—316.

⁵⁸ ИЮМ, вып. 26, стр. 415; AGAD, *ibid.*

⁵⁹ ФЦГИА БССР, ф. 513, оп. 2, д. 27, л. 28, 43.

зательным наличие в юрисдикции административно-судебного устройства, «подобного городскому».

Для обобщающей характеристики феодальных юрисдикций белорусских королевских городов необходимо еще выяснить, каким было правовое положение их жителей.

По своей принадлежности к сословным категориям юрисдикциане не отличались сколько-нибудь заметно от остальной массы горожан. В королевских городах Белоруссии, так же, как и в Люблине, подавляющее большинство жителей юрисдикции составляли мещане и евреи, как имевшие отдельные дворы, так и бездворные — «коморники», и еще так называемые «лезные люди», в данном случае лица, в основном работающие по найму⁶⁰. Таким образом, юрисдикциане относились к категориям лично свободного податного населения.

Обычно жители юрисдикции назывались «подданными» владельцев юрисдикции. По мнению Ю. Мазуркевича, поскольку внеэкономическое принуждение в люблинских юрисдикциях было «сравнительно редко и имело побочное значение», то, следовательно, их население было «лично-свободным». Встречающиеся же в документах обозначение жителей юрисдикции подданными того или иного владельца следует понимать лишь «в смысле общefeодальной зависимости», но не «личного подданства по отношению к господину (пану) юрисдикции»⁶¹.

Такое определение правового положения юрисдикциан не совсем согласуется с характером внутреннего строя юрисдикции в королевских городах Белоруссии. При непосредственном подчинении жителей юрисдикции административной власти и суду ее владельца, пусть даже по мелким делам, внеэкономическое принуждение, а следовательно, и их личная зависимость выступают вполне явственно. Но это же, лишь в чуть меньшей степени, было присуще и юрисдикциям с выборными административно-судебными органами при их подчиненности владельцам юрисдикции. В отношении обозначения жителей юрисдикции «подданными», можно заметить, что оно в разных документах имеет не вполне одинаковый смысл. В одних — название «подданный» равнозначно еще одному обозначению юрисдикциан как лиц, находящихся «под протекцией» владельцев юрисдикции. Но в других документах в названии «подданный» подчеркнута личная подчиненность жителей феодальных юрисдикций, их «принадлежность» к владению феодала⁶².

Таким образом, очевидно, что в королевских городах Белоруссии юрисдикциане находились в известном личном подданстве, личной зависимости по отношению к владельцу юрисдикции. Однако нет никаких оснований для имеющейся в литературе характеристики юрисдикциан как крепостных. Личная зависимость юрисдикциан (основной их массы) была незначительной, ограниченной их принадлежностью к лично свободным податным категориям населения. Так, в инвентаре левобережной части города Полоцка 1781 г. было сказано о «юрисдикции» Борисоглебского монастыря, что она заселена «одними лишь мещанами и евреями, а не подданными», а о «шляхетских юрисдикциях», что в них проживает «городское население»⁶³. Несомненно, что с сословной принадлежностью юрисдикциан было связано привлечение их к повинностям, выполнявшимся «городскими» мещанами и евреями, и к судам, в каких те судились. В ряде случаев жители фео-

⁶⁰ «Беларускі архіў», т. III, стр. 300—301; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 5, д. 106, л. 49 об., 53; ЦГАДА, ф. 389, д. 427, л. 37, 245.

⁶¹ J. M a z u r k i e w i c z. Jurdyki lubelskie, s. 79—82, 129.

⁶² ПЮМ, вып. 25, стр. 341, вып. 21, стр. 496; вып. 26; стр. 267—272; «Витебская старина», т. I, стр. 105—106; БАН ЛитССР, ОР, д. БЗ — 164, л. 58 и об.

⁶³ ФЦГИА БССР, ф. 1143, оп. 1, л. 410, л. 1—4.

дальных юридик — мещане владели городскими землями на одинаковых правах с мещанами городской юридики⁶⁴. В документах встречается почетное именование отдельных мещан-юрисдичан «славетными»⁶⁵. Известны даже юрисдичане — пехмистры городских цехов⁶⁶.

Ю. Мазуркевич считал, что жители юридик не находились в личном подданстве их владельцев, и связывал это с наличием в юридиках внутренне-го строя, «подобного городскому», и незначительностью барщинных повинностей⁶⁷. Но более глубокой причиной того, что феодалы не могли превратить жителей своих городских владений на земском праве в полностью лично зависимых от них людей был городской характер хозяйственной деятельности массы юрисдичан. Здесь сказывалось принципиально важное обстоятельство, указанное П. Г. Рындзюнским применительно к городам России конца XVIII — начала XIX в., заключающееся в том, что «значение основного признака феодального способа производства — феодальной собственности на землю — по условиям хозяйственного быта горожан было меньшим, чем в деревне»⁶⁸. А если при этом в пользование горожанину в юридике был предоставлен всего лишь небольшой участок усадебной земли, то, естественно, что на такой основе владельцу юридики было трудно поставить юрисдичанина в сколько-нибудь значительную от себя личную зависимость. Этому также существенно мешала непосредственная близость феодальных юридик к городским общинам — мещанской и еврейской, борьба этих общин против отрыва от них жителей юридик, особенно в уплате различных налогов и выполнении других повинностей. И хотя весьма неоследовательно, но верховная власть все же поддерживала городские общины в этой борьбе. В результате конкретный статут той или иной юридики определялся «реальным соотношением социальных сил в том или ином городе в то или иное время»⁶⁹.

При указанном выше отличии характеристики феодальных юридик королевских городов Белоруссии от характеристики люблинских юридик, данной Ю. Мазуркевичем, вполне понятно, что и общее определение феодальных юридик указанных городов получится иное. Оно может быть выражено так. Феодальными юридиками являлись находившиеся во владении феодалов поселения городского характера, расположенные в пределах территории, на которую распространялась по локационной привилегии подведомственность магистрату, и составлявшие с «городом» единый социально-экономический комплекс. Жители юридики в значительной мере были освобождены от выполнения городских повинностей и юрисдикции, но зато выполняли поземельные повинности владельцу юридики и находились в известном личном подчинении ему, хотя и принадлежали к лично свободным податным категориям населения.

Общности юридики как феодального владения требуют определения характера существовавшей в них собственности на землю. Ю. Мазуркевич, опираясь на А. В. Венедиктова⁷⁰, в юридиках Люблина устанавли-

⁶⁴ ИЮМ, вып. 21, стр. 220—222; вып. 10, стр. 510—511; ФЦГИА БССР, ф. 1275, оп. 1, д. 21, л. 440, 475; ЦГИА БССР, ф. 695, оп. 5, д. 106, л. 48—49 об.; O. Nedem a n n. Dzisna i Druja..., s. 190.

⁶⁵ ИЮМ, вып. 21, стр. 220—222; вып. 23, стр. 471—473.

⁶⁶ ИЮМ, вып. 8, стр. 371, 485; А. П. И г н а т е н к о. Ремесленное производство в городах Белоруссии..., стр. 38—39.

⁶⁷ J. M a z u r k i e w i c z. Jurydyki lubelskie, s. 127—129.

⁶⁸ П. Г. Р ы н д з ю н с к и й. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 41.

⁶⁹ С. О. Щ е р б а к о в. Шляхетський наступ на міста Західної Білорусії..., стр. 100.

⁷⁰ См. А. В. В е н е д и к т о в. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, стр. 228—229.

ливают свойственную феодальным отношениям «разделенную собственность» на землю. «Верховным собственником» земельного участка являлся владелец юридика, а «подчиненным собственником» — житель юридика, у которого в непосредственном наследственном владении с ограниченным правом отчуждения находился этот участок и который, выполняя за землю определенные повинности верховному владельцу, не находился в личной зависимости от него.

Хотя по нашему представлению в королевских городах Белоруссии юридичане были в некоторой степени лично зависимыми от владельца юридика, но поскольку при этом сохранялась их принадлежность к свободным сословиям, то можно считать, что и в феодальных юридиках этих городов существовала такая же разделенная собственность на землю.

В. Г. КАРАСЕВ

СОТРУДНИЧЕСТВО СЕРБСКОГО ДЕМОКРАТА ЖИВОИНА ЖУЕВИЧА В ГАЗЕТЕ «С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В 1864 ГОДУ (Опыт источниковедческого исследования)

Важная роль в освещении славянского вопроса 60-х годов XIX в. принадлежала ежедневным петербургским газетам умеренно-либерального направления: «Голосу» (выходил с 1863 г., редактор А. А. Краевский) и «С.-Петербургским ведомостям» (с 1863 г. редактор В. Ф. Корш). Обе газеты вели ожесточенную полемику с московскими славянофилами. Остро реагируя на решение правительства открыть с апреля 1859 г. «Славянский отдел» в газете «С.-Петербургские ведомости», И. С. Аксаков, известный теоретик славянофилов, писал: «Я считаю открытие этого славянского отдела в „С.-Петербургских ведомостях“ и безобразным и вредным. Безобразным потому, что редакция „С.-Петербургских ведомостей“ принадлежит, как у нас называется, к западникам, постоянно глумится над славянофильством, проповедует презрение к русской народности и к народности вообще, восстает против наших требований самобытного развития, наконец, в деле православных убеждений совершенно индифферентна. Тогда как у нас идея славянской народности коренится на идее русской народности и вообще на принципах народности»¹.

Вопрос об освещении славянской проблематики газетой «Голос» довольно подробно исследован в статье С. А. Никитина². О роли же «С.-Петербургских ведомостей» сказано очень мало³. С. А. Никитину осталось неизвестно, что сербский демократ Живоин Жуевич с апреля 1864 по март 1866 г. заведывал «Славянским отделом» «С.-Петербургских ведомостей» и не прекращал связей с ней до своей смерти (1870 г.).

Интерес к зарубежному славянству возник под влиянием Крымской войны. Однако появившиеся на страницах «С.-Петербургских ведомостей» сведения о славянах были скудными и случайными (отсутствие переводчиков, авторов, корреспондентов). Правда, по инициативе министерства иностранных дел с апреля 1859 г. в газете был учрежден отдел «Славянские земли». Материалы для него готовились Азиатским департаментом, но из этой казенной затеи ничего не получилось⁴. Поэтому отдел был закрыт и передан еженедельной газете «Дель», которую с 15 X 1861 г. стал издавать И. С. Аксаков.

«Голос» и «С.-Петербургские ведомости» стали самостоятельно освещать славянскую проблематику. А. А. Краевский в начале марта 1864 г. обратился к сербскому студенту Петербургского университета Живоину Жуевичу с просьбой возглавить «Славянский отдел» в газете «Голос». 17 III 1864 г. с аналогичной просьбой к Жуевичу

¹ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. Уч. зап. Ин-та славяновед., 1952, т. VI, стр. 99.

² С. А. Никитин. Цит. соч., стр. 89—122. См. также нашу статью: «О сотрудничестве сербского демократа Живоина Жуевича в газете „Голос“». Летописи Матице српске. Нови Сад, 1968.

³ С. А. Никитин. Цит. соч., стр. 121.

⁴ С. А. Никитин. Цит. соч., стр. 99.

обратился В. Ф. Корш, о чем мы узнаем из письма Ж. Жуевича от 18 III 1864 г. своему белградскому другу и единомышленнику Косте Поповичу⁵.

Свое сотрудничество в «С.-Петербургских ведомостях» Жуевич начал с большого фельетона — «Словенин», помещенного в № 87 газеты от 17 (29) IV 1864 г. за подписью «Ж. Жуевич». По форме фельетон представлял собой обстоятельную рецензию на выходявший в ту пору в Праге всеславянский журнал «Словенин»⁶, а по содержанию — политическую программу нового сотрудника газеты, руководителя ее «Славянского отдела». Несмотря на то, что журнал «Словенин» издается уже более года, замечает автор, «ни один из славянских народов, кроме чехов, не знает даже о его существовании». «По крайней мере, в России, Сербии и Болгарии, сколько можно судить по журналистике этих народов», — уточняет Жуевич. Объясняется столь странное, на первый взгляд, обстоятельство несвоевременностью подобных журналов, во-первых, и тем, что за распространение панславизма берутся, по его словам, «все какие-то ученые чудаки», негодные для распространения и популяризации каких бы то ни было идей вообще, во-вторых. Почему же способные люди не берутся за это дело, — спрашивает Жуевич и отвечает, — отнюдь не потому, что идее славянского единства никто не сочувствует. Все зависит от того, какое содержание вкладывается в эту идею. Если имеется в виду слияние всех славян воедино, в одну необъятную державу, то это вздор, «если же, — продолжает Жуевич, — речь идет о союзе славян, о более благоприятном для всех славян отношении, которое необходимо было бы установить между ними, тогда, конечно, другое дело. Бояться такого союза может только тот, кто вне своего очага ничего не знает и знать не хочет, какова большая часть записных патриотов славянских». Далее он заключает: «Славянский союз на человеческих началах, конечно, есть дело вполне народное, дело разумное и для славян необходимое». Сделав этот важный вывод, определявший идейные позиции Жуевича, автор фельетона тут же не без сожаления признает, что «и эта идея несвоевременна, ибо единоплеменные славянские народы не созрели для этого», идея о таком славянском союзе еще не проникла в сознание народных масс, не стала их политическим требованием. «Если заглянуть в физиономию этого (славянского. — В. К.) племени без предубеждений, без слепого патриотизма, а прямо и смело, то не трудно прочесть в них, что много еще пройдет времени до удовлетворения таких потребностей, которые стоят на половине дороги к славянскому единству». «Накормите, поучите прежде, а потом уже будем помышлять о тех результатах, которых вы ждете от славянского союза».

⁵ Благодаря все большему и большему уяснению славянского вопроса и число почитателей славянства соответственно умножается, все больше и больше становится людей, желающих как следует ознакомиться со всеми славянами. Южные славяне, меж тем, едва ли больше известны для многих в России, чем китайцы, однако теперешнее политическое движение южнославянских народов придает им все больший вес. Людей знакомых с этими народами, повторяю, гораздо меньше, чем тех, которые нуждаются в таких людях. Поэтому и цена последних повышается. Благодаря таким обстоятельствам я занял здесь хорошую позицию. Главное же состоит в том, что я не боюсь конкуренции. Ко мне уже обратилось несколько редакторов с просьбой принять в их журналах „Славянский отдел“. Я один не могу всех удовлетворить. В одном ежемесячном журнале („Современник“. — В. К.) я пишу вот уже целый год, а около десяти дней тому назад я взял на себя заведывание этим отделом в одном ежедневном журнале („Голос“. — В. К.). Вчера же снова получил письмо от редактора „Петербургских ведомостей“, в котором он предлагает взять упомянутый отдел в его газете». (Stanoje Sv. Simić. Prilozi za gradu o rođenima socijalističkog pokreta u Srbiji. «Delo», 1955, br. 5, s. 586). На протяжении 1864 г. Ж. Жуевич выполнял обязанности заведующего «Славянским отделом» одновременно в газетах «Голос» и «С.-Петербургские ведомости».

⁶ Издателем и редактором этой газеты-журнала был Франтишек И. Иезбера (F. I. Jezbera) (1829—1901) — чешский славист, один из учеников Ганки, сторонник применения кирилловской графики в языках всех славянских народов. В 1860 г. издал в Праге брошюру «О письменах всех славянских народов», с 1863 г. стал издавать всеславянский журнал «Словенин», выходявший до середины 1865 г. в неопределенные сроки. В 1865 г. издал первый чешско-славянский Букварь со славянским правописанием. (Н. Попов. Вопрос об общеславянской азбуке. «Современная летопись», № 39, октябрь 1865, стр. 5—9).

Исходя из этого, Жуевич резко критикует идеологию славянофилов вообще и их духовных братьев — чешских панславистов из «Словенина», в частности. Странный народ эти «славянисты», — восклицает он. Вместо того, чтобы содействовать славянам в их ознакомлении с западной культурой, с результатами вековых трудов западных народов, вместо того, чтобы осветить сонную жизнь славян новыми передовыми идеями, они только и делают, что заливаются слезами. «Москва плачет, Прага плачет!.. Да отчего же не плачут Петербург, Варшава, Белград и др.?» Происходит это, по мнению Жуевича, потому, что славянофилы и западники смотрят на славян с разных точек зрения: первые — субъективно (с пристрастной «материнской любовью», полагаясь только на чувства, без участия рассудка и здравого смысла), вторые — объективно (как на предмет, которым намерен заняться преимущественно их рассудок).

В дебюте чешских панславистов автор фельетона видит наглядную иллюстрацию субъективного взгляда. Признавая важность ознакомления славян друг с другом («Мы ждем от этого знакомства гораздо больше, может быть, чем московские и чешские славянофилы»), Жуевич писал: «Мы интересуемся нынешними чехами, нынешними сербами, нынешними, наконец, кошубами, а отнюдь не чехами адамовских времен». У «Словенина» же ознакомление нешло дальше славянских древностей. Воспроизведя содержание шестого номера «Словенина» за 1864 г., он заявлял: «Украшение журнала такими проповедями свидетельствует только о худосочии панславистской сказки, о пустоте самой идеи панславистской — обстоятельстве, которое само приговаривает панславизм к кончине». Таков его последний суд и вместе с тем окончательный приговор новоявленным панславистам⁷.

Из этого фельетона можно сделать вывод о том, что Жуевич хотел видеть «Славянский отдел» в газете «С.-Петербургские ведомости» современным, освещающим насущные вопросы жизни славян с позиций тогдашней передовой науки, содействующим росту их самосознания, с тем чтобы «славянский союз на человеческих (т. е. прогрессивных и демократических. — В. К.) началах» превратился из далекой мечты в реальную действительность.

Активную борьбу со славянофилами вели журнал «Современник» и газета «Очерки», в которых Жуевич сотрудничал⁸. К середине 60-х годов ее значение еще более возросло, особенно после жестоких репрессий, обрушенных царским правительством на демократические издания.

Первым материалом, открывшим «Славянский отдел» «С.-Петербургских ведомостей» был очерк о Старой Сербии, напечатанный в № 95 газеты от 1(13)V 1864 г. в специальной рубрике «Славянские земли», входившей в «Иностранные известия» — большой раздел газеты. Зная, кто возглавлял «Славянский отдел», не трудно доказать принадлежность этого неподписанного материала в 125 газетных строк Жуевичу.

Во-первых, выбор темы, желание автора познакомить русских читателей со славянской землей, о существовании которой многие из них даже и не подозревали. Сделанное в скобках характерное замечание, что говорится это «не в укор читателям», дает некоторое основание видеть в нем человека, который двумя месяцами раньше написал известные уже нам слова, что «южные славяне... едва ли больше известны для многих в России, чем китайцы...».

⁷ «Для того, чтобы толково исследовать славянскую старину, необходима западная подготовка, — писал Жуевич, — иначе мы дойдем до того, что отыщем циклопов г. Сеньковского в Смоленской губернии. Вы уже отыскали, — продолжал он, обращаясь к славянофилам, — что целую треть Азии населяют славяне; вы даже нашли, что «значительную часть Америки населяют те же славяне», а через год, два, вероятно, найдете их и в Африке, Австралии и на всех островах, потом скажете, на основании исследований г. Вельтмана, что Бургундия — земля славянская, потому что это название будто бы одного корня с Булгарией, Бонгарией и т. д. и т. д. и, наконец, воскликнете: исчезните с лица земли окаянные западники, вы живете на чужой, славянской земле! другими словами — вы с ума сойдете».

⁸ Достаточно вспомнить хотя бы статью Ж. Жуевича «Слово южного славянина к славянофилам», помещенную в газете «Очерки» № 89 от 3 III 1863 г.

Во-вторых, из заметки читатель узнает о географическом положении Старой Сербии, о том, что эта прекрасная страна населена преимущественно сербами православного вероисповедания, «хотя там довольно много турок..., аристократии», как пишет автор. В историческом отношении она известна тем, что здесь на одной из ее равнин произошла печально-знаменитая Косовская битва 1389 г. между турецкими и сербскими войсками, решившая участь сербской самостоятельности, после чего Сербия была завоевана турками. «С тех пор и до настоящего времени, — замечает автор, — стране этой не удалось ни на минуту вздохнуть свободно...». Это мог написать человек, хорошо знакомый с сюжетом, который он излагал. А если к сказанному добавить рассуждения о природе религиозного варварства турок, естественной реакцией на которое является непрекращающаяся, веками длящаяся борьба славянского племени, то вряд ли можно усомниться в том, что автором статьи был Жуевич. Мысль, выраженная в следующей цитате, также может принадлежать только ему. «Читателю известно, — писал автор, — что турки собираются напасть на Дунайские княжества, чтобы исполнить данный ими перед Мухамедом обет, т. е. чтобы обратить их в рабство. Если бы на месте Турции стояла какая-нибудь, но только образованная европейская нация, то она, между прочим, приступила бы к следующим средствам для достижения своей цели. Так как из турецких владений только Молдавия и Валахия, да княжество Сербия с Черногорией, пользуются некоторой автономией, то предполагаемая цивилизованная нация до нападения на эти княжества, для ослабления их силы, непременно бы парализовала это дело временными какими-нибудь льготами, данными прочим православным подданным Турции. Как велика сила этих льгот — это каждому известно»⁹.

Наконец, в-третьих, автор приводит пять ярких фактов о варварских действиях турок в Старой Сербии, которые он заимствует из новосадской газеты «Сербский дневник» от 24 III (5 IV) 1864 г. (к материалам именно этой газеты чаще всего прибегал в ту пору Жуевич в своих многочисленных статьях, очерках, обзорах и корреспонденциях, публикуемых в русской периодической печати)¹⁰.

Приведя примеры чудовищных насилий турок над христианами в Старой Сербии в самое последнее время, корреспондент «Сербского дневника» спрашивает: «Когда конец всему этому будет? Мы сильно надеемся на Сербию!». На этот риторический вопрос автор статьи отвечает одним полным глубокого смысла словом — «Плохо!...». Стоит лишь сравнить этот неутешительный вывод с тем, что писал Жуевич в статье «Готовящаяся война сербов с турками и новый заговор против сербского князя», напечатанной в газете «Голос» пятью неделями раньше¹¹, чтобы рассеялись последние сомнения относительно автора статьи о Старой Сербии.

Вторым материалом «Славянского отдела» газеты «С.-Петербургские ведомости», помещенной в рубрике «Славянские земли» (№ 101 от 8 (20) V 1864), была небольшая заметка, которая непосредственно перекликается с названной статьей из «Голоса». В ней говорится о том, что в последнее время сербские газеты переполнены сообщениями своих корреспондентов о неизбежности войны с Турцией за «освобождение всех сербов и соединение их воедино под одним скипетром». Читая эти газеты, можно подумать, пишет автор, что Турция уже на краю гибели. «Ведь шутка ли, — восклицает он, — два-три миллиона одних экзальтированных сербов, не говоря о многочисленных болгарях, которые бродят по ущельям любимого своего Балкана и ждут только первого сигнала из Сербии, чтобы броситься на первый попавшийся город в Турции!». К сожалению, реальная действительность была далека от подобного рода пророчеств, так как возгласы сербских журналистов, по мнению автора, отнюдь не являются возгласами всего сербского народа, т. е. «сербов княжества, старо-сербов, сербов из Албании и Румелии, герцеговинцев, бошняков и черногорцев». Сославшись на корреспонденцию

⁹ Этим Жуевич хотел сказать, что ничто так не ослабляет волю угнетенных к борьбе, как такого рода мнимые уступки. Для подтверждения сошлемся хотя бы на его статью «Славянский юг» («Современник», № 6 за 1863 г.).

¹⁰ См. нашу статью «О сотрудничестве сербского демократа Живоина Жуевича в газете „Голос“».

¹¹ «Голос», № 82, 22 III (3 IV) 1864.

от 30 III (11 IV) «С границ Боснии», помещенную в № 44 газеты «Сербский дневник», автор заметки делает такой вывод: «Что касается до войны турок с Сербией, на этот раз можно за верное принять только то, что Сербия не намерена воевать ни с кем. Более толковые корреспонденты из Сербии мотивируют это тем, что там в высшей сфере господствуют стремления, целям которых война может только помешать, и потому сильно хлопочут о мире. Бедный народ сербский ...»

Близость мыслей и суждений разобранного материала в «Ведомостях» со статьей Жуевича «Готовящаяся война сербов с турками», напечатанной в № 82 «Голоса», дают основание считать, что и эта заметка принадлежит его перу.

Спустя две недели после открытия «Славянский отдел» «С.-Петербургских ведомостей» обогатился весьма действенной формой информации о зарубежных славянских народах: 16 (28) V 1864 г. в рубрике «Славянские земли» была помещена первая корреспонденция из Белграда от 13 (1) V, подписанная «К». Достаточно вспомнить переписку Жуевича с Костой Поповичем¹², чтобы определить, что автором этой корреспонденции был его друг и политический единомышленник, белградский лиценст — Коста Попович («К» — первая буква его имени).

Однако этот вывод отнюдь не означает, что упомянутая корреспонденция не должна приниматься нами во внимание при анализе творчества сербского демократа. Ведь ее написание было инспирировано Жуевичем, причем предварительно было достигнуто единство взглядов между друзьями по затрагиваемым в ней вопросам политического развития тогдашней Сербии и она не только была переведена на русский язык, но и отредактирована им¹³.

В правильности такого суждения нетрудно убедиться при знакомстве с содержанием корреспонденции. В ней с большим знанием дела рассказывается о политическом развитии Сербского княжества после Свято-Андреевской скупщины 1858 г. Общая оценка этого развития дается уже в первой фразе корреспонденции: «Положение нашей страны весьма мало удовлетворительно по причинам, восходящим к мирному перевороту 1858 года». Здесь авторы называют Свято-Андреевскую скупщину «мирным переворотом», в другом месте — революцией, видя в ней поворотный пункт политического развития Сербии XIX в. По их мнению, решения Свято-Андреевской скупщины созда-

¹² 18 III 1864 г. Жуевич писал К. Поповичу, что с нетерпением ждет его приезда в Петербург. В расчете на это Жуевич согласился заведывать «Славянским отделом» в газете «С.-Петербургские ведомости». «Я бы, несомненно отказался, если бы не имел Вас в виду... Вы можете приехать сюда на счет русского правительства и поступить на время в технологический институт, а затем, если захотите, можете перейти в Университет. Впрочем,— продолжал он,— сила не в Университете, а в средствах для учебы и в той среде, в которой вы будете жить. И первого и второго здесь вполне достаточно. Одну „газету“ я беру для вас и буду сохранять ее до вашего приезда». Далее Жуевич по пунктам перечислил все условия, которые необходимо было выполнить Косте Поповичу: специально взяться за изучение русского языка; собирать как можно больше материалов для будущей деятельности («Мне нет нужды указывать на сами материалы. Скажу лишь, что необходимо заготовить максимум материалов о государственном устройстве Сербии де Юре и де Факто»). Необходимо, наконец, изучить еще и чешский язык. Приезд К. Поповича в Петербург планировался на май 1864 г. До этого времени Жуевич просил его писать как можно чаще. По возможности сообщать о новостях еженедельно и при этом не ограничиваться только Сербским княжеством. «Своими письмами ты поможешь мне сохранить „для тебя газету“. До настоящего времени,— признавался Жуевич,— мне почти никто не пишет как следует из Сербии». Чтобы избежать этого впрямь, он просил Косту Поповича еще до отъезда в Петербург хорошо организовать корреспондентскую связь с Сербией, а до этого момента оставаться его белградским корреспондентом. «Пишите, пишите и пишите быстро,— настаивал Жуевич,—... опешите мне заговор, который произошел на „рождество“. Правда ли, что арестовано свыше 30 человек? Сообщите мне и о его причине». (См. М. П о п о в и ч. Коста Попович (1842—1864). Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. XXII, св. 1—2, 1957, стр. 58—66). За свое сотрудничество в журнале «Современник» Жуевич с июля 1863 г. находился под негласным надзором полиции (ЦГИАЛ, ф. 775. Центральное управление по цензурному ведомству. 1863—1865, оп. 1, ед. хр. 211, л. 2). В этой связи понятной становится следующая фраза из письма: «Пишите мне через другого, так как мое имя подозрительно».

¹³ Не исключено, что Жуевич придал письму форму корреспонденции.

вали благоприятные условия для развития Сербии по пути демократии и прогресса. Носителями новых начал были либералы, состоявшие «из молодых людей, воспитанных во Франции и Германии и проникнутых демократическими и даже с о ц и а л и с т и ч е с к и м и и д е я м и»¹⁴. (Выделено нами. — В. К.). Однако реализовать им своей программы не удалось, так как «эти идеи, — пишут авторы, — не нравились старому князю, который никогда не понимал конституции, стесняющей его власть — наследство прежней власти турецких пашей в Сербии». Милош отстранил либералов, помогших ему вернуться на престол. Естественно, это вызвало их недовольство. Тогда они все свои надежды стали возлагать на его сына — молодого и образованного Михаила, ставшего князем в сентябре 1860 г., после смерти отца. В своем манифесте при восшествии на престол Михаил заявил, что «хочет царствовать, сообразуясь с законами». Приступая к реформам, он составил новое министерство, в которое вошли представители всех партий Сербии. Но «это соединенное министерство не удалось и надежды страны, возрожденные манифестом князя, начинали гаснуть». В декабре 1861 г. он вынужден был создать новый кабинет во главе с И. Гарашанином. Президентом Государственного совета стал И. Мариневич. Эти способные политические деятели консервативного толка никогда не были слепыми сторонниками династии Обреновичей, что вызвало недовольство обреновичевцев, начавших переходить в оппозицию. Потерпев неудачу в благородном намерении «примирить партии в Сербии», Михаил стал думать, «что сербский народ не созрел для либеральных учреждений, которыми пользовался». Это, по мнению авторов, толкнуло его на путь «наполеоновского цезаризма», дабы уничтожить всякую политическую оппозицию. Но результат получился обратный. Оппозиция с каждым днем усиливалась. Строгие репрессивные меры правительства еще больше подливали масла в огонь. Поэтому очень скоро «общественное мнение, тревожимое официальными журналами, проповедовавшими необходимость цезаризма, приписывало всю ответственность правления князю и лишило его популярности, которую он сначала пользовался». Нездоровая атмосфера партийных интриг создала благоприятную обстановку для заговора с целью восстановления на престоле свергнутой в 1858 г. династии Карагеоргиевичей. Авторы решительно осуждают заговорщиков, стремившихся «восстановить порядок вещей, благоприятный для Порты». При этом уточняются детали, отмечают проникшие в печать слухи о мнимом участии в заговоре Гарашанина и Христича¹⁵ и т. д. К сожалению, замечают авторы, сербское правительство не умело или не хотело воспользоваться этим благоприятным случаем, чтобы «равнодушно подавить враждебные замыслы». Система расследования обстоятельств заговора еще больше обострила интриги. И хотя процесс еще не окончен и приговор не произнесен, но правительство явно не оправдало надежд своих друзей. «Князь часто говорил о необходимости реформ административных, судебных и других, и министерству представлялось открытое поле завидной деятельности, — продолжают они. — Но немногие реформы, слишком мало радикальны: для того, чтобы уничтожить источник зла, не удавались. Кто виноват в этом? Одни обвиняют министерство, другие — Совет, третьи — князя; трудно, конечно, сказать, кто больше всех виноват, но кажется все они не мало содействовали тому, что два года прошло даром, не принеся ничего нового». Такой неутешительный вывод делается в корреспонденции относительно внутривнутриполитического развития Сербии в первые годы правления князя Михаила. Корень всего зла авторы видели в том, что архибюрократическая администрация была построена по австрийскому образцу («следовательно, самая худшая из всех»), что «в стране нет и тени самоуправления». В корреспонденции отвергаются доводы консерваторов и реакционеров, считающих, что сербский народ якобы «не созрел еще для самоуправления и суда присяжных и что, следовательно, его нужно держать под опекой».

¹⁴ Подобная оценка несомненно является преувеличением. Трудно сказать, кому она принадлежит — Поповичу или Жуевичу. Во всяком случае, это первое и единственное известное нам упоминание о социализме и социалистических идеях в публицистике Жуевича за время его пребывания в России.

¹⁵ См. статью в «Голосе»: «Готовящаяся война сербов с турками и новый заговор против сербского князя», № 83, 22 III (3 IV) 1864.

«Также доводы, — пишут авторы, — не заслуживают серьезного возражения и придуманы только для оправдания политической системы, ничем не оправдываемой, хотя и пережившей революцию 1839, 1842, 1844 и 1858 годов, но [не] умевшей¹⁶ предотвратить их и обеспечить стране постоянное, прогрессивное политическое развитие».

В корреспонденции кратко характеризуется внешнеполитическое положение Сербии в первые годы правления князя Михаила. Констатируется факт серьезной натянутости сербо-турецких отношений, ответственность за что авторы возлагают на Османское правительство, которое «не решается отказаться от мечты восстановить всю власть в Сербии». В этом ему активно помогают своей подстрекательской политикой Англия и Австрия. Последняя грозит даже оккупировать Сербию, как это она намеревалась сделать в 1854 г., в период Крымской войны. Хотя Порте и не нравятся сербские военные приготовления, но о наступательных действиях никто серьезно не думает в Сербии — утверждают авторы.

Корреспонденция заканчивается следующими словами: «И хотя Сербия не в состоянии помешать вторжению Австрии, но она считает себя достаточно сильною для того, чтобы победоносно отразить турецкую армию. Военные смотры сердят турок; но для сербов они имеют политическое значение, пробуждая в них чувства национального достоинства и надежды на свои силы. За эту патриотическую цель можно простить отчасти князя, что он занимается смотрами, оставляя в стороне серьезные дела. Впрочем, я не думаю, чтобы Сербии пришлось употребить в дело против турок свои военные силы, разве в случае непредвиденных обстоятельств, могущих возникнуть при общем европейском столкновении».

Мы подробно остановились на содержании первой белградской корреспонденции «С.-Петербургских ведомостей», так как в ней в наиболее концентрированном виде изложены взгляды ее автора, а точнее авторов, на внутри- и внешнеполитическое положение Сербии в начале 60-х годов XIX в.¹⁷

После опубликования первой корреспонденции из Белграда (16 мая ст. ст. 1864 г.) прошел почти месяц, прежде чем на страницах «Ведомостей» снова появилась рубрика «Славянские земли» (№ 128 от 11 IV 1864 г. ст. ст.), в которой была помещена большая статья без названия, за подписью — «Ж». Так Жуевич иногда подписывал свои наиболее значительные оригинальные материалы, печатавшиеся в русской периодической печати¹⁸. В статье дана характеристика состояния тогдашней сербской публицистики, двух лагерей, которые оформились в ней к началу 1864 г., и приведены пространные извлечения из статьи «Сербское министерство и оппозиция», опубликованной в чешской газете «Политика», с целью подтверждения основных наблюдений автора.

Как тонкий и вдумчивый наблюдатель, пристально следивший за развитием общественной мысли и общественного движения в Сербии, Жуевич сразу подметил некоторые новые явления в сербской журналистике и попытался их оценить. «Чем рельефнее обрисовывается характер государственной жизни, тем живее становится литература, следя-

¹⁶ В тексте «умевшей» — явная опечатка!

¹⁷ Например, оценка характера Свято-Андреевской скупщины и ее значения в истории Сербии; характеристика программы либералов и их идей; определение политических переворотов 1839, 1842, 1844 и 1858 гг. как революций; резко отрицательное отношение к заговору, организовавшему сенатором Майсторовичем в начале 1864 г.; оценка второго правления Милоша Обреновича; характеристика личности князя Михаила Обреновича; объяснение причин неуспеха реформаторской деятельности Михаила; определение источника зла в Сербии, заключающегося в отсутствии политических свобод и засильи австрийской бюрократической системы управления; оценка внешнеполитического курса сербского правительства с точки зрения решения основной исторической задачи — освобождения и объединения сербского народа. По каждому из этих пунктов можно привести немало текстуальных подтверждений из статей и писем Жуевича, написанных им до и после разобранной корреспонденции, чтобы убедиться в справедливости сделанного вывода.

¹⁸ «Сербия и ее гости» (Корреспонденция «Голоса»), «Голос» № 147, 29 мая 1864. Подпись — «Ж.»; Библиография. «Сербия и южнославянские провинции Австрии. Соч. Владимира Ламанского». «С.-Петербургские ведомости», № 75, 24 III 1865. Подпись — «Ж. Ж.».

щая за этой жизнью» — такова его исходная позиция в анализе этих новых явлений. Поскольку главным рычагом государственной жизни являлось сербское министерство, то отношение к нему, естественно, стало той главной причиной, которая обусловила возникновение двух враждебных лагерей в литературе. Но так как в Сербии нет свободы печати, то и возникнуть они, конечно, в одном месте не могли. Их возникновение связано с двумя различными пунктами: с Сербским княжеством и австрийской Сербией. «Географически они разделяются двумя большими реками (Савой и Дунаем. — *В. К.*), — пишет автор, политически — властями, от которых они зависят. В Сербии, где она (сербская литература. — *В. К.*) вся заключается в двух или трех газетах, а в эротических стихотворениях, министерство защищается; в австрийской Сербии, напротив, оно осуждается. Австрия не запрещает нападать на сербское правительство, и недовольные сербы пользуются этим и нападают не на одно только министерство, но и на тех, которые пишут в Сербии; последние же не на Австрию нападают, а только на недругов сербского правительства в Австрии, на литераторов — сербов».

Автор предупреждает своих читателей, что они совершат грубую ошибку, если подумают, что недовольными являются только австрийские подданные. «Сама оппозиция на левом берегу Дуная, — поясняет он, — есть следствие оппозиции, образовавшейся на правом берегу этой реки, в княжестве Сербии. Там ее начало; там она даже имеет свою маленькую историю и моменты, по которым ее история может быть разделена на эпохи».

Зарождение сербской литературы Жуевич связывает с созданием в 1842 г. «Дружества сербской словесности»; это общество и его издание «Гласник» долгое время имели корпоративный характер. Оно интересовалось исключительно наукой, а не обществом, а последнее, в свою очередь, не интересовалось даже знать — существует ли в Сербии какое-нибудь ученое общество. Между ними связи не было». Так продолжалось до 1860 г., когда его деятельность начала оживляться в связи с приходом новых людей. «Власти заподозрили в нем, по выражению Жуевича, «революционную завеску». В январе 1864 г. власти не разрешили одному из профессоров, «которого подозревали в революционных замыслах», прочитать доклад «О сбережениях». Общество было распущено. Хотя Жуевич не называет имени профессора, но мы знаем, что это был преподаватель политической экономии белградского лицея, известный идеолог и вождь сербских либералов — Владимир Йованович.

После этого В. Йовановичу и его сторонникам ничего не оставалось, как удалиться на другую сторону Дуная. «Там они нашли сочувствие, — продолжает Жуевич, — и литературная перепалка началась». Приводя несколько ярких примеров этих полемических баталий, отличительной чертой которых была «ругня, и, надо сказать, ругня самая пошлая», он даже предсказывает «литературную победу» сторонникам оппозиции, но тут же дает понять, что это не на долго. Приводятся пространные выдержки из статьи «Сербское министерство и оппозиция», по которым русский читатель мог познаться «с современными делами Сербии». Несмотря на то что статья вышла из лагеря оппозиции, она, по определению Жуевича, отличалась «чрезвычайной умеренностью». Ее главными требованиями были: «узаконить собрание народной скупщины в определенное время» и постараться «расположить в свою пользу общественное мнение свободных европейских народов».

При всем том Жуевич положительно оценивает эти требования. «Даёй Бог, чтобы правительство сумело воспользоваться живым участием австрийских сербов в делах княжества Сербии. Это было бы полезно для всех вообще сербов. Можно жалеть только, что полемика по поводу сербских дел ведется больше вне Сербии, чем в ней самой. Вместо Белграда, литераторы группируются более всего в Новом Саде, в Австрии».

Методический прием, использованный при написании рассмотренной статьи, весьма характерен для русского периода творчества Жуевича. Лишенный возможности своевременно и регулярно получать свежие данные непосредственно с места событий, он вынужден был использовать главным образом материалы сербской прессы, а также чешской, австрийской, а затем французской и английской, сопровождая их своими комментариями и делая собственные выводы. Так было и на этот раз. Непосредственным

поводом к написанию очерка о сербской литературе явилась статья «Сербское министерство и оппозиция», впервые опубликованная в чешской газете «Политика» и перепечатанная затем в новисадской газете «Сербский дневник», с которой был сделан русский перевод. Жуевич называет эту газету «весьма популярной», хотя и не приводит ее названия.

В заключение отметим, что в переведенной Жуевичем статье «Сербское министерство и оппозиция» есть фраза: «Свободомыслящая Сербия, как нам кажется, необходима всего более ввиду освобождения христиан в Турции», которую он сопроводил примечанием, заключенным в скобки: «Это, должно быть, слова английского пастора, г. Дентона». Смысл этого замечания станет понятным, если обратиться к № 147 газеты «Голос» от 29 V (10 VI) 1864 г. — к корреспонденции «Сербия и ее гости», посвященной Дентону и его миссии на Балканах. Эта корреспонденция, как и разобранный статья, подписана инициалом «Ж», что также служит доказательством одновременного сотрудничества Жуевича в 1864 г. в «Голосе» и «С.-Петербургских ведомостях».

После статьи о сербской литературе рубрика «Славянские земли» исчезает со страниц газеты как новый, самостоятельный отдел, введенный с приходом Жуевича. Материалы о зарубежных славянских народах печатались в общем отделе «Иностранные известия». Рубрика появляется только в 1866 г. под названием «Славянское обозрение». Чем это было вызвано — сказать трудно. Ясно одно, что пока рубрика «Славянские земли» существовала в газете как самостоятельная, т. е. с 1 V по 11 VI 1864 г. (№ 95, 102, 108 и 128), все помещенные в ней материалы, как подписанные, так и не подписанные, принадлежали перу Жуевича. После тщательного и всестороннего их анализа это теперь можно утверждать как бесспорный факт. Ясно и другое. Это обстоятельство отнюдь не означало, что Жуевич по каким-то причинам прекратил свое сотрудничество в газете «С.-Петербургские ведомости». На этот счет мы располагаем неоспоримыми доказательствами, одним из которых являются письма Ж. Жуевича членом Комитета известного Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым — А. Н. Пышину и В. Ф. Коршу. В письме Пышину от 16 XII 1864 г., перечислив свои статьи, опубликованные в русских журналах с 1860 по 1863 г.¹⁹, Жуевич добавил: «Кроме этих статей я писал еще в следующих газетах: в „Очерках“, в „Голосе“ и в „Петербургских ведомостях“. В последних я в продолжение полутора года заведывал славянским отделом»²⁰. Следует заметить, что относительно времени сотрудничества в газете «Ведомости» Жуевич явно допустил невольную или сознательную ошибку. Из переписки с К. Поповичем точно известна дата его приглашения сотрудничать в газете, а именно 18 III 1864 г. В письме В. Ф. Коршу от 12 II 1866 г. он был более точен, заявляя, что в течение года писал славянские обозрения в газете «Голос» и двух лет — в газете «С.-Петербургские ведомости». «После того я поместил в „Современнике“ за прошлый год, в книжке V статью „Сербское село“ и кроме оною постоянно заведывал славянским отделом в издаваемой Вами газете „С.-Петербургские ведомости“»²¹. Из сопоставления этих дат ясно видно, что Жуевич приступил к работе в «Ведомостях» не в 1863, а в 1864 г.

Несмотря на то что до конца 1864 г. в «С.-Петербургских ведомостях» больше не появилось ни одной статьи за подписью Ж. Жуевича, тем не менее мы утверждаем, что в августе — октябре этого года в газете было опубликовано по меньшей мере четыре оригинальных материала, принадлежащих его перу.

5 VIII 1864 г. в № 172 «С.-Петербургских ведомостей» в разделе «Сербия» была опубликована большая статья, занимавшая две газетных колонки, посвященная характеристике внутреннего положения Сербского княжества накануне открывавшейся очередной сессии скупщины, или «сербского народного собрания», как выражается автор. «Никогда сербы не интересовались своей скупщиной так, как в настоящее вре-

¹⁹ «О распространении грамотности в Сербии» — «Журнал для сельских священников», 1860; «Униатство в Герцеговине» — «Дух христианина», 1862; «Славянский юг» — «Современник», 1863 г.

²⁰ Рукописный отдел Б-ки им. Салтыкова-Щедрина, ф. 538, Литфонд, т. 13, л. 241.

²¹ Там же, т. 17, л. 23.

мя». По мнению анонимного автора это было вызвано тем, что «в настоящее время Сербия переживает полный министерский, или лучше, правительственный кризис». Причины кризиса показаны в статье глубоко и всесторонне, с большим знанием дела.

С теоретической точки зрения кризис был вызван крутым поворотом Сербии на путь европейской государственности, предпринятым сербским правительством в начале 60-х годов. «Усиление администрации, строгая бдительность над словом, мыслью и деятельностью граждан, реформа о порядке управления сел и мелких городов; довольно частые реформы в судах; невыработанность законов, вследствие чего по необходимости открывается поле для произвола; недоразумения между Сенатом и министерством, между министерством и народным судом; недавнее учреждение временной комиссии как верховного судилища; суд над заговорщиками против династии Обреновичей; суд над кассационным судом и министерством, — вот предметы, которые не терпят отлагательств и которые скупщина так или иначе должна решить теперь». Они отодвинули на второй план такие важные вопросы, как народные нужды, натянутость отношений с Турцией, наследственность престола и др. Из всего этого автор делает вывод, что в Сербии неминуема революция, отклонить которую может только народ в лице своей скупщины. По его мнению, накануне созыва скупщины в стране сложилась своеобразная революционная ситуация. «Каждая сербская революция, а их было до сих пор три²² — кончалась сменой правительства». Автор усматривает полную аналогию сложившегося в это время положения с ситуацией 1842 г., когда князь Михаил был свергнут с престола.

Признаки революции автор статьи видит в недовольстве не только простого народа, но и «образованного общества». Напомним, что характеристике сербского образованного общества и его литературе была посвящена статья Ж. Жуевича, опубликованная газетой накануне, так что русский читатель, внимательно следивший за развитием общественной мысли Сербии, легко мог догадаться, о чем в данном случае шла речь.

Чтобы не испугать великие державы жупелом грядущей сербской революции, автор замечает: «Лучи сербской революции ни для кого, кроме сербов, не опасны, потому что дальние пределы Сербии она никогда и не простирается. Это точно гроза, которая разрешается над каким-нибудь одним пунктом и ударяет только в то место, которое по магнитному своему свойству привлекает ее к себе, не распространяя своего действия ни на шаг дальше. Такою магнитной скалой до сих пор в Сербии всегда было одно только правительство».

Итак, с теоретической точки зрения в Сербии, по мнению автора, как будто сложились весьма благоприятные условия для того, чтобы предстоящее народное собрание, призванное разрешить возникшие противоречия между народом и правительством, действительно стало поворотным пунктом дальнейшего развития страны. Какие же силы в Сербии могли это сделать? Содержание статьи показывает, что эту силу автор видел в «чисто народных воззрениях» на скупщину, подчеркивая при этом «пылкость натуры сербской, которая во время скупщины доходит до крайнего своего предела». «Все дело будет зависеть от количества правительственных депутатов и от того нравственного перевеса, который должен оказаться на той или на другой стороне». В этих условиях перемена правительства может зависеть от одного энергичного депутата. Для подтверждения своего предположения он ссылается на то, что в Сербии очень сильна патриархальность, что простота нравов здесь еще «не задеплена обоюдоострой цивилизацией», наглядным примером чему служит Свято-Андреевская скупщина, на которую указывает автор. «Сельских депутатов на этой скупщине было более 350, и из них может быть 10 — никак не более — знали про существование замысла лишить князя Александра престола. Про это они узнали в Белграде, да и то вследствие вмешательства правительства в белградские выборы; другие и, пожалуй, очень многие узнали про это во время первого заседания скупщины. Некто Янкович, да, пожалуй, Стаменкович,

²² Имеются в виду династические перевороты 1839, 1842 и 1858 гг. Здесь не упоминается Катанская бунта 1844 г., о которой сообщалось в первой корреспонденции из Белграда.

можно сказать, один и двигали всей этой скупщиной, как хотели». Таким образом, по мнению автора, на предстоящей скупщине все будет зависеть от того, удастся ли правительству сгладить, «стусшевать» имеющиеся противоречия с помощью испытанных средств, которые оно успешно применяло на скупщине 1861 г. Эта последняя, напоминает он, происходила в Крагуеваце, и пока продолжалась сессия, «никто из сербов не мог ездить в этот город, хотя бы по коммерческим делам. Ничего и говорить о том, что лицензисты сербские, жившие там у своих родителей, принуждены были удалиться из этого города, а равно и о том, что как-то случайно, скупщина была окружена войсками. Все это можно было устроить в то время, когда правительство князя Михаила не выяснило программы своих дальнейших действий, когда только что перед этим Михаил получил со всех сторон адреса в которых говорилось: „Государь, представитель разума, возьми и веди нас, куда знаешь, потому что иначе из нас ничего не получится!“». Но «теперь, — оговаривается автор, — не то время, и если князя любят и до сих пор, то эта любовь дальше него не простирается, — сербы научились отчасти различать князя от его правительства».

Кто же мог быть автором этой интересной и содержательной статьи? Для начала необходимо обратиться к уже известной нам переписке Жуевича с Поповичем и сравнить содержащиеся в ней высказывания Жуевича о сербской скупщине и ее значении с тем, что думал и писал о ней неизвестный пока нам автор. В письме Поповичу от 18—21 II 1864 г. Жуевич четко определил три главные силы, образно назвав их «молотами», на которые должны опираться прогрессивные деятели Сербии в борьбе за свободу. «Белградская публика и народные торговцы — это один молот, — писал он, — скупщина, которая, как слышно, скоро собирается у вас, — это второй; наконец, поездки по Сербии с целью определенной пропаганды последней и агитации за нее — это третий молот. В данный момент я ничего больше не знаю. Самое главное в этом деле скупщина, поэтому ее и держитесь». (Выделено нами. — В. К.). Еще раньше, 12 XI 1863 г., в первом письме Поповичу Жуевич просил своего белградского корреспондента, в частности, о следующем: «Я был бы очень рад, если б вы сообщили мне что-нибудь о тех спорах, которые ведутся среди вас по поводу скупщины, а также хотел бы знать мнение народа сербского вообще, а белградцев, в особенности, равно как и ваше собственное мнение о скупщине, происходившей в 1861 году».

То, что автором статьи был Жуевич, подтверждается и такими не менее вескими доказательствами. Династические перевороты и смены правительств, как уже отмечено в ходе изложения, именуются революциями. Полное совпадение авторского объяснения причин и обстоятельств низвержения князя Михаила с престола в 1842 г. с тем, что писал об этом Жуевич в своих подписных статьях. Объяснение характера патриотизма сербского князя, мало чем отличающееся, в частности, от оценок на этот счет, содержащихся в рассмотренных уже нами статьях, принадлежность которых Ж. Жуевичу можно считать бесспорной. Часто повторяющаяся в принадлежащих перу Жуевича газетных материалах мысль о том, что сербский князь слишком доверяет, без достаточных на то оснований, своим министрам. «Люди, с которыми управляет ныне Михаил, — писал автор рассмотренной статьи, — пользуются величайшей любовью последнего! Он до такой степени доверяет им, что мог воскликнуть — это было год тому назад: если б все мои министры были такие как г. Христич, я бы мог управлять Сербией из Рима!». Последнее выражение, равно как и аллегорический прием со ссылкой на «Сциллу и Харибду», содержащиеся в интересующей нас статье, нередко встречаются в бесспорных произведениях Жуевича. Наконец, подробное описание в статье всех обстоятельств заговора против князя Михаила и династии Обреновичей. Этот сюжет проходит через все материалы Жуевича в русской периодической печати, причем не только в «С.-Петербургских ведомостях», но и в «Голосе», начиная с момента раскрытия заговора и первых сообщений о нем и кончая его логическим завершением. По мнению автора статьи, вопрос о заговоре «будет, по всей вероятности, первейшим из всех, которыми должна заняться скупщина». Этим «эксцентричным событием, — заключает он, — судьба министерства поставлена на карту; ему остается одно из двух: или обвп-

нить заговорщиков или пасть». Острый конфликт, возникший между чрезвычайной комиссией, назначенной с согласия князя, и кассационным (великим) судом в связи с делом о заговоре, по утверждению автора, должен решать народ на скупщине. «Посмотрим какой суд он пронесет». Этими словами завершается статья.

Через 20 дней после появления упомянутой статьи читатели «Ведомостей» получили возможность ознакомиться с другим не менее интересным материалом на ту же тему, с корреспонденцией из Белграда от 22 (10) VIII в № 187 от 25 VIII (6 IX) 1864 г. Хотя вторая по счету корреспонденция из Белграда не имела подписи, на связь с первой, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 108) три с лишним месяца тому назад, указывают следующие ее слова: «Я писал вам прошлый раз о скандальном деле сенатора Майсторовича и о процессе его сообщников за умышление на жизнь князя Михаила и за государственную измену».

Несмотря на общность темы разобранной выше статьи и этой корреспонденции, в авторских суждениях относительно возможных результатов предстоящей скупщины имеются различия. Оба материала начпаются с констатации одного и того же факта: в статье, что 6 VIII в Крагуеваце начнутся заседания сербской скупщины, а в корреспонденции, что «на днях²³ соберется наша скупщина». Однако автор корреспонденции не разделяет оптимизма автора статьи относительно результатов предстоящей скупщины. Уже в самом начале корреспонденции можно прочесть такие слова: «Наша политическая жизнь оживляется; все ожидают важных событий. Мне сдается, что это ошибка, что напрасно ожидать слишком многого: если признаки не обманывают меня, то предстоящая скупщина не будет иметь того значения, которое ей приписывают». И все же корреспондент считает, что не мешает бросить взгляд на то положение, в котором находится Сербия в канун открытия своей скупщины.

Изложив все известные в то время обстоятельства «скандального дела» сенатора Майсторовича, корреспондент приходит к заключению, не совпадающему с выводами автора статьи. Если последний считал, что этим делом «судьба министерства была поставлена на карту» и что скупщина должна была вынести свой окончательный суд над ним, то автор корреспонденции реагировал на заговор более спокойно. «Не знаю, — писал он, — будет ли это дело представлено на обсуждение скупщины, как поговаривают в Белграде: во всяком случае, судьба отрешенных судей не возбудила бы ее участия, потому что наши чиновники вовсе не любимы народом».

В корреспонденции появился новый сюжет, отсутствующий в статье. Речь идет о финансовом вопросе Сербии, который, по мнению автора, вероятно, станет главным предметом занятий скупщины. Дело в том, что на протяжении последних 4—5 лет сербский бюджет оставался неизменно дефицитным. Причиной тому было резкое увеличение расходов на вооружение, которые истощали казну. Финансовая политика Сербии при Михаиле имела двойкий результат: с одной стороны, как пишет автор, — «Правительству удалось поставить страну в такое положение, что она в состоянии оборониться от нападения турок», а с другой, вследствие плохой системы налогов — «народ основательно жалуется на обременяющие его повинности». Исходя из этого, корреспондент делает вывод о том, что если даже скупщина одобрит предложение правительства по финансовому вопросу, «то едва ли оно будет принято сербским народом, очень расчетливым в отношении своего кармана». В подтверждение своих слов он приводит такой характерный для сербской истории пример. «Не бавь Александр Карагеоргиевич одного „талира“ (1 руб. 25 коп.) с налога, его не провозгласили бы сербским князем в 1842 году».

Более половины корреспонденции объемом в 1,5 газетных столбца занимает описание внешнеполитического положения Сербии. Интересно, что после открытия «Славянского отдела» газета впервые останавливается на этом столь подробно. Корреспондент указывает, что тогдашнее положение на Балканах и международная обстановка были неблагоприятны для освободительных акций со стороны Сербии. После того как

²³ Скупщина открылась не 6 VIII, а 16 (28) VIII 1864 г. и не в Крагуеваце, а в столице княжества — Белграде.

был упущен удобный момент для организации всеобщего восстания в Европейской Турции в связи с бомбардировкой Белграда в 1862 г., в настоящее время сербское правительство «поступает благоразумно, сохраняя спокойствие и не раздражая Порты». Правда, в Герцеговине снова вспыхнуло волнение под руководством знаменитого Луки Вукаловича из-за несоблюдения турками своих обязательств, но автор склонен думать, что Турция проявит благоразумие и, удовлетворив справедливые требования христиан, сумеет потушить восстание в самом зародыше. Такой исход в силу изложенных выше причин он считал наилучшим, хотя и не единственным. «Если Порта по внушению Австрии и Англии откажет христианам в справедливом удовлетворении, „чтобы не уронить своей власти“, то восстание может распространиться по Герцеговине и вызвать такие затруднения, которые принудят Черногорию и Сербию принять в нем участие». И все же корреспондент считал, что вследствие неудовлетворительного внешнеполитического положения Сербии, развитие восстания в Герцеговине было бы для нее нежелательным. «Англия явная противница Сербии; Франция также, потому что князь Михаил не расположен играть в Сербии роль французского префекта. Австрия следует относительно Сербии той политике, какую внушает ей неприязнь к славянскому племени и лондонский кабинет; Пруссия, когда-то друг христиан, и в особенности сербов, утратила в Константинополе свое последнее влияние со времени отъезда отсюда ее посла, графа Гольца».

Остаются Россия и Италия. Наши отношения к России улучшились с тех пор, как с.-петербургский кабинет убедился, что князь Михаил вовсе не враждебен единственной европейской державе, высказавшей некоторое участие к судьбе Сербии, предоставленной всей Европой на жертву туркам. Италия, в лице генерального консула Скобакко, всегда высказывала большое расположение к сербам; но турецкий кабинет угождает Англии, а эта не позволит ему теснее сблизиться с Сербией.

При таких обстоятельствах Сербии трудно действовать решительно или думать об инициативе в национальном движении областей, непосредственно подчиненных Порте. Наше правительство в наилучших отношениях с Черногорией, а до государственного переворота в Бухаресте оно было в таких же и с Румынией; что же касается до наших отношений к Греции, то в царствование короля Отона, они были очень дружественными, а теперь не успели еще определиться со времени революции 1862 г. Словом, девиз нашей политики должен быть тот же, что и у Наполеона III: „*inertia Sapientia*“, пока не пробудится Восточный вопрос и не постучится к нам в дверь. В этом отношении скупщина не изменит положения дел».

Последний абзац корреспонденции посвящен рассказу об отозвании из Белграда Вашича, исполнявшего с 1862 г. в Белграде обязанности генерального консула Австрии в Сербии, и назначении нового генерального консула, барона Гёдель-Лангуа, бывшего до того австрийским консулом в Одессе и Яссах. Из комментария, которым сопроводил этот факт корреспондент, ясно видно, что он не верит в благонамеренность нового австрийского консула, несмотря на все его старания. «Опыт уже показал нам, — пишет он, — что такое дружба Австрии и ее консулов, а потому мы не любопытствовали познакомиться с бароном Гёделем — „*Timeo Danaos et dona ferentes*“ (Бойтесь данайцев, дары приносящих)».

Кем же написана эта корреспонденция? Ответить можно почти безошибочно — заведующим «Славянским отделом» газеты «С.-Петербургские ведомости» Ж. Жуевичем и его белградским другом и единомышленником — К. Поповичем. По-видимому, доли участия последнего во второй корреспонденции была меньше, чем в первой, поэтому она не имеет подписи. Тем не менее свежая информация с места имела настолько большое значение, что Жуевич вынужден был уточнить, а кое в чем и пересмотреть свое прежнее мнение относительно значения предстоящей сессии сербской скупщины, изложенное им в большой статье, появившейся в газете 20 днями раньше корреспонденции. Конечно, высказанное предположение о соавторстве Поповича не может претендовать на абсолютную достоверность, хотя бы потому, что письма Поповича к Жуевичу не сохранились. Но зато есть другие неопровержимые факты, которые дают возможность сделать более важный вывод о том, что все корреспонденции из Белграда в период за-

ведывания Жуевичем «Славянским отделом» «С.-Петербургских ведомостей» готовились им в Петербурге. И только в первых двух, рассмотренных уже нами, вероятно, был использован фактический материал из писем Поповича.

Отметим, что до конца 1864 г. никаких других корреспонденций из Белграда, кроме названных, в газете не появилось; и только с конца февраля 1865 г. они снова возобновляются за подписью «П. П.»²⁴. Причем все они принадлежат Жуевичу. Как известно, Попович скоропостижно скончался в сентябре 1864 г.²⁵ В память о своем незабвенном друге Жуевич стал их подписывать «П.П.», что мы расшифровываем как «Покойный Попович».

Какое отражение в газете получила сербская народная скупщина 1864 г. после ее открытия?

28 VIII (9 IX) в № 237 газеты «Голос» со ссылкой на венскую газету «Presse» было сообщено об открытии 16 (28) сербской скупщины и кратко изложена троякая речь князя. 29 VIII «С.-Петербургские ведомости» без всякой ссылки на источник поместили полный текст речи князя. В обоих случаях информация об открытии скупщины заканчивалась почти одинаковой фразой: «Смотр войскам прошел также спокойно, и вообще порядок не был ни на минуту нарушен» («Голос»). Цитированные слова взяты в кавычки; «Смотр войскам прошел мирно, и вообще порядок не был нарушен» («Ведомости»). Здесь эти слова даны как авторский текст, без кавычек). Такое совпадение объясняется тем, что в обеих газетах заведывал «Славянским отделом» один и тот же человек.

30 VIII (11 IX) 1864 г. «С.-Петербургские ведомости» напечатали небольшую информационную заметку о том, что князь Михаил назначил президентом скупщины депутата от Ягодины Михалку Раденковича, а вице-президентом — депутата от Шабача Георгия Топузовича, и что в Белград 27 VIII прибыл новый комендант крепости — Али-паша.

Адрес сербской скупщины князю Михаилу сначала был опубликован 3 IX в кратком изложении в «Ведомостях», а на следующий день полный его текст был напечатан в «Голосе». Хотя тексты перевода адреса несколько отличаются стилистически, тем не менее можно с уверенностью сказать, что в обоих случаях переводчиком был Жуевич. Его выдает сходство терминологии («Национальное собрание», «нация» и др.), которой он придерживался в своих статьях, очерках и корреспонденциях.

Сильное сокращение текста адреса в «Ведомостях» до некоторой степени было компенсировано новым сообщением о скупщине, помещенным в том же номере от 3 IX вслед за адресом:

«Из Белграда пишут в австрийскую „Всеобщую Корреспонденцию“. В заседании скупщины, 1-го сентября (20 августа), депутация представила отчет о подписании адреса князю Михаилу. Окруженный министрами и сенаторами, князь принял депутацию и отвечал ей, что он имеет полное право гордиться небольшим сербским народом, что он гордится доверием сербской нации, и что ничто не может более воодушевить его на трудном пути, назначенном ему Богом и народной волей, чем подобная оценка его заслуг, которые так ничтожны в сравнении с великими трудностями народа. Скупщина решила отдельно напечатать и разослать всем сербским общинам как адрес, так и ответ князя. В следующем заседании министр финансов представил свою новую систему распределения налога; скупщина передала ее на рассмотрение особой комиссии, в состав которой входят по два депутата от каждого округа и от Белграда».

В № 218 от 1 (13) X 1864 г. «С.-Петербургских ведомостей» напечатана большая по объему статья «К делу о заговоре против князя сербского». Раскрытие заговора против сербского князя Михаила Обреновича в 1863 г. привлекло внимание почти всех как западноевропейских, так и русских газет. Особый интерес русской прессы к заговору автор считает понятным, «если взять во внимание начинающее пробуждаться

²⁴ Первая из них в № 44 «С.-Петербургских ведомостей» от 20 II 1865.

²⁵ См. М. Попович. Цит. соч., стр. 65.

славянское сознание». Умолчав о позиции «С.-Петербургских ведомостей» и «Голоса», автор подробно останавливается на оценке заговора газетами «День» и «Русский инвалид». «День» утверждал, что заговор был мнимым, а «Русский инвалид» доказывал обратное. Это было умело использовано автором статьи, который привлек внимание читателей к чисто юридической стороне дела и показал, что кассационный суд, вынеся оправдательный приговор заговорщикам, был прав. И если большинство сербов осуждает кассационный суд, то «причина здесь та, что у этого большинства плохо развит юридический смысл, что оно не умеет должным образом взвешивать данные факты». В доказательство правильности решения кассационного суда и незаконности расправы, которая была учинена над ним чрезвычайной комиссией, созданной правительством в нарушение конституции, и состоит главный смысл статьи. Автор хорошо разбирался в чисто юридических вопросах. «...В преступлении субъективная сторона без объективной судима быть не может; мысль должна объективироваться для того, чтобы ее можно было видеть или слышать, для того, чтобы о ней можно было судить; иначе вы можете заподозрить первого встречного, что он намерен вас убить или обокрасть, и на этом основании потянуть его к суду, который, в свою очередь, будучи таким же юристом, как вы, мог бы его приговорить к виселице».

Итак, автор берет под защиту сербских либералов (известно, что членом кассационного суда был Еврем Груич), осуждает заговоры вообще, а династические в особенности (заговор сенатора Майсторовича). Обнаружив прекрасное знание русской и сербской периодической печати того времени, он ни слова не говорил об освещении заговора против сербского князя на страницах «Голоса» и «Ведомостей». Жуевич хорошо разбирался и в юридических вопросах. Все это свидетельствует о том, что автором статьи «К делу о заговоре против сербского князя» был Жуевич.

Для того чтобы сделать окончательный вывод о позиции «С.-Петербургских ведомостей», а точнее их заведующего «Славянским отделом», по вопросу о сербской народной скупщине 1864 г., необходимо рассмотреть итоговую статью на эту тему — «Последняя сессия скупщины», № 239 от 22 X (3 XI) 1864 г. в отделе иностранных известий под рубрикой «Сербия». Она занимает без малого два столбца большого газетного формата.

«Сербские народные представители, — читаем мы в первом ее абзаце, — собравшиеся 15 августа нынешнего года в Белграде, давно уже покончили свое дело и почти месяц назад разъехались по домам. Сессия этого собрания кончилась еще 5-го сентября, а 6-го этого же месяца почтенное собрание было распущено заключительной тронной речью князя Михаила. Странно, что русские газеты так мало обратили внимания на такое важное событие в Сербии, тогда как к подобным событиям за границей, т. е. в западных, неславянских и неправославных государствах, они всегда оказывали и оказывают внимание самое напряженное. Бедные славянофилы! Хоть бы вы вооружились за забытую славянщину, хоть бы вы сказали нам, что делают наши „меньшие братья“ на юге славянском!». По манере и стилю изложения уже по этим первым строкам можно безошибочно определить авторский почерк Ж. Жуевича.

Не менее примечателен и второй абзац: «Но что сказать о минувшей сербской скупщине, когда сербские газеты излагают ее занятия так подробно, что на одну сессию (заседание. — В. К.) нередко приходится 10—15 строк одного столбца?! А до других источников русским редакциям, как бы ни был велик их интерес, добраться мудрено. Корреспонденты, пожалуй, могли бы сообщить по этому делу кое-что кроме того, что находится в сербских газетах, да, вероятно, всех счетов еще не свели. Ждать их мы не будем, а скажем то, что знаем, оставляя на их долю пополнить не досказанное нами».

Слабая осведомленность прессы о работе сербской скупщины объяснялась закрытым характером ее заседаний. Правда, кроме скудных официальных сообщений, журналисты располагали текстами отчетов министров: финансов, народного просвещения и церковных дел, военных дел. Но и это мало что давало. Чтобы понять столь «странный характер деятельности сербской скупщины», автор просит читателей принять во внимание такие важные, с его точки зрения, обстоятельства, как состав самой скупщины, ее положение и, наконец, отношение к сербской скупщине всех слоев населения.

При рассмотрении состава скупщины он делает весьма важную ссылку, позволяющую определить автора статьи. Скупщина «состояла, как мы предсказали в одной из наших статей (выделено нами. — В. К.) из простого народа (земледельцев), торговцев и чиновников, не избираемых, а назначаемых министром внутренних дел». Между правительством и простым народом не было никакого посредника. Такое положение было установлено Законом о народной скупщине 1861 г., согласно которому лица, когда-либо служившие на казенной службе, не имели права быть представителями в скупщине. «А так как в Сербии покамест нет ни одного образованного человека, который когда-либо не был на жалованьи у правительства, то никакой образованный человек и не может войти в сербскую скупщину в качестве законного ее члена». При всей любви сербов к скупщине, при всей ее популярности в народе, сербский простолудин, по мнению автора, не понимает ее значения. Эту свою парадоксальную, на первый взгляд, мысль он довольно тонко объясняет следующим образом. «По-видимому, это парадокс. Но в сущности это очень просто. Именно то, в чем выражается плоть и кровь народа, менее всего понимается народом, и гораздо отчетливее он понимает то, что представлялось ему раньше совершенно чуждым. Русский человек гораздо меньше понимает значение „мира“, чем значение „волости“. Поэтому, — делает вывод автор, — довольно сохранить форму наиболее любимого народом государственного учреждения, уничтожив его сущность, чтобы народ не сказал ничего против этого; наоборот, уничтожьте форму и оставьте сущность, и он вооружится дреколем».

Так случилось в Сербии после принятия в 1861 г. закона о народной скупщине, лишившего ее того значения, которое придавали ей образованные сербы или так называемые «слабодняки», т. е. либералы. Эти последние, замечает автор, «до того пристрастны к ней, что желали бы, чтобы вне скупщины не было никакой высшей власти». Здесь впервые за время своего сотрудничества в газете автор обращается к вопросу о сербских либералах прямо и непосредственно, причем не только в плане косвенной их защиты, как это было с кассационным судом, но, и это особенно важно подчеркнуть, в плане критической оценки их деятельности. «Читатели спросят: отчего же они (либералы. — В. К.) не проводят своих мыслей о скупщине в народе?» И отвечает так: «Мы сами задаем себе такой вопрос и не находим на него ответа». Жуевич считает, что жалобы либералов на отсутствие свободы печати в Сербии не могут служить им достаточным оправданием. Более существенным, по его мнению, является то, что «политический такт и у них не совсем выработался». В 1858 г. на Свято-Андреевской скупщине либералы были господами положения, сила и власть находились тогда в их руках. Почему же они тогда не устроили все так, как следует? «Потому, — отвечает он, — что когда они стали во главе народа, у них все померкло перед глазами, и они самым наглядным образом обнаружили всю свою несостоятельность для крупных дел».

При таких условиях от скупщины польза было ожидать решения важных и значительных вопросов. Любая попытка критики министров воспринималась как критика князя, которого, как утверждал автор, — «народ любит до безжесткости, если можно так выразиться». Что из этого получилось на деле, автор наглядно показал на двух примерах, которые он заимствовал «из самого верного источника». Речь шла о безуспешной попытке постановки в скупщине вопросов об ответственности министров и свободе печати. Свое отношение к этим вопросам, «которые занимают общество сербское уже лет пять», и свое суждение о них Жуевич высказал в заключительной части статьи.

«Вопрос о свободе печати в 1858 г. был решен в Сербии утвердительно, но эта свобода так недолго продержалась, что ни один из сербских писателей не успел воспользоваться ею. Снова была учреждена цензура, о которой г. В. Ламанский в статье, помещенной в „Отечественных записках“ за май месяц, говорит, что она строже, чем где-либо. Потом она была утверждена и самим законом (новым) о скупщине 1861 г. Недовольство, вызванное цензурой в Сербии, высказывалось даже в нескольких демонстрациях против нынешнего министерства».

«Судьба вопроса об ответственности министров такая же, как и вопроса о печати. В Сербии многие ожидали, что минувшая скупщина решит их более или менее удовлетворительно, но ошиблись. Оба эти вопроса не будут до тех пор решены в Сербии, пока

не будет изменен закон о скупщине 1861 г.²⁶, который не дает места в скупщине образованным людям. Но это изменение, судя по всему, еще долго не последует».

До конца 1864 г. в «С.-Петербургских ведомостях» не появилось больше оригинальных статей проблемного характера, написанных заведующим «Славянским отделом» газеты.

Рассмотренные выше данные позволяют сделать следующие выводы.

С приходом Жуевича в газете снова был открыт отдел «Славянские земли», руководителем и редактором его был человек, который, сообразуясь с цензурными условиями и направлением газеты, стремился выразить на ее страницах свои демократические взгляды. До приглашения Жуевича газета лишь время от времени помещала материалы по славянскому вопросу. Она имела и своих корреспондентов в славянских землях. Так, с 1863 г. газета печатала корреспонденции из Аграма (Загреб), некоторые из них были подписаны «У»²⁷. В течение 1864 г. «С.-Петербургские ведомости» поместили восемь корреспонденций из Австрии (Пешта и Вены), подписанных «Ф»²⁸. Публиковались и другие материалы. Объединить их все в одном отделе, по-видимому, было невозможно. Поэтому, вероятно, рубрика «Славянские земли», появившаяся после прихода Жуевича в газету, была обозначена как самостоятельная лишь четыре раза (в № 95, 101, 108 и 128). Характерно, что она заполнялась только материалами о Сербии, автором которых, как было установлено, являлся Жуевич.

С апреля по декабрь 1864 г. Жуевич опубликовал девять оригинальных материалов (общий объем свыше двух авторских листов); два из них имели его подпись («Ж. Жуевич» и «Ж»), один, написанный в соавторстве с К. Поповичем, подписан «К», остальные анонимные.

Большинство материалов, опубликованных Жуевичем в 1864 г. в «С.-Петербургских ведомостях», было посвящено одной теме — Сербии, ее общественной жизни, литературе, внутренней и внешней политике правительства; лишь некоторое отражение в публицистике Жуевича этого периода нашли Старая Сербия и отчасти Черногория, Герцеговина и Болгария.

Из больших проблем, получивших освещение в материалах «Славянского отдела» газеты, выделяются: критика славянофильской идеологии, борьба сербского народа за свое освобождение и объединение (ее внутриполитический и внешнеполитический аспекты) и сессия сербской народной скупщины 1864 г. Все эти вопросы неизменно рассматривались с демократических позиций. Жуевич выступал за национальное и социальное освобождение славянских народов, отстаивая их право на свободное и демократическое развитие. Уже в это время Жуевич проявил себя зрелым и талантливым публицистом, в совершенстве владевшим русским языком.

²⁶ Ж. Жуевич писал К. Поповичу 18 II 1864 г.: «Еще раз повторяю — князя не трогайте, его следует только ограничить и ничего больше. Закон 1858 г. о скупщине необходимо второй раз утвердить, дополнив его только тем, чего ему не достает. А чего в нем недостает? — спросите вы. Да того, что было сделано с ним, из-за чего он стал теперь бессмысленным. Почему наши юристы не определили в 58 году, когда такая сила была в их руках — отношение к князю и наоборот? Посмотрите на английский парламент и короля (или королеву). Затем необходимо уничтожить § 9, т. к. он разрушает это здание. Непременно следует определить кто старше в Сербии — князь или скупщина, князь или народ?... Остальное известно».

²⁷ В 1864 г. было напечатано три таких корреспонденции: № 25, 31 I (12 II) без подписи; № 102, 9 (21) V без подписи и № 164, 25 VII (6 VIII) за подписью — «У».

²⁸ № 20, 21, 53, 56, 73, 81, 89, 127.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЮЖЕТА

Литературное произведение характеризуется семантической структурой, т. е. представляет собой систему элементов, связанных определенными отношениями, и поддается строгому описанию. Цель статьи — продемонстрировать это на примере анализа семантической структуры сюжета польской драмы «*Comptunia duchowna św. Borusa i Gleba*»¹. Драма была поставлена в конце XVII в. в Полодской и Оршанской иезуитских коллегиях. Ее автор неизвестен. Написанная по правилам иезуитской поэтики того времени драма интересна тем, что ее сюжет соответствует группе сюжетов произведений древнерусской литературы о Борисе и Глебе.

Минимальной единицей сюжета на синтаксическом уровне будем считать ситуацию, понимая ее как отрезок сюжета, в котором участвует пара действующих лиц, связанных одним и тем же отношением и который не содержит никаких других действующих лиц и отношений, например: Круент убивает Глеба.

Каждая ситуация имеет непосредственное и обобщенное значение. Непосредственное значение — это описание ситуации, оно равно тексту. Обобщенное значение не равно тексту, а выводимо из сюжетного контекста, оно устанавливается путем сравнения непосредственных значений ситуаций. Например, непосредственное значение ситуации: Святополк посылает Гамрота с письмом к Борису, а обобщенное значение, выводимое из контекста: желание Святополка убить Бориса (письмо отравлено, что очевидно из предшествующих ситуаций). Обобщенные значения ситуаций являются элементами, которые образуют семантическую структуру, вступая в определенные отношения между собой. Перед тем как приступить к описанию этих отношений, остановимся более подробно на обобщенном значении ситуации.

Обобщенное значение ситуации содержит обобщенное значение функции², т. е. ее семантический инвариант, который реализуется в ситуации. Например, функция Святополка *подкуп* имеет обобщенное значение *власть*. Иногда обобщенное значение функции может совпадать с непосредственным, например: смерть (Бориса). Оказывается, различные функции действующих лиц драмы имеют одни и те же семантические инварианты, что открывает возможность их классификации. При относительном многообразии все функции на семантическом уровне сводятся к системе обобщенных значений, которые делятся на класс абстрактного обобщенного

¹ «Dramaty staropolskie», t. VI. Warszawa, 1963, s. 402—492.

² Функция — характеристика действующего лица, его любое действие или состояние.

значения (власть, смерть, эмоции, обращение к высшим силам) и класс конкретного (реальные действия). Например, обобщенное значение *власть* имеют такие функции Святополка, как *восхваление золота, чтение письма Бояр, гордость, подделка письма* и другие (все эти действия направлены на получение власти).

Обобщенное значение функции может быть преобразовано в свою противоположность. В драме эта возможность реализована только один раз: существует обобщенное значение *невласть*.

На системе обобщенных значений функций отражается категория оценки: автор двузначно оценивает поступки действующих лиц (положительно или отрицательно). Категория оценки проявляется в обобщенном значении *эмоции* (которые могут быть положительными или отрицательными) и в обобщенном значении *обращение к высшим силам* (оно может относиться как к силам ада, так и к силам неба).

Обобщенные значения ситуаций различаются по виду связи, которая существует между обобщенным значением функции и субъектом, который эта функция характеризует. Предлагается различать прямую и косвенную связи.

Косвенная связь имеет место в том случае, когда функция не непосредственно характеризует действующее лицо, а является предметом его желания, предметом, к обладанию которого один субъект побуждает другого, к обладанию которого он имеет некоторое отношение, при обладании которым он присутствует, т. е. существует четыре вида косвенной связи: *желание, побуждение, отношение, присутствие*. Возможен вид связи *желание*, при котором функция направлена на субъект (он одновременно является объектом, например, Святополк намерен править), и такой вид, при котором функция направлена на объект, не совпадающий с субъектом (Бояре уговаривают Бориса править).

Существует еще один вид косвенной связи: транспозиция. В этом случае субъект связан не с обобщенным значением какой-либо функции, а с обобщенным значением ситуации, которое в свою очередь может содержать любой вид связи, ранее указанный, например: Гамрот сообщает Святополку о намерении Бояр избрать Бориса. Этот вид связи — наиболее слабый.

Косвенная связь слабее прямой, из видов косвенной связи наиболее слабым является *отношение*, наиболее сильным — *побуждение*.

Каждый вид связи, прямой и косвенный, может быть преобразован в свою противоположность. Эта возможность фактически использована в драме только для косвенной связи *желание*, так как имеется связь *нежелание*.

Каждое обобщенное значение функции с любым видом связи потенциально может относиться к любому субъекту. Реально дело обстоит иначе, так как в драме каждое из обобщенных значений функций характеризуется не всеми видами связи и относится к определенным субъектам. Так, например, обобщенное значение функции *смерть* всеми видами связи, прямой и косвенной, связано с членами ситуации: действующие лица драмы выражают отношение к смерти, желают или не желают ее, побуждают к ней, сообщают о ней, умирают. Обобщенное значение *эмоции* связывается с субъектами только прямой связью: действующие лица непосредственно характеризуются функциями с этим обобщенным значением и не желают испытывать эмоции, не побуждают к этому и т. д. К первому из этих двух обобщенных значений сводятся функции, характеризующие всех главных и второстепенных действующих лиц, ко второму — функции, характеризующие только трех главных действующих лиц и одно второстепенное. Каждое обобщенное значение с любым видом связи может быть

связано связью транспозиции с любым субъектом. Фактически в драме этим субъектом бывает одно из главных действующих лиц.

Таким образом, обобщенное значение ситуации — это то ее значение, которое она получает в результате замены значения функции на семантический инвариант при учете связи с субъектом, например *желание Святополка править*. Обобщенное значение ситуации всегда содержит только одно обобщенное значение функции, но число видов связей и субъектов может быть больше единицы, как например в обобщенном значении ситуации: Бояре сообщают Борису, что Святополк намерен убить Бориса, Глеба, Ярослава, где три субъекта и два вида связи.

Возможно, одна и та же ситуация имеет не одно обобщенное значение. Примером может служить ситуация: Святополк пишет письмо Борису, в котором обещает уйти в монастырь. Она имеет два обобщенных значения: отказ Святополка от власти (мнимый) и желание убить Бориса (письмо пропитано ядом).

Классификация обобщенных значений функций служит основой классификации обобщенных значений ситуаций, так как благодаря ей свободно выделяются группы обобщенных значений ситуаций с одинаковыми обобщенными значениями функций. При совпадении не только обобщенного значения функции, но и видов связи и субъектов обобщенные значения ситуаций тождественны. При этом тождественные обобщенные значения могут иметь ситуации с различными непосредственными значениями, например *Борис осуждает богатство и славу, Борис намеревается ехать к Святополку*. Эти ситуации имеют одно и то же обобщенное значение *отказ Бориса от власти* (намерение ехать значит отказ, так как Борис хочет сообщить о своем намерении покориться Святополку). Нетождественные обобщенные значения могут иметь ситуации со сходными непосредственными значениями, например ситуация *Святополк торжествует* повторяется дважды, но ее обобщенные значения различны: в первом случае — *отношение к смерти Бориса*, во втором — *намерение править*. Таких случаев гораздо меньше.

Выделяя группы обобщенных значений ситуаций, мы можем выяснить отношения, существующие между ними. При учете совпадающих обобщенных значений функций обобщенные значения ситуаций могут быть рассмотрены не только в последовательности, в какой они представлены в тексте, но и в той, которую они организуют, взятые изолированно в порядке, в котором они входят в текст.

Таким образом, все обобщенные значения ситуаций, элементы семантической структуры сюжета располагаются на парадигматической и синтагматической осях. Анализ распределения обобщенных значений ситуаций по парадигматической и синтагматической осям и является анализом семантической структуры сюжета³.

Упорядоченное множество обобщенных значений ситуаций, которые характеризуются одинаковым обобщенным значением функций, связанных с одним и тем же субъектом, является парадигмой. Порядок вхождения членов парадигмы совпадает с их порядком вхождения в последовательность обобщенных значений ситуаций сюжета. Парадигмы демонстрируют отдельные темы. В качестве примера приведем начальные члены парадигмы *желание Святополка править*. 1) Святополк желает править. 2) Святополк желает, чтобы Эриман побудил Бояр к тому, чтобы они желали, чтобы Святополк правил.

³ C. Lévi-Strauss. The structure study of Myth. Myth. A Symposium. Bloomington, 1958, p. 50—66.

3) Эримап желает, чтобы Бояре желали, чтобы Святополк править. 4) Эримап сообщает Боярам, что Святополк желает править. 5) Бояре сообщают Борису, что Святополк желает править.

Данные обобщенные значения ситуаций сюжета не следуют одно за другим в линейной последовательности элементов, но, прочитанные по вертикали, образуют свою последовательность, основанную на обобщенном значении функции *власть*, связанном со Святополком, последовательность, которая характеризуется определенными закономерностями построения. В данном отрезке, например, первое обобщенное значение является составной частью двух последних: Святополк желает править. Два последних обобщенных значения (4 и 5) различаются тем, что адресат одного становится отправителем другого при полном совпадении содержания сообщения. Подобные закономерности не случайны, они выражают принцип развития темы, в данном случае принцип замедленности.

Рассмотрение обобщенных значений по парадигматической оси приводит к точному выяснению развития отдельных тем.

На синтагматической оси обобщенные значения ситуаций расположены в той последовательности, в которой даны ситуации сюжета. Они читаются по горизонтали, например: 1) Святополк намерен править; 2) Гамрот сообщает Святополку о желании Бояр, чтобы правил Борис; 3) Святополк желает, чтобы Эримап побудил Бояр к тому, чтобы они желали, чтобы правил Святополк; 4) Эримап желает, чтобы Бояре желали, чтобы Святополк правил; 5) Эримап желает, чтобы Святополк не правил; 6) Эримап сообщает Боярам, что Святополк желает править; 7) Бояре желают, чтобы Святополк не правил; 8) Эримап желает, чтобы Бояре желали, чтобы правил Борис. Как видим, обобщенные значения ситуаций при их распределении на синтагматической оси различаются обобщенными значениями функций *власть*, *невласть*, субъектами, с ними связанными (Борис, Святополк), видами связи. Очевидно, каждое из обобщенных значений, записанных выше, может быть рассмотрено и по парадигматической оси; так, обобщенные значения 1, 3, 4, 6 находятся, как мы видели, на одной парадигматической оси. Очевидно, что 5 и 7 могут быть рассмотрены как еще одна парадигма, так как совпадают обобщенные значения функций: *невласть*.

Обобщенные значения ситуаций на синтагматической оси входят в синтагмы, т. е. непрерывные линейные последовательности, которые объединены некоторым субъектом, относящимся к группе главных действующих лиц (Святополк, Борис, Глеб, Ярослав). Следовательно, чтобы представить данный выше пример как синтагму, мы должны продолжить его до того обобщенного значения, которое содержит иной главный субъект: 9) Бояре желают, чтобы правил Борис; 10) Эримап, желает, чтобы все Бояре желали, чтобы правил Борис; 11) Эримап желает, чтобы Казак побудил Бояр к тому, чтобы они желали, чтобы правил Борис; 12) Эримап и Бояре желают, чтобы правил Борис. Очевидно, в синтагме может присутствовать не один главный субъект, но только один может объединять, направлять действия неглавных, в данном случае — Святополк. На этом примере видно, что синтагма характеризуется некоторыми закономерностями построения; она противопоставляет обобщенные значения (*власть*, *невласть*), субъекты (Борис и Святополк), т. е. построена по принципу контраста.

Рассмотрение обобщенных значений ситуаций по синтагматической оси приводит к точному выяснению взаимодействия тем.

Введение понятия синтагмы позволяет разделить парадигму на отрезки.

Отрезок парадигмы составляют те ее члены, которые находятся в пределах одной синтагмы, т. е. пример начала парадигмы, приведенный выше — желание Святополка править, является также примером парадигматического отрезка. Парадигматические отрезки в пределах синтагмы делятся на основные и подчиненные. Основные парадигматические отрезки, противопоставленные по тому или иному признаку, образуют схему парадигмы. Основные поддерживаются подчиненными парадигматическими отрезками. Так, например, в пределах четвертой синтагмы драмы находятся четыре парадигматических отрезка, развивающих следующие темы: желание Святополка и Гамрота убить Бориса, отрицательные эмоции Гамрота, смерть Гамрота, появление Солдат, убийц Бориса. Основной темой является первая, ей противопоставлена третья (по субъекту), для третьей подчиненной является вторая, четвертая поддерживает обе основные темы, связанные со смертью.

Синтагмы, развивающие одну и ту же тему, например тему власти (без учета главного субъекта), образуют эпизод. Так, синтагма, следующая за уже приведенной, имеет центр — Борис, следующая за ней — Святополк, но они обе содержат тему власти и потому вместе с первой синтагмой образуют один эпизод, который развивает тему отношения к власти Святополка и Бориса и отношения Бояр и Эрмана к их возможной власти. Причем взаимодействие этих тем таково, что на первый план выдвигается тема отношения к власти Святополка, а тема власти вообще вызывает тему намерения Святополка убить Бориса.

Таким образом, рассматривая каждое обобщенное значение ситуаций на парадигматической и синтагматической осях, мы сумеем вскрыть семантическую структуру сюжета, описать устройство парадигматических отрезков и синтагм, показать, каким образом они образуют эпизоды, выявить закономерности их устройства, принципы, по которым синтагмы и эпизоды сменяют друг друга. Но для этого необходимо записать все обобщенные значения ситуаций, причем таким образом, чтобы возможно было учитывать их распределение. Но запись даже одного первого эпизода заняла бы очень много места и показала бы, как неудобно ею пользоваться. Она мало изменилась бы и в том случае, если бы была усовершенствована (возможна, например, замена всех глагольных форм существительными). Очевидно, словесная запись вообще мало пригодна и пользоваться ею нецелесообразно. Следовательно, встает вопрос о ее замене более экономичной, разрешающей анализировать достаточно обширные тексты. Наиболее простым и удобным представляется применение буквенной записи⁴, которая обеспечит также и наибольшую наглядность. Буквенная запись является не конечной целью исследования, а его средством, так как позволяет выявить особенности семантической структуры.

Всякое обобщенное значение ситуации можно записать с помощью формулы. Формула — это выражение, построенное из знаков алфавита с помощью связок, где каждому элементу ситуации однозначно соответствует один из символов. Мы оперируем тремя видами алфавитов — для обозначения действующих лиц, обобщенных значений функций, связок. Алфавит связок — это алфавит видов косвенной связи.

Действующие лица драмы обозначаем большими буквами русского алфавита, например: *А* — Солдаты, убийцы Бориса, *Б* — Борис, *В* — Бо-

⁴ См. использование буквенной записи в работах: В. Я. Пропп. Морфология сказки. М., 1928; Р. М. Волков. Сказка. Одесса, 1924; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965; Д. М. Сегал. О связи семантики текста с его формальной структурой. В кн. «Поэтика, Poetyka, Poetics». Warszawa — Paris — den Haag, 1966, s. 15—44.

яре, *Г* — Глеб, *Р* — Гамрот, *С* — Святополк, *Э* — Эриман, *К* — Казак, *Я* — Ярослав.

Обобщенные значения функций обозначаем малыми буквами латинского алфавита: *a* — власть; *b* — смерть; *c* — эмоции (положительные), для отрицательных эмоций вводится обозначение \bar{c} ; *d* — обращение к высшим силам (имеется в виду обращение к небесным силам, обращение к силам ада обозначается \bar{d}); *e* — реальные действия.

Связки обозначаем малыми буквами греческого алфавита: α — желание, β — транспозиция, γ — побуждение, δ — присутствие, ϵ — отношение.

Прямая связь не получает специального обозначения. В целях экономии записи условимся считать, что малые буквы латинского алфавита, которыми обозначены обобщенные значения функций, значат, что действующие лица непосредственно характеризуются функцией с данным обобщенным значением.

Итак, для буквенной записи обобщенных значений ситуаций имеем три алфавита, из которых один является алфавитом связок. На примере ситуации *Святополк желает править* рассмотрим основные принципы буквенной записи. Во-первых, необходимо указать, к какому действующему лицу относится обобщенное значение функции, во-вторых, какой связкой оно соединяется с действующим лицом. В данном случае связки и функция относятся к одному и тому же действующему лицу — к Святополку. Таким образом, фактически формализации подлежит ситуация: *Святополк желает, чтобы Святополк правил один*. Между действующим лицом *С* и обобщенным значением функции *a* существует прямая связь, т. е. *Са* является не простой последовательностью символов, не означает отношения — *a* следует за *С*, но означает, что *С* находится в состоянии *a*, характеризуется функцией, имеющей данное обобщенное значение. Связка α соединяет *С* с *Са*. Таким образом, ситуация *Святополк желает править* записывается следующим образом: $S\alpha [Ca]$.

При записи используются круглые, квадратные и фигурные скобки, указывающие на область действия связок.

Обобщенное значение ситуации может быть рассмотрено как высказывание, распадающееся на субъект и предикат. В данном случае, $S\alpha [Ca]$, субъектом является *С*, предикатом — *Са*. Предикат в свою очередь состоит из предиката и субъекта, связанных прямой связью. Субъект и предикат всего высказывания связаны знаком α . Таким образом, предикат высказывания может иметь сложную структуру. Сложность структуры предиката бывает различной. В нашем примере предикат состоял только из субъекта и предиката. Возможно, предикат, входящий в структуру предиката, в свою очередь также состоит из субъекта и предиката и связывается с субъектом некоторой связкой. Этот тип формулы обобщенного значения ситуации довольно распространен для драмы: $X\chi [Y\chi_1 (Zr)]$, где *X*, *Y*, *Z* — любые субъекты, *r* — любой предикат, χ — любая связка. В формуле может существовать только одна связка χ или более чем одна; в последнем случае первая из них является главной. В приведенной выше формуле $X\chi [Y\chi_1 (Zr)]$ главной связкой является χ , ее действие распространяется на предикат, заключенный в квадратные скобки.

Возможно, субъект высказывания и субъект, входящий в структуру предиката, тождественны — $X\chi_1 [Y\chi (Xr)]$. При связи транспозиция обозначения отправителя и получателя записываются в круглых скобках после знака связки слева направо — $\beta [H Я]$.

Применение буквенной записи этого типа значительно упрощает задачу анализа семантической структуры сюжета. Чтобы убедиться в этом, приведем буквенную запись первой синтагмы драмы.

1. $Cx [Ca]$	$\exists [P, C] [BxBa]$	
$Cx \{ \exists \gamma [Bx(Ca)] \}$		
$\exists x [Bx(Ca)]$	$\exists x (C\bar{a})$	
$\exists [\exists, B] [Cx(Ca)]$	$Bx(C\bar{a})$	$\exists x [Bx(Ba)]$
		$Bx(Ba)$
		$\exists x [Bx(Ba)]^5$
		$\exists x \{ \Pi \gamma [Bx(Ba)] \}$
		$(\exists, B) \alpha (Ba)$

Словесная запись данной синтагмы с одновременной демонстрацией парадигматических отношений была бы чрезвычайно громоздка. При буквенной записи распределение элементов семантической структуры по синтагматической и парадигматическим осям очевидно, так как текст можно читать как слева направо, так и сверху вниз. Рассмотрим более подробно устройство этой синтагмы.

Первая формула первого парадигматического отрезка имеет предикат Ca , две последующих — предикат $Bx [Ca]$. Последняя имеет предикат $Cx [Ca]$. Можно считать, что отрезок построен по принципу АБА при учете того, что третья часть полностью совпадает с первой, а повторяет ее в построении, так как в третьей части действует связка транспозиции. Существует закономерность в чередовании субъектов высказывания — субъект предиката второго высказывания \exists становится субъектом следующего высказывания. Во втором парадигматическом отрезке изменения состоят только в замене субъекта высказывания \exists на B . Третий парадигматический отрезок имеет предикат $Bx [Ba]$, который однажды становится высказыванием. За исключением первой формулы в нем чередуются субъекты высказывания \exists и B , в последней они объединяются.

Парадигматические отрезки первой синтагмы противопоставлены. Первый противопоставлен второму по знаку предиката и совпадающему субъекту высказывания, являющегося предикатом; третьему он противопоставлен по субъектам высказывания, являющегося предикатом.

Синтагматические изменения состоят в изменении связок, знака предиката, субъектов высказывания, являющихся предикатами и самого высказывания, в смене предикатов. В основном в данной синтагме предикат a чередуется с предикатом \bar{a} . Более активно изменяются субъекты, чем предикаты, преобладает связка α . Кроме того, довольно часто встречается связка β . При синтагматических изменениях происходят обратные трансформации, например переход от первого парадигматического отрезка ко второму и обратно.

Первая синтагма состоит из двух частей, которые различаются субъектом высказывания, являющегося предикатом. Первая часть заканчивается формулой $Bx [Ca]$. Вторая состоит из части третьего парадигматического отрезка.

Схема первой синтагмы такова: $Cx [Ca] (\exists, B) \alpha [(C\bar{a})] || (Ba)$. Выведение схем синтагм позволяет проследить взаимодействие основных тем.

Запись следующей синтагмы наглядно показывает ее сходство с первой, так как она также развивает тему власти: так совершенно аналогично проходит тема желания Бояр видеть Бориса единственным правителем (отрезок 3). Если в первой синтагме разрабатывалась тема отношения к власти Святополка, то во второй разрабатывается тема власти Бориса (отрезок 1), причем она решается контрастно по сравнению с темой власти Святополка. Первую и вторую синтагмы связывает сообщение о намерении Святополка править (отрезок 2), и как следствие развития темы вла-

⁵ B_1 — вторая группа Бояр.

сти вообще появляется тема возможной смерти Бориса и распылаты Святополка за злодеяния (4 и 5).

$$\begin{array}{l} 11. Bx(B\bar{a}) \quad \beta[B, B][Cx(B, G, A)b] \\ \quad \beta[B, B][Cx(Ca)] \quad B\gamma[B\gamma(Cb) \vee (C\bar{a})] \\ Bx(B\bar{a}) \quad Bx(Ba) \end{array}$$

Парадигматические отрезки построены иначе, чем в первой синтагме. За исключением первого, состоящего из двух одинаковых членов, они равны одному члену, что объясняется или повтором уже разработанных тем (отрезки 2 и 3) или предсказанием содержания последующих синтагм (4 и 5).

Аналогичный анализ третьей синтагмы показывает, что в ней возвращается тема власти Святополка, поддерживаемая темой его предчувствий. Для основного парадигматического отрезка, развивающего тему власти, характерна форма AB .

Таким образом, первый эпизод драмы имеет трехчастную форму построения, если за A принять тему власть Святополка, за B — власть Бориса и отношение к ней Бояр и Эрмана (это возможно, так как они зависят от Бориса как второстепенные действующие лица).

Семантический анализ всех синтагм сюжета драмы с их содержательной интерпретацией позволяет сделать некоторые выводы о строении и функциях парадигматических отрезков, синтагм и эпизодов.

Парадигматический отрезок может состоять из одного члена, из нескольких одинаковых. Отрезки такого типа ставят на теме акцент. Парадигматический отрезок может представлять собой чередование пары членов, при этом, возможно, один из членов является таким высказыванием, которое совпадает с предикатом другого. Отрезки такого типа усиливают тему. Парадигматический отрезок может представлять собой последовательность высказываний, связки которых расположены в порядке возрастания силы действия или субъекты которых способны замещать друг друга. Отрезки такого типа способствуют разрешению темы. Отрезки строятся по принципу AB (см. выше) или ABA , где A отличается от B субъектом или связкой.

Синтагмы также могут строиться по принципам AB или ABA , где A отличается от B субъектом или предикатом. Их функция состоит во введении действующих лиц (как, например, функция той синтагмы драмы, в которой впервые появляется Глеб и не вводится никаких новых тем) или тем (см. первую синтагму), в развитии тем по принципам контраста, параллелизма, замедленности. Некоторые синтагмы служат созданию напряжения (как, например, четвертая, в которой содержится реализация намерения Святополка убить Бориса), некоторые — созданию разрешения (как синтагмы, содержащие смерть Бориса, Глеба, Святополка). То же самое можно сказать и об эпизодах, образуемых синтагмами, сменяющих друг друга по принципу AB , где A отличается от B предикатом. По этому принципу чередуются все эпизоды драмы, развивая последовательно сменяющиеся темы: власть и смерть.

Анализ семантической структуры приводит к выявлению обобщенного значения сюжета. Обобщенным значением сюжета является то обобщенное значение функции, к которому сводятся или от которого зависят все обобщенные значения ситуаций сюжета (с учетом связки). В драме обобщенным значением сюжета является отношение к власти, которое мы можем также рассматривать как основную тему. Возможно существование таких сюжетов, в которых представлена только одна основная тема, но в драме еще есть тема побочная, которая вводится только после разработки главной, это тема отношения к смерти. Между основной и побочной темой наблюдается причинно-следственная связь. Тема смерти никогда не появляется от-

дельно от темы власти (исключение составляет эпизод смерти Бориса, например Бояре советуют Борису убить или изгнать Святополка и объясняют свой совет тем, что Святополк — тиран).

Для установления обобщенного значения сюжета важное значение имеет заключительный эпизод, так как он зависит от семантической структуры в целом, содержит возврат к основной теме. Не меньшую роль в выявлении обобщенного значения сюжета играют предсказания. Так, во второй синтагме драмы, развивающей тему власти, парадигматический отрезок $B\gamma [B\gamma (C\alpha) \vee (C\beta)]$ предсказывает заключительную синтагму, где предикаты $C\alpha$, $C\beta$ становятся высказываниями.

Введение понятия обобщенного значения сюжета позволяет рассматривать его как систему, подчиненную некоторому единому заданию. Обобщенным значением сюжета объясняется распространенность парадигматических отрезков с предикатом *власть*, строение синтагм, содержащих тему смерти, которые обязательно начинают обобщенные значения ситуаций, развивающих тему власти, связывая смерть героев с их отношением к власти. Введение этого понятия удобно при сопоставлении сюжетов, как например в нашем случае, когда сопоставляются сюжеты драмы и древнерусских произведений и выясняется, что обобщенным значением сюжета Сказания является отношение к смерти, а не отношение к власти, как в драме. Эти противопоставленные обобщенные значения служат исходным пунктом в выявлении причин различного устройства сюжетов на семантическом уровне.

То, что драма является не мартирологической трагедией, как можно было бы ожидать, зная о соответствии сюжета с сюжетами группы древнерусских произведений и о специфике иезуитского театра, а пьесой о власти, входящей в круг светских пьес того периода, возможно, ясно и без подобного анализа. Но установление обобщенного значения каждой ситуации сюжета и его буквенная запись позволяют показать, как тема смерти, являющаяся основной для древнерусского Сказания о Борисе и Глебе, в драме отодвигается на задний план, как она подчиняется теме отношения к власти, как тема власти, разработанная во всех голосах (связанная со Святополком, Борисом, второстепенными действующими лицами), предопределяет тему смерти Бориса; как тема смерти достигает своего кульминационного пункта, пройдя две ступени (две попытки Святополка убить Бориса). Анализ обобщенных значений ситуаций раскрывает, как создается параллелизм в системе действующих лиц путем аналогичного построения парадигм со сходными предикатами, каким образом противопоставляются отдельные темы, как создается напряжение путем повтора одного и того же члена парадигматического отрезка, путем противопоставления парадигматических отрезков в синтагме (когда они, например, различаются только субъектом), последовательностью таких синтагм в эпизодах, которые повторяют одну и ту же тему, все ближе подводя ее к разрешению. Анализ семантической структуры сюжета позволяет установить общую схему развития тем драмы, разделить ее сюжет на части: в первой части драмы, в которой действуют Борис и Святополк, например, темы власти и смерти задаются и разрабатываются в первых двух эпизодах. Третий эпизод развивает эти темы, повторяя, утверждая их, не внося ничего нового, и только четвертый эпизод является разрешением темы: намерение Святополка убить Бориса. Несмотря на внешние отличия второй части драмы от первой (в ней действуют другие герои, Святополк избирает другие средства для достижения своей цели), все же она построена с ней аналогично. Сходно построены парадигматические отрезки, развивающие одни и те же темы, но связанные с различными субъектами (Борис, Глеб, Круент, Солдаты), одинаковы типы развития соответствующих синтагм. Наиболее интерес-

ным представляется соответствие, существующее между третьей и первыми двумя частями драмы, так как она является как бы их схемой, совмещая в одном эпизоде, состоящем из трех синтагм, основные особенности параллельно построенных эпизодов первых частей.

Анализ семантической структуры позволяет не только определить, но и точно проследить реализацию основных принципов построения сюжета на семантическом уровне. Так, например, действие принципа замедленности осуществляется при использовании типа парадигматического отрезка с чередованием одной и той же пары членов, принцип параллелизма требует аналогично построенных синтагм и т. д. Анализ семантической структуры позволяет проследить последовательное развитие тем литературного произведения, их взаимодействие, показать, каким образом они реализуются, а не только определить их или наметить общие принципы развития, т. е. он обеспечивает наибольшую полноту и объективность описания. При применении одной и той же процедуры на всех уровнях исследования он делает возможным также сопоставление семантических структур различных сюжетов.

ФРАГМЕНТ ПРАСЛАВЯНСКОЙ
АКЦЕНТНОЙ СИСТЕМЫ(Формы-enclinaмена в аористе *i*-глаголов)

До последнего времени для суждения о типах ударения аориста *i*-глаголов в праславянском можно было опираться лишь на сербско-хорватские (штокавские) факты. Однако уже системные отношения свидетельствовали о вторичности в штокавском ряда моментов, связанных с безударностью основы глагола во 2—3 л. ед. ч. аориста.

Три акцентных типа *i*-глаголов в штокавском, соответствующие трем праславянским акцентным парадигмам *a*, *b*, *c*, образуют в аористе систему, показанную в табл. 1¹.

Таблица 1

	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
Бесприставочные	stāvih stāvī stāvī stāvismo stāviste stāvīše	nòsih nòsī nòsī nòsismo nòsiste nòsiše	lòmih lòmī lòmī lòmismo lòmiste lòmīše
Приставочные	pòstavih pòstavī pòstavī pòstavismo pòstaviste pòstaviše	donòsih dònosī dònosī donòsismo donòsiste donòsiše	izlòmih izlòmī izlòmī izlòmismo izlòmiste izlòmīše

Сняв новоштокавское передвижение акцента, приходим к предшествующей системе, представленной в табл. 2.

¹ Приставочные глаголы распределяются по акцентным парадигмам соответствующих бесприставочных.

Таблица 2

	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
Бесприставочные	stāvih stāvī stāvī stāvismo stāviste stāvīše	nosih nōsi nōsi nosismo nosiste nosiše	lomih lōmī lōmī lomismo lomiste lomiše
Приставочные	postāvih pōstavi pōstavi postāvismo postāviste postāvīše	donosih dōnosi dōnosi donosismo donosiste donosiše	izlomih izlomī izlomī izlomismo izlomiste izlomiše

Если отвлечься от самого распределения акцентных типов в штокавском, которое во многом вторично, то в этой системе лишь одна деталь кажется новейшим явлением. Это ударение 2 и 3 л. ед. ч., которое во всех акцентных парадигмах бесприставочных глаголов накоренное, а в приставочных переносится на приставку. Формы, теряющие ударение при присоединении к ним приставки, предлога, частицы или союза, мы называем формами-enclitomena.

Как известно, анализ различных частей языковой системы показывает, что такие формы первоначально имелись лишь у слов акцентной парадигмы *c*. Естественно предположить, что это положение было свойственно и аористу, т. е. накоренное ударение с переносом его на приставку первично лишь у форм 2—3 л. ед. ч. аориста парадигмы *c*, а в акцентные парадигмы *a* и *b* это ударение проникло позднее.

Анализ материала южнославянских памятников подтверждает это предположение и позволяет установить ряд важных для истории славянской энклизы деталей.

О том, что подвижный тип с переносом ударения на приставку во 2 и 3 л. ед. ч. был первоначально свойствен лишь аористу от *i*-глаголов с подвижной акцентной парадигмой *c* в презенсе, свидетельствуют южнославянские памятники XIII—XVII вв. самой различной локализации.

I. Предположительно македонские тексты XV в. Так, в «О письм.»² мы встречаем:

Парадигма *a*:

1. очитѣти 57б, bis (ср. чистѣи 3а); 2. оупраки 72а, bis (ср. испракига 44б, испракигесе 9а, испракетесе 3а, 3б, 43а); 3. постаки 67б, 47а; 4. прѣтѣки 58б; 5. състаки 4б, bis, 7а; 6. къстаки 58а (ср. състаки 7а).

Парадигма *b* (отличается от парадигмы *a* в акцентной системе текстов этой группы только генетически):

² Список источников и их сокращений см. в конце статьи.

1. прѣтѣбори 17б, 31б; сътѣбори 7б, 22б, 56а, bis, 56б, 60а, 67б, 68а (ср. прѣтѣбориши 12б, 14а, не прѣтѣбориши 14а, тѣбориши 19а и др.); 2. въпрѣси 5б, 59б, 67а (ср. прѣсигъ 9а, прѣсиши 56б); 3. прѣлѣжи 58а; прѣлѣжи 58б, 55б, 57б, bis, 58а, 68а (ср. прилѣжитъ 13а, полѣжиши 14а, прилѣжетъ 9а); 4. вънѣси 41а (ср. нѣсигъ 21а, вънѣсиши 13б, принѣсигъ 4а. да понѣсигъ 11б, не вънѣсигъ 12а, принѣсетъ 23б); 5. възвѣрѣни 50б; къзвѣрѣни 55а (ср. къзвѣрѣню 53а, къзвѣрѣнитъ 53б, къзвѣрѣните 53б, къзвѣрѣнетъ 8б); 6. расѣди 55б (ср. ѡсѣдиши 52а, да расѣоудитъ 22б, сѣдитъ 42б); 7. оупрѣзѣни 60а (ср. инф. оупрѣзѣнитъ 48б, страд. прич. прош. вр. оупрѣзѣнено 66а, действ. прич. прош. вр. оупрѣзѣнивъ 66а); 8. разѣри 7б (1 л. мн. ч. аор. разѣрихомъ 64а); 9. ѡпѣли 58б (Муз. № 3070: къзѣли 3б, ѡлоучи 2б, сѣкрѣши 2б).

Парадигма с:

1. прѣѡжи 2б (ср. прѣѡжѣю 17б, ѡжиши 16б, ѡжитъ 17а, ѡзѡжѣмъ 28а)
 2. ѡвѣжи 4б; ѡ ѡвѣжи 70а (ср. ѡвѣжиши 4б); 3. погѣви 56а, 67б (ср. погѣвимъ 20б, но от этого глагола встречаются и формы парадигмы *b*: гоубѣи 8б); 4. ѡзѡчи 37б (ср. оучѣтъ 8а, не оучѣмъ 15а, наоучитъ 44б); 5. ѡзмѣни 54б (ср. не къзмѣнитъ 15а, къзмѣнитъ 9б); 6. не сѣгрѣши 56а, 56б (ср. погрѣшитъ 9б, погрѣшитъ 40а); 7. ѡкорѣни 7а (ср. къкорѣнитъ 39а, къкорѣнитъ 44а); 8. сѣводи 20а (ср. сѣводитъ 39а); 9. прѣѡбрази 31а (ср. къѡбразѣтъ 54а, не къѡбразѣши 54а, ѡразитъ 45б); 10. разѣрѣши 55а (ср. разѣрѣшиши 54б); 11. разѣтѣли 57а (ср. дѣлетъ 68а); 12. поѡпи 63б (ср. да... поѡпитъ 56б); 13. къзѣкѣси 65а (ср. къзѣкѣситъ 71а); 14. поѡчи 59а (ср. оѡлоучи 26б, прилѣчитъ 18б, оѡлоучѣтъ 8а); 15. ѡцѣди 62а (ср. 3 л. мн. ч. аор. ѡцѣдише 51б); 16. сѣмири 19а; сѣмири 19а; 17. къзрасѣги 64б; ѡзрасѣги 57а (приписка); 18. прѣсѣжѣси 64б; 19. ѡдари 5б; 20. ѡсѣжѣси 5б; 21. прѣлѣжѣси 5б; 22. ѡзѣгѣси 49а; 23. поѡвѣди 53б; 24. наѡпи 47а; 25. ѡпѣжѣси 61а. Лишь один пример показывает явное расхождение с формами настоящего времени и другими формами: ѡвѣчи 56а, но ѡвѣчѣтъ 5а, инф. ѡвѣचितъ 48б, аор. 1 л. ед. ч. ѡвѣчѣи 70а. В данном случае может быть или индивидуальная ошибка или лишь самая начальная стадия процесса смешения парадигм³. Смешением противоположного типа, вероятно, является къчѣни 49а (ср. ниже: къчинѣе 41б). (Муз. № 3070: прѣѡжи 3б).

II. Северо-восточнoболгарские тексты XIII—начала XV в.

Парадигма а:

1. наѣгѣти Нор. пс., 8б; 2. настѣки Нор. пс., 41а; не ѡстѣки ib., 171б; ѡстѣки Толк. пс., 12а; ѡстѣки ib., 29б; ѡстѣки ib., 25б; къзѣстѣки ib., 55а; поѡстѣки ib., 45а, 46а; къстѣки Григ. № 1703, 6б; сѣстѣки Лих., 3а; 3. оутѣши Нор. пс., 200б; 4. ѡзѣки Нор. пс., 249а; 5. ѡспѣзни Зогр. сб. № 103, 375; ѡспѣзни Лих., 6б; ѡспѣзни Толк. пс., 133а; 6. ѡ късѣхѣти Мин. № 678, 516б; 7. оумѣжи Григ. № 1703, 5б; 8. поѡжѣди Лих., 3б;

³ Если список «О письм.», вопреки датировке И. В. Ягича (см. ниже, стр. 75), не относится к XV в., а представляет более позднюю копию, данный случай следует, вероятно, считать ошибкой писца, в общем скопировавшего текст со списка XV в. очень точно. Это подтверждается тождеством его акцентной системы с акцентной системой некоторых текстов начала XV в., восходящих к Охридцу.

9. привѣжи во ѿ Лих., 126; 10. ѿмѣли Зогр. сб. № 103, 374; 11. про-
сѣди Толк. пс., 95а; 12. ѡноури Толк. пс., 64а; 13. сзкзкоупи Толк.
пс., 44а.

Парадигма *b*:

1. сзтвѣри Нор. пс., 28а, Толк. пс., 106, 12а, 16а, 18а, 33а, 35а, 37а,
Зогр. сб. № 103, 335, 381, Мин. № 678, 5166, 517а, Лих., 66; сзтвѣри
Мин. № 678, 5186; не сзтвѣри Нор. пс., 242а; ѡ сзтвѣри Зогр. сб., № 103,
374; 2. затвѣри Нор. пс., 1316; раетвѣри Толк. пс., 49а; 3. кзѣли Нор. пс.,
41а; 4. сзкврѣши Нор. пс., 121а; 5. ѡзѣли Нор. пс., 2116; ѡзѣли Толк. пс.,
83а; ѡзѣли Толк. пс., 836; блговѣли Зогр. сб. № 103, 373; блговѣли
ѡ., 375, 384; 6. и поасѣжи Нор. пс., 2286; ѡ поасѣжи Григ. № 1703, 4а; помѣжи
Зогр. сб. № 103, 377, 381; поасѣжи Толк. пс., 15а, bis, 166, 196, 266, 436; по-
лѣжѣ ѡ., 32а; кззлѣжи Мин. № 678, 510а, 5186; кзлѣжѣ ѡ., 510а; прилѣжи
Толк. пс., 196, 44а, 476; прѣдлѣжи ѡ., 29а; ѡлѣжѣ ѡ., 36а; 7. сзкроуши
Нор. пс., 2486; ѡ сзкроуши Григ. № 1703, 66, Лих., 6а; 8. кззврати Зогр. сб.
№ 103, 381; ѡкрати Толк. пс., 95а; 9. ѡтвѣри Зогр. сб. № 103, 381; 10. раз-
дрѣши Зогр. сб. № 103, 381; 11. ѡпѣли Мин. № 678, 523а; 12. оумѣли Мин.
№ 678, 5176; ѡмѣли Толк. пс., 94а; ѡ не|оумѣли Мин. № 678, 5186;
13. кзкоуси Мин. № 678, 520а; 14. кззлѣби Мин. № 678, 510а, Григ.
№ 1703, 1а; 15. кзпрѣси Мин. № 678, 515а; ѡ ѡпрѣси Григ. № 1703, 3а;
16. ѡтвѣпи Мин. № 678, 5176; прѣтвѣпи Толк. пс., 1326; 17. прѣлѣми
Григ. № 1703, 66; 18. ѡдѣжи Зогр. сб. № 103, 375; 19. кзѡржжи
Толк. пс., 30а; 20. раетѡчи Зогр. сб. № 103, 371, Толк. пс., 646;
21. кззвѣрни Толк. пс., 110а; 22. ѡзвѣѡчи Толк. пс., 152а; 23. раздрѣжи
Толк. пс., 416; 24. ѡвѣчи Толк. пс., 93а; 25. оушѣдри Толк. пс., 936;
26. ѡвѣри Толк. пс., 116, разѡри ѡ., 1026.

Парадигма *c*:

1. пѡрази Нор. пс., 1116; 2. нѡсѣди Нор. пс., 1356; не нѡсѣди
Воскр. ев., 31а; 3. не оуннѣж Нор. пс., 112а; 4. кззвѣсти Нор. пс., 1886;
5. оукрѣпи Нор. пс., 2416; 6. прѣѡжи Толк. пс., 196; прѣѡжи ѡ., 80а;
неѡжи Нор. пс., 242а; 7. ѡ|скрзѣи(?) Нор. пс., 260а; 8. ѡ рѡди Зогр. сб.
№ 103, 373; 9. ѡпѣсти Зогр. сб. № 103, 376; пѡпѣсти Григ. № 1703, 5а;
не пѡпѣсти Зогр. сб. № 103, 376; 10. ѡзѣви Зогр. сб. № 103, 381;
11. ѡвѡки Зогр. сб. № 103, 382; 12. кзржун Зогр. сб. № 103, 382;
13. ѡкрази Зогр. сб. № 103, 336; 14. пѡкѡри Зогр. сб. № 103, 382; ѡ по-
кори ѡ., 432; 15. пѡвѣди Мин. № 678, 5146; 16. пѡкрѡпи Мин. № 678, 521а;
17. кззѡпи Мин. № 678, 5096; 18. ѡтвѣди Служ. Евф., 130а; 19. кзлѣни
Служ. Евф., 57а; 20. ѡчрѣди Зогр. сб. № 103, 378; 21. ѡвѡжи Толк. пс.;
1256; 22. нѡдчи Толк. пс., 1076; 23. не погѡуви Толк. пс., 150а; 24. пѡ-
лѡучи Толк. пс., 94а, bis; 25. кздржзи Толк. пс., 87а; 26. оудики
Толк. пс., 74а.

Следует специально отметить, что в этой группе текстов сохра-
няется еще перенос ударения на отрицание не и союз и: не оуннѣж
Нор. пс., 112а; неѡжи Нор. пс., 242а; не нѡсѣди Воскр. ев., 31а; не по-
пѣсти Зогр. сб. № 103, 376; не погѡуви Толк. пс., 150а; ѡ рѡди Зогр. сб.
№ 103, 373; ѡ покори Зогр. сб. № 103, 432.

III. В западноболгарском тексте конца XIV в. («Поуч. Ис. Сир.»):

Парадигма *a*:

1. рѣшѣши 10б; 2. ѿспрѣки 13а; 3. кзѣхѣти 16б; 4. ѿстѣки 84а, 219б; ѿстѣки вѣ 42б; ѿ постѣ|ки 225б; кзѣстѣки 83б; 5. ѿ дѣсти 222а.

Парадигма *b*:

1. кзѣтѣри 211б, 221а; кзѣтѣри 12б; ѿ кзѣтѣ|ри 219б и др.; 2. полѣжи 10а, 30а, 38б, bis, 42а, 79а, 84а, 211б; прѣлѣжи 7б; кзѣлѣжи 1б, 216а; налѣжи 42б; кзѣлѣ|жи 7б; 3. кзѣкѣпи 13б; 4. кзѣлѣви 212б; 5. повѣди 214а; не повѣди 212б; 6. ѿ прѣси 219б; 7. ѿ кзѣкрѣти 221а; 8. кзѣкрѣши 222а, bis; 9. оумрѣтки 222б; 10. ѿ ѿцѣ|уги 222б; 11. затѣри 224а; 12. ѿ ѿлѣжи 224б; 13. прѣлѣсти 225б.

Парадигма *c*:

1. наѣчи 201а, наѣчи 13б, но и наоѣчи 221а; 2. кѣдрѣжи 8б; 3. погрѣши 42б; 4. ѿблѣжи 77б; 5. полѣчи 83а; 6. нѣспѣсти 154а; 7. ѿ поѣри 197а; 8. ѿ кѣзѣпи 198б.

IV. Как показывает материал одного старопечатного хорватского текста («Petr.»), эта система сохранялась в некоторых кайкавских диалектах еще в середине XVII в.

Парадигма *a*:

ozdrávi_ga (3 л. аор.; Petr., 114).

Парадигма *b*:

1. *ODlúcsi* (3 л. аор.; Petr., 149); 2. *I pohváli* (3 л. аор.; Petr., 102); 3. *[ze raz][zérđi* (3 л. аор.; Petr., 18); 4. *priztúpi* (3 л. аор.; Petr., 26, 125, bis, 126), *Priztúpi* (3 л. аор.; Petr., 133, 163), *I priztúpi* (3 л. аор.; Petr., 165), *I|priztúpi* (3 л. аор.; Petr., 113).

Парадигма *c*:

1. *ne ódgori* (3 л. аор.; Petr., 40), *prégovori* (3 л. аор.; Petr., 41); 2. *pógubi* (3 л. аор.; Petr., 119); 3. *i|pólofi_ga* (3 л. аор.; Petr., 9); 4. *pórodi* (3 л. аор.; Petr., 9, 188), *i pórodi* (3 л. аор.; Petr., 155); 5. *zátayi* (3 л. аор.; Petr., 54), *zátayi* (3 л. аор.; Petr., 54), *ĩi ne zátai* (3 л. аор.; Petr., 6); 6. *názvevzi* (3 л. аор.; Petr., 91).

Факт оттяжки ударения на приставку в 3 л. аориста у *i*-глаголов акцентной парадигмы *c* в этом памятнике был отмечен еще М. Валявцем⁴, который, однако, оставил вне анализа формы акцентных парадигм *a* и *b* и не определил генетическое отношение этой системы к системе, представленной в штокавском.

Во всех изученных текстах акцентные отношения во 2 и 3 л. ед. ч. аориста могут быть представлены следующим образом:

<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>
стѣян, постѣян	сѣди, рассѣди	їян, прѣян
(<*stǎvi, postǎvi)	(<*sǒdi, razsǒdi)	(<*jǎvi, *prǒjǎvi)

В предлагаемой реконструкции проблематичным остается ударение в формах 2 и 3 л. ед. ч. аориста от глаголов парадигмы *b*. Так как распределение накоренного нового акута и ударения следующего слога зависит

⁴ «Glagoli s nastavkom *t*, koje je u prezensu naglašeno, imahu rado na prijedlogu naglas u singularu» (См.: М. В а л љ а в е с. Prinos k naglasu u slovenskom jeziku. — «Rad Jugosl. akademije u Zagreb», knj. 118, s. 220).

от характера гласного следующего слога, выбор одного из трех возможных вариантов реконструкции связан с определением характера тематического гласного *-i-*. Восходящее краткое ударение на теме (◌́) исключается первоначально долготным характером *-i-*. Если мы будем считать это *-i-* в период, предшествующий формированию парадигмы *b*, тождественным *-i-* в парадигме *c*, т. е. не подверженным сокращению (циркумфлексовым — традиционной реконструкции), то мы должны принять предложенную выше реконструкцию. Если же специфический характер *-i-* в парадигме *c* мы объясним процессом нейтрализации интонаций в энклитических формах подвижной парадигмы, исключив при этом возможность влияния форм парадигмы *c* на аналогичные формы парадигмы *b*, то вряд ли возможно отрывать *-i-* в формах 2 и 3 лиц ед. ч. от *-i-* остальных форм аориста. В этом случае интонационно *-i-* в формах 2 и 3 л. ед. ч. аориста не будет отличаться от *-i-* в инфинитиве, т. е. будет иметь акутовый (сокращающийся) характер. Такое решение можно представить в виде следующей системы отношений:

^{<i>a</i>} stāvi, postāvi	^{<i>b</i>} sqđĩ, razsqđĩ	^{<i>c</i>} jāvi, pōjavi
---------------------------------------	--------------------------------------	-------------------------------------

Что касается расхождения этой системы и засвидетельствованных систем южнославянских памятников, то его можно трактовать, исходя из поздних процессов. Восточноболгарские и «македонские» отклонения следует объяснять, исходя из совпадения парадигм *a* и *b* (точный фонетический смысл этого явления остается неясным). В западноболгарских и кайкавских текстах можно предполагать оттяжку ударения с конечного открытого слога.

Более важным для нашего анализа является энклитический характер форм 2 и 3 л. ед. ч. аориста от *i*-глаголов, презенс которых имел подвижную акцентную парадигму (*c*).

Энклитический характер некоторых форм является одним из основных признаков подвижной акцентной парадигмы. Оттяжка на приставки в глаголе принципиально не отличается от подобного явления в именах, где ударение переходит на предлог. Впрочем, обе части речи объединяются одинаковым поведением сочетаний с союзами и частицами, ср.: серб. od mlijeka ĭ gnoja; ĭ boga ĭ dūšu; prijateljstvo ĭ m̄r; dan ĭ noć; đca ĭ s̄na; nè mogū biti s̄iti ĭ v̄ci ĭ òvce; od s̄ela do s̄ela ĭ od grāda dō grāda; ĭ u tr̄i p̄uta; ĭ u glāvu ĭ u nogu и т. д. Так же и в глаголах: r̄s̄jede se z̄emlja ĭ prozdrije (3 л. аор.), Datana ĭ zatrp̄a (3 л. аор.) č̄etu; dan òsvanū ĭ ogranū (3 л. аор.) s̄ince ⁵.

Но энклитичность форм 2 и 3 л. ед. ч. аориста от *i*-глаголов доказывается не только поведением их в сочетании с предшествующими приставками, союзами и частицами. Имеется достаточно обширный материал, показывающий вхождение этих форм в систему, описываемую так называемым законом Васильева — Долобко. Эта система сохраняется в ряде текстов XIII—XV веков, локализуемых как северо-восточноболгарские и, возможно, македонские. Западноболгарские тексты показывают систему, которая может восходить к подобному же типу акцентных отношений.

Перенос ударения на энклитику в формах 2 и 3 л. ед. ч. аориста подвижной парадигмы, вероятно, осуществлялся первоначально на любой тип энклитик. Однако в большинстве памятников он отмечен только в возвратных формах при следующей за словом частице *ca*, и только в некоторых памятниках такой перенос ударения наблюдается и на частицу

⁵ A. L e s k i e n. Grammatik der serbo-kroatischen Sprache. Heidelberg, 1914, S. 197.

же (пшкори жѣ Зогр. сб. № 103, 432, но по́кори іѣ., 382; ѣ покори іѣ., 432), хотя в этом случае уже значительно больше смещений. В возвратных же формах перенос ударения на *сѧ* является совершенно непреложным в XIII—XIV вв. и лишь к концу XV — началу XVI в. значительно увеличивается количество смещений, связанных, вероятно, с возрастающей неустойчивостью отнесенности данного глагола к той или иной акцентной парадигме в северо-восточноболгарских диалектах.

I. Предположительно македонские тексты XV в. («О письм.»)

Парадигма *a*:

1. оуѣтаѣиѣ 8а, 18б, 31а, 31б (ср. оуѣтаѣиѣ 46а); 2. прослаѣиѣ 63б (ср. слаѣиѣ 57б); 3. поѣѣиѣ 58а; 4. оуѣѣѣиѣ 36а (ср. оуѣѣѣиѣ 3а); (ср. оуѣѣѣиѣ Муз. № 3070, 3б).

Парадигма *b*:

1. ѣѣѣѣиѣ 4б (при ѣѣѣѣиѣ 4б); 2. ѣѣѣѣиѣ 24б (при ѣѣѣѣиѣ 14б; ѣѣѣѣиѣ 10б; ѣѣѣѣиѣ 44б); 3. ѣѣѣѣиѣ 71б (при през. ѣѣѣѣиѣ 14б, аор. ѣѣѣѣиѣ 7б, ѣѣѣѣиѣ 64а); 4. ѣѣѣѣиѣ 42б (ср. ѣѣѣѣиѣ 68а, второе ударение ритмическое); 5. поѣѣиѣ 6а; 6. оуѣѣѣиѣ 5б (ср. оуѣѣѣиѣ); 7. ѣѣѣѣиѣ 59б; 8. приѣѣѣиѣ 42б.

Парадигма *c*:

1. прѣѣѣиѣ 48а; оуѣѣѣиѣ 48б, 65а (при да оуѣѣѣиѣ 9а, поѣѣѣиѣ 43б, *bis*); 2. оуѣѣѣиѣ 47б (при поѣѣѣиѣ 3а, не оуѣѣѣиѣ 9а, поѣѣѣиѣ 47б); 3. расѣѣиѣ 36а (при расѣѣиѣ 18б, расѣѣиѣ 19а); 4. расѣѣиѣ 18а, *bis* (при расѣѣиѣ 40а, *bis*); 5. оуѣѣѣиѣ 11б (при оуѣѣѣиѣ 39б); 6. ѣѣѣиѣ 70б (при оуѣѣѣиѣ 9а); 7. ѣѣѣиѣ 6б, 17б, 25а, 48а, 57а, *bis*, 57б, 59б, 60а (при ѣѣѣиѣ 16б, ѣѣѣиѣ 7а, 14б, ѣѣѣиѣ 1б, ѣѣѣиѣ 13б, ѣѣѣиѣ 17а, ѣѣѣиѣ 12б); 8. родѣиѣ 30а, 58б, *bis*, 59а, трижды, 59б, 65б (ср. ипф. родѣиѣ 58б); 9. приѣѣиѣ 41а (ср. формы аориста без частицы *сѧ*: сѣѣиѣ 19а, сѣѣиѣ 19а); 10. крѣѣиѣ 30б (ср. крѣѣиѣ 54а); 11. ѣѣѣиѣ 41б (ср. ѣѣѣиѣ 52б); 12. оуѣѣѣиѣ 54б; 13. оуѣѣѣиѣ 70б (Муз. № 3070: оуѣѣѣиѣ 3а, приѣѣиѣ 3а).

II. Северо-восточноболгарские тексты XIII—начала XV в.

Парадигма *a*:

1. поѣѣиѣ Лих., 13б, *bis*, 14а; 2. ѣѣѣиѣ (сѧ) Служ. Евф., 87а; 3. оуѣѣиѣ Толк. пс., 34а.

Парадигма *b*:

1. оуѣѣѣиѣ Мин. № 678, 517б; оуѣѣѣиѣ Григ. № 1703, 8а; оуѣѣѣиѣ Толк. пс., 17а; 2. ѣѣѣиѣ Мин. № 678, 514а; ѣѣѣиѣ Толк. пс., 150а; 3. ѣѣѣиѣ Григ. № 1703, 8а, ѣѣѣиѣ Толк. пс., 68б, прѣѣѣиѣ Зогр. сб. № 103, 335; 4. приѣѣиѣ Григ. № 1703, 4б, Толк. пс., 29б, 37а, 143а; 5. поѣѣѣиѣ Зогр. сб. № 103, 335; 6. расѣѣиѣ Зогр. сб. № 103, 371; 7. ѣѣѣиѣ Зогр. сб. № 103, 371; 8. ѣѣѣиѣ Лих., 14а; 9. ѣѣѣиѣ Толк. пс., 143а.

Парадигма *c*:

1. и не оуѣѣѣиѣ Нор. пс., 128а; 2. ѣѣѣиѣ Мин. № 678, 511а; ѣѣѣиѣ Лих., 6б; 3. оуѣѣѣиѣ Мин. № 678, 520а; 4. ѣѣѣиѣ Григ. № 1703, 5а, Толк. пс. 17б; 5. оуѣѣѣиѣ Григ. № 1703, 9а; 6. ѣѣѣиѣ Григ.

№ 1703, 11б; 7. *кзплати|сѧ* Григ. № 1703, 5а; 8. *кзржчисѧ* Лих., 3а; 9. *оу҃гасисѧ* Лих., 5б; 10. *прѣмѣнисѧ* Зогр. сб. № 103, 335; 11. *ѡстрѣмисѧ* Зогр. сб. № 103, 382; 12. *прѣклучнисѧ* Зогр. сб. № 103, 379; 13. *ѡкртисѧ* Служ. Евф., 139а; 14. *квѣисѧ* Служ. Евф., 87а; 15. *кзвѣт|сисѧ* Толк. пс., 27а; 16. *насладисѧ* Толк. пс., 52б; 17. *оу҃мнисѧ* Толк. пс., 34а; 18. *прилѣ|писѧ* Толк. пс., 20а.

III. Северо-восточноболгарские тексты второй четверти XV—начала XVI в.

Парадигма *a*:

1. *прѣстѧ|висѧ* Сб. № 20, 40а; *сѣстѧвисѧ* Сб. № 19, 118б; *сѧ|стѧвисѧ* *ib.*, 174а; *ѡстѧкисѧ* *ib.*, 179б; 2. *кзлѣстисѧ* Сб. № 20, 68а; 3. *привлѣжисѧ* Сб. № 20, 78б, 181а, Сб. № 19, 41б, 238б, 243б; *привлѣ|жисѧ* Сб. № 19, 39б; *ѡ* *привлѣжисѧ* *ib.*, 263а; 4. *раслѣвисѧ* Сб. № 19, 53б, Вас. Вел. 241б; 5. *наслѣтисѧ* Сб. № 19, 58б; 6. *наплѣнисѧ* Сб. № 19, 160б; *ѡ* *наплѣнисѧ* *ib.*, 249а; 7. *оу҃мѣнисѧ* Сб. № 19, 220б, *bis*, 297а; 8. *ѡзвѣкисѧ* Сб. № 19, 232а; 9. *ѡсклѣвисѧ* Сб. № 19, 260а.

Парадигма *b*:

1. *ѡврѧ|тисѧ* Сб. № 20, 25а, 245а; *ѡврѧтисѧ* *ib.*, 155а; Сб. № 19, 18а, 246а, 299б; *ѡ* *кзвкрѧтисѧ* Сб. № 20, 155а, Сб. № 19, 156б; *кзвкрѧ|тисѧ* Сб. № 20, 190б; *разкрѧтисѧ* Сб. № 19, 140б, *bis*; *кзвкрѧтисѧ* Сб. № 19, 262б, 266а, 269б; *ѡврѧтисѧ* *ib.*, 287б; *не ѡврѧтисѧ* *ib.*, 291а; 2. *прилѣ|чисѧ* Сб. № 20, 29а, *bis*, 172б, 70б, Сб. № 19, 56б, 155а, 273б, 283а; *прилѣ|чисѧ* Сб. № 20, 28б, 74б, Сб. № 19, 331а; *сѧлѣчисѧ* Сб. № 20, 172б, Сб. № 19, 155а, 244а; *сѧлѣчисѧ* Сб. № 20, 82а; *прилоу҃чисѧ* Вас. Вел., 36б; 3. *прѣлѣжисѧ* Сб. № 20, 39б, Сб. № 19, 166а, 315б; *прѣлѣ|ужисѧ* Сб. № 19, 72б; *прилѣжисѧ* *ib.*, 165б, 25а; *прѣлѣжисѧ* *ib.*, 96б; *сѧлѣжисѧ* *ib.*, 16б, 264б; 4. *кзплѣтисѧ* Сб. № 20, 43б, *bis*, *коплѣтисѧ* Сб. № 19, 96а; 5. *сѧзврѧшисѧ* Сб. № 20, 78б; 6. *сѧзвѣкѣчисѧ* Сб. № 20, 126а; 7. *ѡпрострѧнисѧ* Сб. № 20, 143а; 8. *ѡвѣсрѧмисѧ* (?) Сб. № 20, 158а; 9. *ѡтѡ|ждисѧ* Сб. № 20, 176б; 10. *кзвѣстисѧ* Сб. № 20, 184а; 11. *погрѣжисѧ* Сб. № 20, 191а; Сб. № 19, 184а; 12. *кѡзвѣ|дисѧ* Сб. № 20, 193а; 13. *разлѣчисѧ* Сб. № 20, 197б; *ѡлѣчисѧ* Сб. № 19, 58б, 269б; 14. *кзлѣжтисѧ* Сб. № 19, 34б; *сѧлѣчисѧ* *ib.*, 164а, Ев. Григ., 5а; 15. *погѧсисѧ* Сб. № 19, 58б; 16. *оу҃сѣтрѧнисѧ* Сб. № 19, 65б, 91а, 161а, 161б; *оу҃сѣтрѧнисѧ* *ib.*, 68а; 17. *оу҃крѧсисѧ* Сб. № 19, 68а; 18. *разѡрсисѧ* Сб. № 19, 80б, 120а; 19. *ѡвнѧжисѧ* Сб. № 19, 80б; 20. *ѡ* *кздрѣжисѧ* Сб. № 19, 100а; 21. *прѣоу҃мнѡжисѧ* Сб. № 19, 110а; 22. *ѡвлѣчисѧ* Сб. № 19, 125а; 23. *прѣѡ|врѧнисѧ* Сб. № 19, 137а—137б; *ѡ* *прѣѡврѧ|нисѧ* *ib.*, 137а; *ѡ* *прѣѡврѧнисѧ* *ib.*, 137б; *ѡ* *прѣѡврѧ|нисѧ* *ib.*, 198б—199а; *ѡ* *прѣѡврѧнисѧ* *ib.*, 197б; *ѡ* *не прѣѡврѧнисѧ* *ib.*, 197б; *кзѡврѧнисѧ* *ib.*, 214б; 24. *развѧнисѧ* *ib.*, 141б; 25. *насѧдисѧ* Сб. № 19, 161а; 26. *мѡлѣисѧ* Сб. № 19, 321б, Ев. Григ., 143б; *помѡлѣисѧ* Сб. № 19, 299б; 27. *причѣстисѧ* Сб. № 19, 26а, 268а; 28. *ѡглѣдисѧ* Сб. № 19, 26а; 29. *пѡсѣтисѧ* Сб. № 19, 26а, *bis*, 26б, 312б; 30. *ѡзвѡмисѧ* Сб. № 19, 245а, 308б; *ѡзвѡмисѧ* *ib.*, 308а; 31. *трѣдисѧ* Сб. № 19, 268а;

32. покѣиѣ Сб. № 19, 274б; покѣиѣ ib., 278б; 33. оудѣиѣ Сб. № 19, 328а; оудѣиѣ Вас. Вел., 25а, 45а; 34. кзѣиѣ Сб. № 19, 328б; 35. кзѣиѣ Вас. Вел., 241б; 36. ѡмрѣиѣ Вас. Вел., 241б; 37. сзмѣиѣ Вас. Вел., 274а.

Парадигма с:

1. рѡдиѣ Сб. № 20, 10б, 14а, 14б, 19б, 20б; Сб. № 19, 134б, 135а, 291б, bis, 301а, 330а, Ев. Григ., 2а, bis, 4а, 268б, 215б, 247б, 248б; рѡдиѣ Ев. Григ., 249а; 2. ѣкиѣ Сб. № 20, 14б, 17а, Сб. № 19, 4б, 40а, Ев. Григ., 4б, 21а, 283а, 158а, Вас. Вел. 25б, 239б, 26а; ѣкиѣ Ев. Григ., 126б, bis; ѣкиѣ Сб. № 19, 115а, Ев. Григ., 281^{bis}б, 126б; ѣкиѣ Сб. № 19, 174а; ѣкиѣ Ев. Григ. (киноварь) 283а; ѣкиѣ Ев. Григ., 213а; ѣкиѣ Сб. № 19, 125а; ѣкиѣ Сб. № 19, 125а, 199а; ѣкиѣ Ев. Григ., 101б; не (?) ѣкиѣ Сб. № 19, 163б; ѣкиѣ ib., 76б; 3. сподѡдиѣ ib., 211б; сподѡдиѣ Сб. № 20, 60б, Сб. № 19, 26а, 86б, 186а, 186б, 326а; ѣкиѣ Сб. № 20, 39б; 4. поклониѣ Сб. № 19, 297б, 298а, Ев. Григ., 37б; поклониѣ Сб. № 19, 297б; ѣкиѣ ib., 197а, 262б, 298а; ѣкиѣ ib., 299б; ѣкиѣ Ев. Григ., 89а—89б, Сб. № 19, 302б; оуклониѣ Сб. № 19, 4а, 6б, 43б; оуклониѣ Ев. Григ., 230а; прѣклониѣ Сб. № 20, 83а; не прѣклониѣ Вас. Вел., 273а; 5. оустрѣзиѣ Сб. № 19, 260б, 330а; оустрѣзиѣ Сб. № 19, 58б; оустрѣзиѣ Ев. Григ. 18б; ѣкиѣ ib., 89б, 155б; 6. дѡдиѣ Ев. Григ., 167а, 125б; подѡдиѣ Сб. № 19, 194б; оудѡдиѣ ib., 82б, 156б, 309а; 7. кзмѣниѣ Сб. № 19, 48а, Ев. Григ., 204а; 8. не ѣзмѣниѣ Сб. № 19, 310а; прѣкмѣниѣ Вас. Вел., 75а; 9. лишиѣ Сб. № 20, 1б, 179а, Сб. № 19, 14а, Вас. Вел., 79б; 10. прѡслазиѣ Сб. № 19, 36б; ѣкиѣ Сб. № 20, 20б; 11. кззакониѣ Сб. № 20, 81б; 12. поудѣиѣ Сб. № 19, 35а; 13. раздрѣшиѣ Сб. № 19, 45б; 14. оукрѣпиѣ Сб. № 19, 108б; ѣкиѣ ib., 156б; 15. прѡкзѣниѣ (?) Сб. № 19, 111б; 16. приѣпиѣ Сб. № 19, 154б, Ев. Григ., 181а; 17. ѣкзрѣзиѣ Сб. № 19, 160б; 18. поудѣиѣ Сб. № 19, 166а; 19. оудѡдиѣ Ев. Григ., 70а; 20. дже ниѣ Ев. Григ., 93а; 21. приѡзиѣ Сб. № 19, 163б; 22. оутѡиѣ Сб. № 19, 199б; 23. приѡзиѣ Сб. № 19, 255а; 24. скѡводиѣ Сб. № 19, 280а; 25. не ѡкѡниѣ Сб. № 19, 312а; 26. оуткрѣзиѣ Вас. Вел., 205а.

В последней группе памятников перенос на приставку в большинстве случаев потерян. Так как одновременно в этих текстах наблюдается неустойчивость акцентных парадигм в презенсе *i*-глаголов, естественно, что в 2 и 3 л. ед. ч. аориста наблюдаются смешения, количество которых значительно увеличивается к концу XV — началу XVI в. Хлудовская псалтырь № 2⁶ относится к числу как раз этих поздних памятников с значительным количеством смешений. Естественно, что обращение к этим текстам не могло способствовать установлению связи переноса ударения в 2 и 3 л. ед. ч. аориста на частицу *ѣа* с подвижным («окситонированным») ударением презенса.

В текстах, материал которых мы здесь привели, распределение акцентных типов аориста еще довольно устойчиво. В тип *с* входят в большинстве

⁶ На перенос ударения на *сѣа* 2 и 3 л. ед. ч. аориста именно в этом памятнике обратил внимание А. И. Соболевский («Лекции по истории русского языка», М., 1907, стр. 270). Р. Нахтигал, по-видимому, основывался уже на наблюдениях А. И. Соболевского. См.: R. N a c h t i g a l, Slovanski jeziki. Ljubljana, 1952, s. 140.

случаев глаголы, для которых тип с презенса был первоначальным, в тип *b* — глаголы, имевшие в презенсе парадигму *b*, но сюда же включены и некоторые глаголы с первоначальным презенсом с акцентной парадигмой *c*, что отражает, по-видимому, распространение в диалектной основе данных текстов парадигмы *b* презенса за счет парадигмы *c*. Если в текстах предположительно македонского типа и в северо-восточноболгарских текстах XIII — начала XV в. соотношение между акцентными типами аориста и ударением настоящего времени было еще вполне живым, то в поздних текстах в связи с неустойчивостью ударения в презенсе это отношение разрушается, а оттяжка ударения на *ca* приобретает факультативный характер, независимый от типа глагола. На то, что этот процесс начался уже в первой половине XV в., показывают следующие отклонения от приведенного выше распределения.

Для парадигмы *c*:

1. наоучиса Сб. № 19, 35а; 2. почѣдиса Сб. № 19, 216б; 3. прослѣзиса Сб. № 19, 220а; прослѣзѣи ив., 36а; 4. родѣиса Сб. № 19, 225б; 5. оустрѣмиса Сб. № 19, 326а; оустрѣмиса ив., 326а.

Для парадигмы *b*:

1. прѣложиса Сб. № 19, 45б; 2. прича|стиса Сб. № 19, 312б.

Для парадигмы *a*:

оумиса Сб. № 19, 295а; и оумиса ив., 280б.

IV. Следы системы, восходящей к подобному распределению, вскрываются в некоторых западноболгарских текстах конца XIV в. Так в «Поуч. Ис. Сир.» находим:

Парадигма *a*:

1. смѣриса 5а; 2. привѣжиса 96б; 3. испѣниса 139б; испѣниса 222б; 4. поноудиса 223а.

Парадигма *b*:

1. кзѣмиса 13б; 2. и приближиса 110а; 3. поѣмиса 110а; 4. приѣвѣжиса 39а; 5. спѣвѣиса 102а; 6. свѣдиса 110б; 7. распѣмиса 224б.

Парадигма *c*:

1. ѡкиса 11б, 12б, 13а; 2. кзпѣтиса 81а; 3. ѡскѣиса 92б; 4. кзкѣмиса 101б; 5. прилѣчиса 138а, 138б.

Аналогичную систему показывает и ряд восточноболгарских памятников, возможно, восходящих к западной части восточноболгарской языковой области.

Парадигма *a*:

1. оумисѣжиса Пс. Кипр., 110б; 2. испѣниса Пс. Кипр., 53а.

Парадигма *b*:

1. ѡпрѣдѣмиса Дион. Ареоп., 29а; 2. приѣжиса Пс. Кипр., 43а; 3. кзѣмиса Пс. Кипр., 64б; кзѣмиса Пс. Кипр., 71б; 4. оустрѣдиса Дион. Ареоп., 31б.

Парадигма *c*:

1. и кзкѣсемиса Пс. Кипр., 88а; 2. и оукрасѣиса Дион. Ареоп., 19а; 3. родиса Пс. Кипр., 78б; 4. ѡвнокиса Пс. Кипр., 34а; 5. и ѡскрзниса Пс. Кипр., 98а; 6. оуткрздиса Пс. Кипр. 79а, 137а; ѡткрздѣиса Пс. Кипр., 106б; 7. ѡкиса Дион. Ареоп., 28б.

Очевидно, здесь перед нами преобразование системы, сложившейся согласно закону Васильева — Долобко, очень близкое по типу к аналогичному преобразованию подобной же системы в 1 л. ед. ч. презенса в тексте «О письменех...» Константина Костенечского. Так как в «Поуч. Ис. Сир.» наблюдаются многочисленные перемещения акцента с конечного открытого слога, в таком преобразовании нет ничего удивительного. Этот западноболгарский текст интересен также накоренным ударением форм, относящихся к парадигме *b*. Поскольку в западноболгарских диалектах вообще и в данном тексте в частности парадигма *b* отличалась от парадигмы *a* в ряде форм местом ударения (так же, как в восточнославянских и сербском языках), эту особенность ударения форм, относящихся к парадигме *b*, нельзя объяснить совпадением парадигм *a* и *b*. Именно эта особенность западноболгарского ударения конца XIV в. делает очень вероятным первый вариант предложенной нами реконструкции ударения форм 2 и 3 л. ед. ч. аориста, в котором форма парадигмы *b* реконструируется с новым акутом на корне и, по-видимому, с аналогической «циркумфлексовой» долготой темы *-i*: *сѣди*, *рассѣди* < **sôdi*, **razsôdi* < **sôdi*, **razsôdi*, где *-i* («циркумфлексированное») под влиянием 2 и 3 л. ед. ч. аориста подвижной парадигмы (*c*): **jāvī*, **pròjāvī*.

Но следует при этом учитывать, что такая реконструкция может оказаться локальным вариантом, характерным лишь для восточной части южнославянской языковой территории.

СОКРАЩЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Вас. Вел. — Слова постнические Василия Великого. Рукопись 1444 г. — Государственный Исторический музей (Москва), собрание А. И. Хлудова, № 8 по: А. П о п о в. Первое прибавление к описанию рукописей ...библиотеки А. И. Хлудова. М. 1875.

Воскр. ев. — «Евангелие тетр» (XIII в. ?). — Библиотека АН СССР (Ленинград), Отделение рукописей, шифр: 11.9.7.

Григ. № 1703 — Фрагмент II из папки с общим названием «Отрывки из трех южнославянских сборников слов и поучений, полуустав XV в.» в собрании В. И. Григоровича. — Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 87, № 1703. Отрывок написан на бумаге с водяными знаками «лук», датированным около 1370 г. и «меч» — 1372 г. (V. A. Mošin, S. M. Traljić. Vodeni znakovi XIII — XIV vijeka, t. I—II. Zagreb, 1957, № 401 и № 3370).

Григ. № 1707 — Южнославянский текст XV в. с сербской орфографией (Хрисовул Охридской церкви) из собрания В. И. Григоровича. — Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 87, № 1707.

Дион. Ареоп. — Сочинения Дионисия Ареопагита. — Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 173, № 144.

Ев. Григ. — Евангелие конца XV в. (Ошибочно относимое к XIV в.). — Одесская государственная библиотека им. М. Горького, собрание В. И. Григоровича, № 27.

Зогр. сб. № 103 — Зографский сборник житий и слов. — Библиотека Афонского Зографского монастыря, № 103, II, г. 6. Ряд отрывков издан в кн.: Й. И в а н о в. Български старини из Македонија. София, 1931. Цифры при примерах обозначают страницы этой книги.

Лиз. — «Пандекты Никона Черногорца» (первые 13 листов) из собрания Н. П. Лихачева. — Ленинградское отделение Института истории АН СССР, к. 238.

Мин. № 678 — Сборная минея-четья на июль, XVI в. — Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 304, № 678. В статье приводятся примеры из жития Евпраксии Олимпейской (л. 503а — 534б) — текста, относящегося к концу XIV в. и являющегося копией среднеболгарского текста тырновской акцентуационной и орфографической системы (см.: В. А. Дыбо, В. А. Кучк и н. Болгарский текст в русской минее XVI в. — «Byzantinobulgarica», II, Sofia, 1966).

Муз. № 3070 — Южнославянский отрывок (XV в.) сербской орфографии. — Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 178, № 3070.

Нор. пс. — Норовская псалтырь XIII века. — Государственный Исторический музей (Москва), собр. А. С. Уварова, № 285.

О письм. — Книга Константина Философа «О письменех». — И. Я г и ч. Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковно-славянском языке. — «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895. Цифры обозначают листы рукописи. По утверждению И. В. Ягича, рукопись относится к началу XV в. Если же она более поздняя, то, во всяком случае, представляет собой очень точную копию с текста XV века.

Petr. — Petar Petretić, Szveti evangeliomi, Koteremi Jzveti Czirkva Zagrebecska Slovenszka... 1651. Старопечатная хорватская книга; цифры обозначают страницы книги.

Поуч. Ис. Сир. — Поучения Исаака Сирина, западноболгарская рукопись 1381 г. (1-й почерк). — Всесоюзная государственная библиотека В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 304, № 172.

Ис. Кипр. — Псалтырь Киприана, среднеболгарский текст конца XIV — начала XV в. — Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 173, № 142.

Сб. № 19 — Сборник житий и слов 1448 г. писца Гавриила. — Библиотека АН СССР, Отдел рукописей, шифр: 13.3.19.

Сб. № 20 — Сборник поучений второй четверти XV в. — Библиотека АН СССР, Отдел рукописей, шифр: 13.3.20.

Служ. Евф. — Служебник патриарха Евфимия Тырновского. — Библиотека Афонского Зографского монастыря, № 1. Рукопись помечена 1370 годом (отметка сделана более поздним почерком). Издан в кн.: П. С ы р к у. К истории исправления книг в Болгарии, т. I, вып. II. СПб., 1890. Цифры обозначают листы рукописи.

Толк. пс. — Толкование псалмов, восточноболгарская рукопись второй половины XIV в. — Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. № 173, № 18.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

В. Д. КОРОЛЮК

ПОЭЗИЯ ФРАНТИШЕКА ГРУБИНА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ А. В. САПОЖНИКОВА

Александр Васильевич Сапожникову как-то не подходит определение «зрелый, вполне сложившийся художник», хотя как мастер книжной графики, а он прежде всего мастер книжной иллюстрации и книжного оформления, Александр Васильевич прошел уже довольно большой и интересный творческий путь. За его плечами около 10 лет постоянного сотрудничества в крупнейших столичных издательствах («Советский писатель», «Гослитиздат», «Прогресс» и др.) и много превосходно оформленных книжных изданий, в том числе такие великолепные книги, как сборники лирики Ронсара, Церетели и Блока, вышедшие в серии Гослитиздата «Сокровища лирической поэзии».

И все же несмотря на творческие успехи Сапожникова, несмотря на то, что за его сегодняшним мастерством стоят годы упорного труда и поисков, сотни рисунков и гравюр на дереве, пристальное изучение наследства классиков русского, советского и современного европейского рисунка, опыта таких замечательных граверов, как А. Кравченко и В. Фаворский у нас, А. Матисс и П. Пикассо на западе, формула «вполне сложившийся, сформировавшийся художник» в применении к нему звучит пустой фразой. Неудачность такого определения, неадекватность его творческому облику художника связаны с тем, что Александр Васильевич в свои сорок три года все еще продолжает интересный художественный поиск, не стремится к фиксации в своем творчестве однажды найденной удачной и яркой графической манеры. Его работа над творческим почерком, над собственным графическим языком продолжается. Сейчас можно только сказать, что она идет в направлении все более строгого отбора изобразительных средств, их упрощения и лаконизации, отказа от литературной детализации изображения в пользу острой, подчеркнутой выразительности образа. Это во-первых. А во-вторых, А. В. Сапожников не только имеет абсолютное, как говорят, художественное зрение и вкус, но и обладает редким даром артистического перевоплощения. Речь идет именно об артистическом перевоплощении, а не просто об артистичности графического почерка, что встречается гораздо чаще. Подобно тому как актер по призванию может, оставаясь самим собой, играть роли Дон Кихота, Мефистофеля или Мельника, художник книги, на самом деле глубоко чувствующий и понимающий литературу, оказывается способным, не теряя своего художественного «я», каждый раз прибегать к новым графическим средствам, к новой образотворческой манере, проникаясь образным строем, художественным видением, даже ритмикой стиха или прозы, речевыми особенностями поэта или писателя, его, так сказать, стилем. В этой способности стилистического перевоплощения и кроется, как кажется, главная причина серьезных книжных удач Сапожникова. Она, эта способность, очень ярко проявилась в новой работе художника, посвященной оформлению избранной поэзии Фр. Грубина.

Франтишек Грубин (род. в 1910 г.) принадлежит к числу самых больших, действительно оригинальных и действительно типично национальных современных чешских поэтов. Избранная лирика Фр. Грубина подготавливается издательством «Прогресс», продолжающим свою работу по ознакомлению советской общественности с достиже-

ниями зарубежной литературы. Кстати сказать, важный опыт этого издательства в публикации переводов современной зарубежной славянской литературы, как и опыт связанного с ним большого коллектива художников, работающих над оформлением и иллюстрированием произведений славянских писателей, заслуживают специального внимания со стороны советских славистов-литературоведов и историков культуры. Речь ведь идет об анализе большого и серьезного по своим творческим результатам культурного явления в нашей жизни.

Рис. 1

Рис. 2

Иллюстрировать поэтические сборники всегда непросто. Тем более сложно работать над сборником, охватывающим разновременные и неодинаковые по жанру произведения такого сложного поэта, как Фр. Грубин. Художнику, как и художественному редактору книги А. П. Купцову, приходилось считаться и с опытом чешской национальной школы книжной графики, имеющей свои традиции и свои особенности. Это стремление опереться на чешский национальный опыт особенно заметно сказалось на решении художником суперобложки книги. На выбор принципов иллюстрирования сборника не могло не оказать влияния и очень ограниченное число рисунков, запланированных издательством. Строго сюжетный, следующий за развитием действия и ставший уже традиционным метод иллюстрирования оказался при таких условиях совершенно неприемлемым. Не более приемлемым казался и другой, тоже уже получивший признание метод иллюстрирования художественного произведения по принципу рисунков-раздумий на полях книги, не связавших прямо с основной сюжетной линией, зато как бы соответствующих авторским отступлениям от рассказа. В изящной, ритмически узорчатой, даже немного манерной, хотя и стремящейся к простым, навеянным нешской природой, изобразительным средствам поэзии Грубина элементы собственно литературного изображения, поэтического настроения и того, что обычно называют философскими раздумьями автора, настолько тесно переплетены между собой, что такой подход к иллюстрациям мог бы, пожалуй, скорее ослабить, чем подчеркнуть эмоциональное воздействие авторского текста.

Изящная, по-человечески искренняя поэзия Грубина — прежде всего поэзия настроения, подчеркнутого тщательно разработанным ритмическим рисунком и слож-

ной гаммой интонаций. Работая над иллюстрациями к сборнику, Сапожников стремился прежде всего к тому, чтобы отразить в рисунках его главное интонационное звучание. Выбор тем определяли две самые крупные вещи сборника «Икар» и «Совет для корнета». Подготовительные работы художника к «Икару» помогают понять направление его поисков. Выполненный первоначально великолепный рисунок готовящегося к полету, торжествующего Икара (рис. 1) не удовлетворил художника. Уверенно оптимистическая тональность образа не соответствовала глав-

Рис. 3.

Рис. 4

ной тревожной интонации произведения поэта, которую удачно отразил окончательный вариант иллюстрации, изображающей падающего Икара (рис. 2). Иллюстрация эта словно бы вторит протестующим против войны словам поэта:

Икаршей назвали землю,
где похоронен сын Дедала.
Кто имя даст земле,
когда не станет нас?

Столь же показательны подготовительные материалы художника и к другим частям сборника. Каждый раз он стремился к тому, чтобы уловить в рисунке главное, определяющее настроение произведения. Часто настроение это угадывалось в одной-двух стихотворных строчках, в отдельной фразе или сравнении. Так, очень красивый рисунок (рис. 3) побудило художника создать следующее двустишие поэта:

...среди хлебов мы станем золотыми
от солнца и любви...

Работая над образом, сложившимся под впечатлением того или иного ярко звучащего стихотворного отрывка, художник каждый раз стремился к острой

выразительности рисунка, жертвуя при этом его пластичностью и даже изяществом линии. Плоскостность композиции и нарочито острая линия, очерчивающая контуры изображения, крайняя лаконичность рисунка и его нарочитая упрощенность — вот, что, по мнению художника, лучше всего могло передать остро взволнованный ритм и интонацию произведений Фр. Грубина, как его поэмы «Сонет для корнета», так и его небольших лирических стихотворений (ср. рис. 4 и 5). Очень интересен в этом отношении и предельно лаконичный, но ритмически необычайно упруго организованный рисунок с изображением играющего на свирели и пляшущего мальчика к детским стихотворениям Грубина, действительно очень точно передающий их подвижной ритм и ощущение полной непосредственности (рис. 6).

Рис. 5

Рис. 6

Знатоки графики смогут в полной мере оценить работу А. В. Сапожникова над сборником произведений Фр. Грубина после выхода книги в свет. Возможно, что художник сумел бы добиться еще больших выразительных эффектов, если бы он имел возможность работать не в технике перового рисунка, а в технике ксилографии, пользуясь свободной и легкой белой линией. Белая линия, точно вынутая из зачерпленной доски, звучит особенно поэтично и взволнованно. Но и то, что сделал художник, работая над сборником Фр. Грубина, безусловно, является интересным и показательным опытом иллюстрирования современной чешской поэзии. Рисунки А. В. Сапожникова помогают читателю лучше понять образный и интонационный строй поэзии Фр. Грубина, особенности его ритмики, изобразительных и выразительных средств. Иллюстрации к художественному произведению оказываются таким образом средством познания авторского замысла, опытом нового, опирающегося на собственные национальные художественные традиции прочтения произведения, созданного в другой национальной среде, являются важным элементом международного художественного общения. И об этом нельзя забывать, начиная дискуссию о значении книжной иллюстрации¹.

¹ См. начало этой дискуссии в «Литературной газете» от 3 июля 1968 г. в статьях В. Глазчева и А. Каменского.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И. СВИРИДА

СИБИРСКИЕ РИСУНКИ ЯНА ДАМЕЛЯ

В истории искусства XIX в. есть немало художников, чье творчество еще далеко не достаточно изучено. К их числу принадлежит Ян Кшиштоф Дамель (1780—1840), вошедший в историю искусства польского, литовского и белорусского народов.

Воспитанник классициста Франтишка Смуглевича (1745—1807) и близкого романтического искания Яна Рустема (1762—1835) — профессор живописи Виленского университета — Ян Дамель воспринял от первого интерес к многофигурным историческим и религиозным композициям, от второго — к портретному жанру, ставшему наиболее интересной областью творчества Дамеля.

Достигнув значительных успехов во время учебы в Виленском университете, он в 1809 г. был удостоен звания магистра свободных искусств¹ и назначен адъюнктом при кафедре живописи, оставаясь на этом посту до 1820 г. Современники, знавшие произведения Дамеля, высоко ценили его творчество. Дамелю посвятил свое стихотворение А. Мицкевич, для которого художник рисовал портрет Марыли Верещак:

В глаза красавицы ты взоры погружаешь,
Искусною рукой ее изображаешь.
Прекраснейших картин немало в мире есть,
По праву среди них твоим хвала и честь.

(Перевод В. Лесика)

Восторженно писал о Дамеле Адам Шемеш (1803—1864) — воспитанник Я. Рустема, оставивший интересные воспоминания о виленской художественной школе, ее преподавателях и учениках, а также отдельную статью, посвященную Дамелю². «Никто у нас не имеет такой творческой силы: свидетельство тому множество оригинальных картин, так сильно трактованных, с таким совершенством выполненных», — писал А. Шемеш. Талантливым художником считал Дамеля Ю. И. Крашевский, отмечая в его работах «уверенность руки», «смелость мазка»³.

¹ Центр. гос. архив Литовской ССР, ф. 721, оп. 1, д. № 36299.

² A. S z e m e s z. Wspomnienie o szkole malarskiej wileńskiej «Athenaeum», 1844, IV—VI; е г о ж е. Wspomnienia o Damelu. «Athenaeum», 1842, II. Следует отметить, что фигура А. Шемеша представляется достаточно интересной в истории виленской художественной школы и русско-польских связей. «Художник и автор», как пишет Ю. Белинский (J. B i e l i ŋ s k i. Uniwersytet wileński, t. II), Шемеш был высокообразованным, умным человеком. О его незаурядном художественном даровании свидетельствует автопортрет, исполненный Шемешем в 1847 г. в Минске, хранящийся в настоящее время в собрании Каунасского музея им. Чюрлениса. Портрет поясной, выполнен итальянским карандашом и сангиной. Шемеш изобразил себя сидящим с эскизником в руках. Облокотившись на стол, художник внимательно смотрит на зрителя. Глядя на этот портрет, охотно веришь Белинскому, писавшему о Шемеше, что этот «человек редкой души», хотя и «не был гениальным художником, но то, что делал, делал старательно и с полной самоотдачей искусству» (стр. 754).

³ J. J. K r a s z e w s k i. Pogadanki o sztuce. «Athenaeum», 1844, IV, s. 184

Рис. 1

Рис. 2

Дамель был широко образованным человеком. Он свободно владел несколькими языками, знал и любил музыку, отличался, как пишут современники, благородными душевными качествами, бескорыстием, за что пользовался всеобщим уважением ⁴.

В свете этих высоких оценок достоинств Дамеля как человека становится не совсем понятно, почему он оказался связанным с делом фальшивомонетчиков Цейзигов, которое было начато в 1816 г. ⁵ Так или иначе, но Дамель в 1820 г. оказался в Тобольске, где провел два года, выезжая в Омск, Иркутск, Енисейск. Этому печальному обстоятельству мы обязаны многочисленными рисунками, в которых Дамель запечатлел увиденных им людей, бытовые сцены, непривычные для него национальные костюмы, сибирский пейзаж.

Находясь в Сибири, Дамель вел дневник, в который ежедневно записывал свои наблюдения. Этот дневник, местонахождение которого в настоящее время нам неизвестно ⁶, читал А. Шемеш. Вот что он сообщает: «Я держал в руках дневник, писавшийся для друзей, он был начат с момента отъезда из Минска 13 июля 1820 года и доведен до

⁴ См. A. Szemesz. Op. cit., t. II, s. 169, 175; J. Bieliński. Op. cit., s. 746.

⁵ Цейзик, авантюрист по натуре, вместе с тем был талантливым художником-керамистом, автором оригинальных изделий из так называемой «каменной массы», по технологии напоминающих продукцию знаменитого английского завода «Веджвуд», но самобытных по своим художественным особенностям. Творчество Цейзика в настоящее время привлекает интерес исследователей (см. «Przekrój», 1968, № 10). После длительного судебного рассмотрения было постановлено: «Виленской Академии рисовального учителя Иоганна Дамеля, жившего с Цейзиками в тесной дружбе и имевшего с ними переписку в весьма темных выражениях... к предупреждению на будущее время, могущих произойти от него вредных последствий, сослать в Сибирь на поселение». Документы этого процесса были опубликованы в статье: St. Lorenz. Materiały do życiorysu i twórczości Damela в кн. «Prace i materiały sekcji historii sztuki Towarzystwa przyjaściół nauk w Wilnie», t. II, s. 193.

⁶ По сообщению Эд. Растваецкого, в середине XIX в. этот дневник и сибирские рисунки находились в собрании Тышкевичей.

Рис. 3

в Омск, которая пригодилась только для того, чтобы Тобольск потом показался краше... и много, много еще вещей, которых я не помню. Остальная часть дневника, которая велась небрежно, содержит сухие даты получения и посылки писем, получения «Курьера» и «Вядомостей Бруковых», начатых и законченных картин». Далее Шемеш называет работы, выполненные Дамелем в Сибири, о которых он писал в дневнике.

Опубликованные в 1842 г. воспоминания Шемеша являются единственным источником, на который можно опереться ввиду отсутствия самого дневника Дамеля.

Одной из причин слабой изученности творчества Дамеля, в том числе сибирских рисунков, является то, что его произведения никогда не были сосредоточены в крупных художественных собраниях. Заказанные ему белорусскими и литовскими помещиками портреты, религиозные композиции увозились в имения. Эд. Раствецкий писал в середине XIX в.: «Приходится сожалеть, что все работы Дамеля находятся как бы в укрытии, в малоизвестных и непосещаемых местах. Поэтому и сам художник остался как бы чужим для мира и до сих пор не оценен по достоинству»⁷.

Бурные исторические события, происходившие на территории Литвы и Белоруссии в

возвращения в тот же город 5 октября 1822 года. Это дневник событий и происшествий, который велся сначала старательно и со всеми подробностями, а потом небрежно. Там есть описания следов разрушений, тогда еще свежих, незалеченных, которые потерпели области от Борисова до Москвы в 1812—1813 годах. Далее описание Москвы, поднимавшейся из развалин после пожара 1812 года, — дальше интересная и полная жизни картина макарьевской ярмарки в 1820 г., описание городов, которые проезжал, Казани и ее нищего тогда Университета, без профессоров и учеников, Перми, Екатеринбург и его горнодобывающих предприятий, а также множества мелких городов. Живые картины разных племен, между которыми он проезжал: черемисов, чувашей, кочующих и оседлых татар. Все это переплетено полного юмора чудаковатыми карикатурами на людей, которых встречал по дороге, изображениями дорожных происшествий. Далее печальный Тобольск на огромной равнине без деревьев, потом поездка

Рис. 4

⁷ Ed. R a s t a w i e c k i. Słownik malarzów polskich, t. I, s. 130. Польский писатель В. Гомулицкий в конце XIX в., посещая близкие к Минску поместья, еще видел так много картин, рисунков, писем Дамеля, что у него возникло желание написать об этом мастере, что, однако, не было осуществлено (см. А. R y s z k i e w i c z. Polski portret zbiorowy, 1961, s. 160).

XIX—XX вв., также не способствовали изучению творчества художника.

Ряд работ Дамеля находится в настоящее время в музеях Москвы, Литвы и Белоруссии⁸, среди них не опубликованные до сих пор рисунки из Сибирского альбома. Находившиеся в течение долгого времени в частных собраниях, сейчас они хранятся в Каунасском музее им. М. К. Чюрлениса. Это 45 серо-голубых листов, некоторые из них заполнены с двух сторон. Основная техника — итальянский карандаш, мел, сангина. На многих листах надписи, сделанные Дамелем, которые свидетельствуют о том, что эти рисунки выполнены в Тобольске.

Рука художника запечатлела целую галерею типов, характерных для Тобольска первой четверти XIX в., бывшего в то время административным центром Сибири. Здесь представители всех слоев общества: чиновники, духовенство, врачи, офицеры, кушцы, крестьяне, ремесленники (рис. 1—4).

Жанровые зарисовки, выполненные Дамелем с натуры, свидетельствуют о наблюдательности художника, свободном владении техникой рисунка. Вместе с тем они документально достоверны, так как Дамель, по свидетельству Шемеша, «ничего, даже наименее значащей детали не рисовал без натуры».

Изображая ремесленников, кучеров, Дамель как бы нейтрален. У людей же своего круга он подчеркивает негативные или комические черты, что сближает эти рисунки с шаржем или карикатурой.

Таков, например, Соболевский. Он изображен стоящим в профиль (излюбленная композиция Дамеля, придающая рисункам некоторое однообразие), в подобострастном легком полупоклоне. Характеристика дополнена заискивающим выражением лица, имеющего специфический мышиный профиль. Сходство с мышью усиливает фактура рисунка: суммарно наметив волосы растиркой, Дамель дал несколько штрихов остро отточенного карандаша, следы которого напоминают блестящую мышиную шкурку.

Любопытна сцена, представляющая какого-то начальника в окружении подчиненных, слушающих его рассуждения. Одни это делают со вниманием, подобострастно, другие — за его спиной — угрюмо, равнодушно.

Как жанровая сцена дан портрет Ф. Зильберштейна — омского врача («Thaddée Silberstein médecin à Omsk» — подписано художником). На другом рисунке представлен начальник полиции в Тобольске Кривоногов; выразительна полная фигура протопопа Фелициана, идущего с посохом в руках.

Многие портреты — это наброски, сделанные несомненно с натуры, например, неизвестный в очках; сам Дамель, слушающий в обществе товарища игру скрипача. Ко-

Рис. 5

⁸ В Государственном Историческом музее в Москве есть написанный Дамелем портрет С. Г. Строганова — основателя художественной школы (очевидно, 1831—1834 гг., когда Строганов был военным губернатором в Риге и Минске). В Государственном художественном музее БССР в Минске имеются две работы Дамеля: «Женский портрет» (60 × 24, холст, масло) и «Освобождение Т. Костюшко Павлом I» (холст, масло); вторая из них, очевидно, является одним из авторских вариантов, так как Растваецкий говорит о картине, представляющей «фигуры в натуральную величину», а полотно из Минского музея имеет размеры 70 × 55. Другой известный нам авторский вариант имеется в собрании В. Д. Королюка в Москве.

мендант Камчатки П. И. Рикорд, деятельность которого, по свидетельству современников, «отличалась энергией, добросовестностью и человеколюбием»⁹, изображен во фраке, беседующим, улыбающимся. На рисунке имеется надпись «Monsieur Ricord capitaine commandant devant le commandant de Kamczatka le 10 juin 1823 à Tobolsk». Дата, стоящая на рисунке, вызывает некоторые сомнения. Как свидетельствует Шемеш, на основании дневника Дамеля, последний вернулся в Минск 5 октября 1822 г. Рикорд, освобожденный от должности, покинул Камчатку лишь 18 ноября 1822 г., где находился с 1817 г.¹⁰

Круг лиц, портретируемых Дамелем, свидетельствует о том, что находясь в Сибири, художник имел широкие знакомства среди местных властей; это, очевидно, и помогло ему получить освобождение и вернуться в Минск.

Особое значение имела дружба с выдающимся государственным деятелем М. М. Сперанским (1772—1839), назначенным в 1819 г. сибирским генерал-губернатором. Эта дружба сохранилась и в дальнейшем. Как сообщает Растваецкий, Сперанский и после возвращения Дамеля из Сибири в Минск поддерживал с ним переписку, а когда Сперанский был вызван в Петербург, проезжая через Минск, «на целый день задержался в этом городе, чтобы провести его в скромной мастерской любимого художника»¹¹.

Значительную группу среди сибирских рисунков Дамеля образуют этнографические зарисовки. Интерес к этнографическим мотивам, так ярко проявившийся в творчестве А. Орловского, был характерен для ряда художников того времени. Дамель фиксирует своеобразный внешний вид местного населения Сибири: лица с широкими скулами и раскосыми глазами, непривычная одежда, отороченные мехом огромные малахаи, островерхие тюбетейки (рис. 5, 6). Изображая восточную женщину, художник лобует ее тонким лицом с высокими бровями, плавной походкой, фатой, свободно струящейся из-под меховой шапки (рис. 7).

В воспоминаниях Шемеша сохранилось свидетельство о том, что Дамель писал портрет султана кочующих киргизов, «который, несмотря на уважение к закону Магомета, пил столько, что запрещал себя рисовать и который не умел читать, потому что это не пристало великому властелину». Есть среди каунасских рисунков и изображение бухарского купца.

Привлекли внимание Дамеля и своеобразные типы восточных воинов, их вооружение. Военная тема не была ему чужда. В Каунасском музее есть набросок с изображением битвы: на первом плане два воина (конный и пеший) разят противников, бегущих навстречу с раскрытыми от ужаса глазами. Композиция динамичная, напоминает рисунки Орловского периода восстания Костюшко.

Еще во время отступления наполеоновских войск из России через Вильно в 1813 г. Дамелем были сделаны две акварели (одна из них была репродуцирована в известном «Виленском альбоме» Вильчильского). Над картиной, посвященной наполеоновской эпохе, которая так и не была закончена, Дамель работал до последних дней жизни.

В Сибири Дамель исполнил ряд пейзажных композиций. Растваецкому было известно четыре варианта «Заката солнца в Тобольске». Как писал Шемеш, «в Дневнике путешествия Дамеля есть прекрасное описание пейзажа, который вдохновил на создание этой картины. Хмурое небо, в отдалении падает дождь; только часть неба сильно освещена заходящим солнцем. Вдали обрывистый берег Иртыша, на котором освещенный город. На переднем плане картины обширная равнина, какое-то строение и фигура в тени. Дамель сидит в дрожках, запряженных нищенской лошадкой. Перед ним полотно, на котором он рисует. Около него стоит Р. Р. — его друг и товарищ путешествия. Ближе к зрителю группа татар, мужчин и женщин, и пасущееся стадо. Эффект картины прекрасный»¹².

⁹ См. В. В а г и н. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1810 по 1822 год. Т. II, С. — П., 1872, стр. 39.

¹⁰ Там же, стр. 60.

¹¹ Ed. R a s t a w i e s k i. Słownik, t. I, s. 130.

¹² Один из вариантов этой картины, до сих пор известной лишь в описании Шемеша, приобретен Национальным музеем в Кракове.

Рис. 6

Рис. 7

Шемеш оставил описание и другого пейзажа Дамеля «Ночь в Уральских горах» — это «три картины, сходные по впечатлению. На всех луна, окруженная легкими и белыми облаками, кочевья татар у огня. Столкновение света луны и блеска огня передано хорошо, только в группах татар цвета их одежды даны слишком ярко для ночного освещения, что создает пестроту».

Находясь в Сибири, Дамель создал несколько полотен на религиозные темы. В Каунасском музее им. Чюрлениса хранятся некоторые зарисовки к ним.

Период пребывания в Сибири в творческой биографии Дамеля, бедной какими-либо крупными событиями, оставил заметный след. Дамель, воспитанный в Виленском университете, не имел в дальнейшем возможности продолжить образование в более крупных художественных центрах, как например его земляк К. Русецкий, уехавший в Рим, или В. Ванькович и В. Смоковский, обучавшиеся в Петербургской академии художеств. После возвращения из Сибири остаток своей жизни он провел в Минске и его окрестностях, за исключением краткого выезда в 1836 г. в Петербург. В Сибири новая среда, пейзаж послужили стимулами для его творческой фантазии. В сибирских рисунках проявился талант Дамеля-рисовальщика, его наблюдательность, техническая свобода, самостоятельность творческого мышления.

Сибирские рисунки Дамеля свидетельствуют о близости его творчества к А. Орловскому, о развитии черт романтизма в творчестве художников виленской школы.

Демократический типаж, усиление жанровых моментов, отсутствие какой-либо сословной тенденциозности в трактовке образов, интерес к жизни малых народов — эти особенности сибирских рисунков Дамеля делают их значительным явлением в творческой биографии художника. Вместе с тем эти рисунки являются интересным документом, рассказывающим о некоторых сторонах жизни Сибири в 20-е годы XIX в.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О БОРЬБЕ ТРУДЯЩИХСЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

«Интернациональная солидарность трудящихся прошла историческую проверку в огне социалистической революции»¹, — отмечается в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Этой важной проблеме новейшей истории посвящено юбилейное издание Института славяноведения АН СССР «Интернационалисты»². Монография подготовлена коллективом авторов — специалистов по истории интернационалистского движения в Советской России в трудные годы борьбы против внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции.

Участье иностранных интернационалистов в Октябрьской революции и защите ее завоеваний от многочисленных врагов было конкретным проявлением классовой солидарности зарубежных трудящихся с первым в мире государством рабочих и крестьян, интернационализмом на деле. В. И. Ленин в своих трудах дал глубокий анализ значения этого явления для победы Советской России над силами международной контрреволюции, в деле распространения идей Октября во всем мире³. В 20—40-х годах вышел в свет ряд исследований, авторы которых ввели в научный оборот многие факты и события из истории интернационалистского движения, сделали попытки обобщить его отдельные формы⁴. Особенно много работ было

опубликовано к 40-летию Октябрьской революции и в последующие годы. История интернационалистов нашла отражение в более чем 100 документальных сборниках, в десятках воспоминаний старых большевиков, многочисленных книгах, брошюрах и статьях советских историков. В 60-х годах научное изучение интернационалистского движения приобрело более широкие размеры. Созданная к настоящему времени источниковедческая и историографическая база позволяет всесторонне исследовать проблему интернациональной солидарности зарубежных трудящихся и трудящимися Советской России в борьбе за завоевания Октября. Рецензируемая монография является существенным вкладом в ее решение.

Главным достоинством этого нового исследования, посвященного борьбе зарубежных трудящихся за власть Советов, является то, что в нем дан серьезный анализ существа и принципов интернационалистского движения в Советской России в период Октябрьской революции и гражданской войны. Исследование широкого круга вопросов рассматриваемой проблемы позволило авторскому коллективу по-новому подойти к ее основным направлениям. Так, например, авторы обратили внимание на то, что в ранее опубликованных трудах подчас игнорировались сложные внутренние процессы, затрагивавшие многомиллионное иностранное население России, преувеличивались роль и значение движения интернационалистов в целом и его отдельных отрядов. Вместе с

погибшим в 1917—1921 гг., т. I—III, изд. 2-е ГИЗ, 1924; В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. II. М.—Л., 1928; И. Ульянов. Октябрьская революция и военнопленные. — «Пролетарская революция», 1929, № 7 (90); И. Шнейдер. Революционное движение среди военнопленных в России (1915—1919 гг.). — «Борьба классов», 1935, № 3; Е. Весенин, А. Светлов. Миллионы друзей. М., Воениздат, 1940 и др.

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС». М., 1967, стр. 11.

² «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов». Институт славяноведения АН СССР. Редакционная коллегия: А. Я. Манусевич (отв. ред.), М. А. Бирман, А. Х. Клеванский, И. А. Хренов. «Наука», М., 1967, 614 стр.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 65—66; т. 35, стр. 13—14, 318—319, 561, 567; т. 37, стр. 24—26, 131, 694; т. 38, стр. 147—148; т. 39, стр. 391 и др.

⁴ Л. Лежава, Г. Русаков. Памятник борцам пролетарской революции,

тем, в монографии подчеркивается, что участие трудящихся из-за рубежа в защите власти Советов укрепляло моральный дух рабочих и крестьян России, содействовало победе на фронтах гражданской войны и борьбе с хозяйственной разрухой в тылу, облегчало революционное воздействие на войска интервентов, способствовало упрочению пролетарского интернационализма (стр. 10—11).

На основе ленинских принципов партийности и историзма при освещении движения интернационалистов последовательно показана организующая и направляющая роль большевистской партии. Несомненная заслуга авторского коллектива в том, что ему удалось показать неразрывность и единство интернационалистского движения зарубежных трудящихся с общей борьбой народов Советской России за власть рабочих и крестьян, проводимой под руководством партии большевиков, ее Центрального Комитета и лично В. И. Ленина. Это обогащает наши представления о международном значении Октябрьской революции, о силах, сплотившихся вокруг партии большевиков, наглядно показывает торжество принципов интернационализма, силу и мощь союза революционеров различных национальностей и наций.

Обращает на себя внимание солидная источниковедческая база монографии. Ее основой являются документальные материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов власти и государственного управления; Центрального государственного архива Советской Армии; многих других центральных, республиканских, краевых и областных партийных и государственных архивов. В монографии использовано значительное количество материалов из архивов и книгохранилищ Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и других стран. Авторский коллектив ввел в научный оборот фактические данные, ранее не известные или малоизвестные широкому кругу читателей. Все это позволило осветить ряд вопросов, оказавшихся до последнего времени недостаточно глубоко изученными. В связи с этим следует специально отметить большую по сравнению с ранее опубликованными работами полноту, а главное, новизну сведений о Французской, Англо-американской и Итальянской коммунистических группах (стр. 516—572); интересны очерки о германских, австрийских и финских интернационалистах (стр. 460—515).

Монография состоит из пятнадцати глав, в которых рассматриваются общие процессы развития интернационального движения и раскрывается его своеобразие. В хронологическо-тематической последовательности авторский коллектив освеща-

ет многие этапы интернациональной солидарности — от начала антивоенной борьбы российских и иностранных трудящихся в период первой мировой войны и до боевых действий интернациональных частей на фронтах гражданской войны. Причем, на наш взгляд, в монографии найдено удачное сочетание материалов как по общим вопросам движения интернационалистов, так и о деятельности отдельных национальных коммунистических групп и воинских формирований.

В первых четырех главах рассматривается положение трудящихся зарубежных стран в царской России в годы империалистической войны, показано развитие интернационалистского движения от Февральской революции до победы Октября, освещается участие интернационалистов в социалистической революции и в борьбе Советской республики за выход из войны. Здесь наиболее значительный интерес как в историческом, так и в политическом аспекте представляют разделы, освещающие участие интернационалистов в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде и в Москве, в победоносном шествии революции по стране, а также в борьбе за выход Советской России из империалистической войны (стр. 91—124, 139—169).

Специальные главы монографии посвящены деятельности Федерации иностранных групп РКП (б), созданию, организации и военным действиям интернациональных частей Красной Армии. В десяти главах подробно рассмотрена деятельность отдельных национальных коммунистических групп и воинских формирований (польских, чехословацких, венгерских, югославянских, румынских, болгарских, германских, австрийских, финских, французских, английских, американских и итальянских интернационалистов).

Композиционное построение в хронологическо-тематической последовательности способствует наиболее полному освещению темы. Однако в ряде мест монографии этот принцип нарушается. К примеру, глава о формировании и деятельности интернациональных частей Красной Армии (последняя, 15, глава) должна по существу быть на месте главы 6, что логически завершало бы освещение общих вопросов, касающихся интернационалистов всех национальностей. Лишь при таком расположении материала будет оправдано, что деятельность интернационалистов различных национальностей освещается в отдельных главах. К сожалению, не выделено в специальную главу одно из весьма важных направлений деятельности интернационалистов — их работа на заводах, фабриках, в государственных и других учреждениях страны. Следует отметить, что эта тема до сих пор еще не нашла достаточного освещения в исторической литературе. Между тем,

известно, что производственная работа интернационалистов в Советской Республике имела определенное значение.

Монография по существу является первым коллективным научным трудом обобщающего характера, посвященным проблеме интернационалистского движения в Советской России в 1917—1920 гг. Это не только придает ей особую научную значимость, но и предъявляет существенные требования к авторскому коллективу. Вот почему следует отметить, что авторский коллектив не всегда сумел в достаточной мере осветить все вопросы рассматриваемой проблемы. Так, в монографии заметны пробелы. К примеру, в книге совершенно правильно специальная глава посвящена деятельности Федерации иностранных групп РКП(б), но неправомерно мало отводится места таким центральным органам интернационалистов, как Польское и Финское бюро при ЦК РКП(б). Правда, некоторые сведения о Польском и Финском бюро при ЦК РКП(б) приводятся в главах, посвященных польским и финским интернационалистам. Однако недостаточность этих сведений практически не снимает указанного замечания. Далее, в монографии лишь упоминается о таких органах, как Центральное организационное бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б) и ЦК корейских коммунистических организаций. Нам кажется, что следовало бы шире осветить деятельность этих органов. Ведь, несмотря на замечание редколлегии о подготовке второй книги, посвященной интернационалистскому движению на юге и востоке Советской страны, в монографии неоднократно сообщается о китайских, корейских, иранских интернационалистах, рассказывается о Центральном бюро мусульманских коммунистических организаций при ЦК РКП(б), о Союзе китайских рабочих, о революционно-демократической организации «Адалят» (кстати, организацию «Адалят», на наш взгляд, точнее было бы назвать социал-демократической), а не революционно-демократической; в июне 1920 г. «Адалят», выросшая к тому времени, была переименована в Коммунистическую партию Персии). Поэтому деятельность центральных органов китайских и корейских интернационалистов должна была бы получить более полное освещение в рецензируемой книге.

В монографии встречаются повторения одних и тех же исторических событий и фактов. Например, дважды излагаются героические действия Жанны Ляурб и ее подпольной группы в Одессе (главы 5 и 14). Целый ряд фактов главы 5 находят отражение в главах 6, 7, 8, 9 и др. Особенно много повторов в главах 5 и 15 по вопросам деятельности Федерации иностранных групп РКП(б) и органов интернациональных формирований. По существу содержание раздела «Федерация и интернациональные формирования»

главы 5 и раздела «Органы формирования интернациональных частей Красной Армии» главы 15 настолько близко, что целесообразно было бы объединить их в один раздел. Что же касается второго раздела главы 15 «Боевые дела интернациональных частей и подразделений» (стр. 583—598), то автору следовало бы указать, что примерно около 50% текста им взято из книги Л. И. Жарова и В. М. Устинова «Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР» (М., Воениздат, 1960), одним из соавторов которой он является. Так, на стр. 538 включен текст, помещенный на стр. 54—55 указанной выше книги; соответственно: на стр. 584 — текст со стр. 96; на стр. 585 — текст со стр. 55—56 и т. д.; таких совпадений не менее десятка. Подобное использование ранее опубликованных материалов представляется нам неудачным.

Несколько замечаний о научно-справочном аппарате. Нешлохо составленный в целом научно-справочный аппарат не лишен досадных огрехов. Например, в отдельных главах допускаются случаи необоснованной отсылки к архивным источникам, хотя эти данные уже опубликованы в печати. Так, на стр. 186—187 приводится отчет о работе Федерации иностранных групп за 1919 г. со ссылкой на Центральный партийный архив ИМЛ. Между тем, этот документ опубликован в журнале «Исторический архив» № 4, 1957 г., стр. 29—32. Судя по научно-справочному аппарату главы, автор ее знаком с публикацией документов в указанном номере «Исторического архива» (см. стр. 189 монографии). Неточности в научно-справочном аппарате встречаются на стр. 346, 427 и т. д. В монографии имеется хорошо составленный именной указатель, но, к сожалению, отсутствуют другие. По нашему мнению, такие указатели, как список интернациональных частей, перечень центральных и местных революционных и коммунистических организаций интернационалистов, безусловно обогатили бы монографию.

В целом же выход в свет рецензируемой монографии является серьезным событием в воссоздании подлинной и полной истории интернационалистского движения в Советской России. Ее появление — свидетельство доброй памяти советского народа о многих и многих тысячах интернационалистов, внесших свой посильный вклад в дело Великого Октября, немеркнущего учения марксизма-ленинизма и принципов пролетарского интернационализма. Остается лишь пожелать редакционной коллегии и авторскому коллективу подготовить такую же хорошую книгу, посвященную интернационалистскому движению на юге и востоке Советской страны.

В. М. Устинов

ОЧЕРК ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ БОЛГАРСКИХ ГОРНЯКОВ

Кабинет истории профсоюзного движения Болгарии в последние 10 лет выпустил несколько книг, посвященных участию отдельных отрядов болгарского пролетариата в революционном движении, истории их профессиональных организаций¹. Недавно эта серия пополнилась новым очерком, в котором рассказывается о революционном пути горняков — одного из передовых отрядов рабочего класса Болгарии². Эта книга восполняет существенный пробел в литературе по истории рабочего движения страны. Авторы очерка Г. Георгиев, С. Великов, Г. Йорданов — профессиональные историки, известные своими работами о болгарском пролетариате. Й. Костов — старый деятель профсоюзного движения горняков — предоставил в их распоряжение свои подробные воспоминания.

Книга о болгарских горняках написана на разнообразных источниках. Это — документы центральных и местных государственных и партийных архивов, в том числе архива шахт Перника, рабочая и буржуазная печать, воспоминания ветеранов профсоюзного движения. Широко использованы труды болгарских историков и экономистов и работы современных специалистов, написанные с марксистских позиций. Квалифицированный анализ источников позволил авторскому коллективу создать интересную работу, воссоздающую героическую историю болгарских горняков на протяжении почти семи десятилетий.

Отдельные главы книги посвящены важнейшим этапам в истории развития профессиональных организаций и классовой борьбы горнорабочих со времени освобождения Болгарии от турецкого гнета до победы революции 9 сентября 1944 г. В каждой из глав рассматривается положение шахтеров, состояние и развитие их организаций, участие в экономической и

политической борьбе, стачечные выступления.

В книге анализируются такие процессы, как изменение численности горняков, их состав, соотношение между кадровыми рабочими и полупролетариями и др. В этом отношении особый интерес представляет раздел о формировании горнопромышленного пролетариата. Здесь приводятся данные о росте числа горнорабочих в конце XIX — начале XX в., прежде всего на шахтах Перника, где было занято около 80% всех горняков, определяется, какую часть из них составляли постоянные рабочие, т. е. лица, для которых работа в шахте была единственным средством существования. Обработка статистических данных позволила Г. Георгиеву прийти к выводу, что из 4,2 тыс. шахтеров Перника в 1908 г. около 1,5 тыс. составляли кадровые пролетарии. Горняки, таким образом, уже в начале XX в. составляли один из основных отрядов рабочего класса Болгарии (стр. 22—25). Однако этот вывод был бы более убедительным, если бы данные о численности горняков были сопоставлены с общей численностью болгарского пролетариата, с данными о численности рабочих текстильной, пищевкусовой промышленности и железнодорожного транспорта, которые, наряду с горнорабочими, названы в книге основными отрядами болгарского пролетариата (стр. 23).

В книге удачно показан политический фон, на котором развивалось движение горняков, причем авторы уделяют минимально необходимое внимание освещению общей политической обстановки в стране на том или ином этапе, подробно останавливаясь на тех ее аспектах, которые важны для понимания особенностей классовой борьбы горняков. Стачка шахтеров Перника в начале 1908 г., например, показана в связи с новыми моментами в политической жизни страны — приходом к власти демократической партии, сторонницы парламентско-конституционного режима (стр. 68—71).

Исследуя движение горняков, авторы показывают трудности, которые тем приходилось преодолевать. Это движение переживало периоды не только подъема, но и спада, вызванные экономическими и политическими факторами. Так, в частности, классовая организация рабочих тормозилась усилившимся притоком на шахты разорившихся крестьян (стр. 100—101). Террористическая политика властей после подавления Сентябрьского восстания 1923 г., частичная стабилизация капиталистической экономики в 1925—1929 гг. были факторами, особенно усложнившими борьбу горняков. В этот период

¹ Д. Коджейков. Страницы из борьбы на телеграфоопенци. София, Профиздат, 1958; А. Георгиев, Г. Попов. 50 години на металоработнически съюз. София, Профиздат, 1960; Д. Коджейков, Х. Христов, К. Ламбрев, А. Георгиев. Организации и борби на транспортните работници в България. 1878—1944. София, Профиздат, 1962; С. Великов. Организации и борби на кожарообушарите и каучуковите работници в България. 1878—1944. София, Профиздат, 1963.

² Г. Георгиев, С. Великов, Г. Йорданов, Й. Костов. Организации и борби на българските рудничари. 1878—1944. София, Профиздат, 1967, 268 стр.

их организованное классовое движение переживало большие трудности.

Однако не периоды спада являлись характерными для движения рабочих горнорудной промышленности. В книге рассказано о многочисленных выступлениях шахтеров, начиная со стихийных бунтов в 90-х годах XIX в. вплоть до грандиозной стачки 7—8 сентября 1944 г., послужившей сигналом к началу политической забастовки по всей стране и облегчившей установление власти Отечественного фронта в столице. В книге рассмотрены причины стачечных и других выступлений, основные требования рабочих, ход борьбы, ее результаты в каждом отдельном случае. Однако эта проблема получила бы в книге более глубокое освещение, если бы были приведены итоговые данные о числе стачек горняков по периодам, о соотношении наступательных и оборонительных, успешных и безуспешных выступлений.

В книге содержательно и интересно рассказывается о создании и деятельности профессиональных организаций горняков. Много места уделяется стачке 1906 г. в Пернике, в результате которой был создан профсоюз шахтеров — их первое профобъединение. «Стачка 1906 г. возвестила, что в организованное болгарское рабочее движение вступил новый мощный пролетарский отряд, который очень скоро занял место в первых его рядах» (стр. 59). Столь же подробно изложено и создание в начале 1909 г. Рабочего союза горняков, объединившего разрозненные до того времени организации рабочих этой специальности в разных районах страны.

В книге убедительно показана руководящая роль партии тесных социалистов, а с 1919 г. — БКП во всем организованном движении горняков. В ней приведены многочисленные данные о большом внимании, которое партия уделяла организации рабочих угольных шахт и рудников, развертыванию их экономической и политической борьбы. При этом попытки реформистов создать свои профсоюзные организации на шахтах и овладеть рабочим движением почти во всех случаях заканчивались провалом. Немаловажную роль в этом играло личное участие партийных руководителей в организации и практической работе союза горняков, в политической агитации на шахтах. Немало ярких страниц книги знакомят читателя с деятельностью Д. Благоева, Г. Киркова, А. Иванова.

Особый интерес представляет материал об огромной работе, которую среди горняков проводил Георгий Димитров. Поддерживая в течение многих лет теснейшую связь с рабочими Перника, Г. Димитров оказал большое влияние на укрепление классовой профорганизации в этом крупнейшем в Болгарии центре угольной промышленности. При его прямом учас-

тии и под его фактическим руководством проходили многие стачечные выступления горняков. Для характеристики этой деятельности Г. Димитрова авторы привлекли обширный фактический материал, почерпнутый из рабочей печати и частично из архивов. Рецензируемая книга расширяет представление о раннем периоде революционной деятельности Г. Димитрова.

Несомненный интерес представляет материал об участии болгарских горняков в международном рабочем движении, в частности, об интернациональных связях Рабочего союза горняков, вступившего в контакт с Международным союзом горняков непосредственно после своего создания — в 1909 г. (стр. 109—110). Участие в помощи голодающим Поволжья, движение в поддержку забастовавших шахтеров Эльзаса и Лотарингии в 1921 г., вклад в разгром врагелевского заговора 1922 г., борьба против военной опасности в конце 20-х—30-х годов, участие в знаменитой «Собольевской акции» 1940 г. (движение за подписание договора о взаимопомощи с СССР) — таковы лишь некоторые вехи, характеризующие интернационалистские традиции болгарских горняков.

Специальный раздел посвящен участию горнорабочих в вооруженной борьбе против германского и болгарского фашизма в 1941—1944 гг. Здесь рассматриваются различные формы сопротивления — уклонение от работы, снижение производительности труда, разрушение механизмов и другие виды саботажа, помощь партизанским отрядам и группам, прямое участие в партизанском движении и, наконец, участие в вооруженном восстании 9 сентября 1944 г. Приводимые данные служат ярким свидетельством того, что горняки постоянно находились в первых рядах борьбы против капиталистического гнета и реакции.

В ряде разделов работы авторы стремятся показать не только положение шахтеров, развитие их организации и борьбы, но также состояние угольной и горнорудной промышленности. Следует сказать, что использование статистических данных при этом не всегда удачно. Так, за таблицей роста добычи угля в 1893—1902 гг. следует попытка определить этапы развития каменноугольного производства (с 1898 г. «этап подъема», а с 1907 г. — «бурного развития») (стр. 10). Но анализ самой таблицы этого вывода не подтверждает. Элементарный подсчет показывает, что увеличение производства было более или менее равномерным (в 1894 г. производство увеличилось по сравнению с 1893 г. на 13,1%, в 1895—1900 г. ежегодный рост составлял соответственно 10,8%, 12,3%, 5,8%, 13%, 1%, 11,6%). В другом месте указывается, что в 1926 г. 77,3% капиталовложений в частную каменноугольную промышленность принадлежали иностранному капиталу, к 1928—1929 гг. болгарский капитал вытес-

нил иностранный из горной промышленности, и удельный вес последнего снизился до 5—6% о б щ и х капиталовложений в эту отрасль (стр. 167). Если же мы напомним о том, что г о с у д а р с т в е н н ы е шахты Перника в этот период давали 80% каменного угля в стране и «имели монопольное положение» (стр. 178), то окажется, что приведенные сведения о падении удельного веса иностранного капитала окажутся совершенно несопоставимыми. В книге приводятся неточные данные о том, что в годы частичной стабилизации капитализма производительность труда рабочих Перника увеличилась на 41,6% (стр. 169). На самом деле, производительность труда одного рабочего в 1924 г. составляла за смену 474 кг угля³, а в 1927 г. — 827 кг⁴ и продолжала возрастать в течение следующих двух лет. Иными словами, рост производительности труда в результате главным образом его интенсификации только за первые годы частичной стабилизации капитализма составил 74,5%.

Упущением, на наш взгляд, является то, что авторы ни слова не сказали о попытке создания профсоюзной организации в Пернике в 1929 г., во время массовой кампании, проводившейся независимыми профсоюзами⁵. Хотя эта попытка

³ Дневники (стенографски) на XXI общенародно Народное собрание, 4 редовна сессия, кн. 2. София, Държавно книгоиздатство, 1927, стр. 751.

⁴ Стенографски дневники на XXII общенародно Народное собрание, 2 редовна сессия, кн. 4. София, Държавно книгоиздатство, 1929, стр. 2782.

⁵ Централен партиен архив при ЦК на БКП, ф. 38, оп. I, ед. хр. 50, л. 347; «Единство», 6.III 1929.

не дала прямого результата, она свидетельствовала о сохранении шахтерами верности идеям революционной борьбы⁶.

Следует отметить и некоторые мелкие неточности, встречающиеся в книге. Авторы пишут, что главной формой легальной деятельности БКП среди рабочих в годы частичной стабилизации капитализма были профсоюзы (стр. 172). Это верно лишь в отношении первых двух лет рассматриваемого периода (1925—1926 гг.). В последующие годы под руководством партии была создана целая система легальных рабочих организаций, куда, наряду с независимыми профсоюзами входили Рабочая партия и Рабочий молодежный союз. IV съезд БКП состоялся не в июне 1923 г. (стр. 137), а годом раньше. В 1926 г. в Вене происходило не совещание БКП (стр. 172), а пленум ее Центрального комитета. Независимый общий рабочий профессиональный союз был образован не в 1925 г. (стр. 173), а в августе 1926 г. До этого существовали вначале отдельные независимые профсоюзы, а позже Независимая рабочая федерация.

Несмотря на отмеченные отдельные недостатки, рецензируемая книга в целом является серьезным исследовательским трудом, глубоко и всесторонне освещающим основные этапы развития революционного движения болгарских горняков. Ее выход свидетельствует об успешной разработке в народной Болгарии славной истории рабочего класса, боевого революционного пути отдельных его отрядов.

⁶ Централен партиен архив при ЦК на БКП, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 201, л. 15.

Г. Н. Попов, Г. И. Чернякский

ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА БАЛКАНАХ В 1801—1812 гг.

В 1960 г. началась публикация документов по истории внешней политики России в XIX — начале XX в., подготовляемая Комиссией по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР. В настоящее время вышли в свет первые шесть томов этого издания, охватывающие период с 1801 по 1812 г.¹

¹ «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы российского Министерства иностранных дел. МИД СССР. Серия первая. 1801—1815 гг. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. Т. I (март 1801 г. — апрель 1804 г.). М., Госполитиздат, 1960, 801 стр.; т. II (апрель 1804 г. — декабрь 1805 г.). 1961, 744 стр.; т. III (январь 1806 г. — июль 1807 г.).

Работа по выявлению, комментированию и подготовке в печать документов, вошедших в публикацию, велась под руководством проф. А. Л. Нарочницкого большой группой сотрудников редакционного аппарата Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР, а также институтов истории, славяноведения, народов Азии Академии наук СССР, Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

В отличие от прежних публикаций документов, построенных тематически, в

1963, 840 стр.; т. IV (июль 1807 г. — март 1809 г.). 1965, 781 стр.; т. V (апрель 1809 г. — январь 1811 г.). 1967, 784 стр.; т. VI (1811—1812 гг.). 1962, 866 стр.

новом советском издании принят хронологический принцип расположения материала. Документы публикуются на языке подлинника с приложением русского перевода. Тома снабжены обширными комментариями. Предметно-тематические указатели, указатели имен и географических названий, библиография изданий, содержащих дипломатические документы по данному периоду, помогают разыскать нужный материал. Большая часть документов публикуется впервые. Печатавшиеся ранее аннотируются, лишь наиболее важные из них или изданные с купюрами, дефектами, в неточном переводе воспроизводятся повторно.

Документы освещают дипломатические акции царского правительства в важнейших международных конфликтах, потрясавших Европу в начале XIX в. Отношения с Османской империей и балканскими народами не являлись главным направлением во внешней политике России. Однако они составляли существенную часть борьбы великих держав за политическое преобладание в Европе, оказывали влияние на дипломатическую и военную деятельность царизма в первые 12 лет XIX в.

Балканская тематика, которая занимает весьма значительное место в новой публикации документов, охарактеризована А. Л. Нарочницким². Оценка материала по этой проблематике дана также в рецензиях на отдельные тома³.

В отличие от прежних публикаций русских официальных высшихполитических документов, в данном издании приведены доклады царю руководителей и ответственных чиновников Министерства иностранных дел, записки по внешнеполитическим вопросам, инструкции русским дипломатическим представителям.

Историки-специалисты по отдельным балканским странам, возможно, не всегда будут удовлетворены материалом о некоторых балканских народах (например, болгарях или черногорцах). В издании, освещающее отношения России со всеми иностранными государствами, могли быть включены лишь важнейшие ранее не опубликованные материалы. При этом уделено большее внимание таким ярким странам из истории отношений России с балканскими народами, как, например, созда-

нию первого греческого национального государства — Республики Семи Соединенных Островов, русско-сербским связям в период войны с Турцией 1806—1812 гг., и др.

Необходимо подчеркнуть, что опубликованы неизвестные ранее документы по балканской тематике, которые помогут исследователям правильнее представить цели и методы политики России в отношении Османского государства, проследить процесс укрепления ее политических связей с балканскими народами, тех факторов, которые способствовали или мешали этому. Некоторые документы представляют интерес для изучения истории самих балканских земель, их общественно-политического развития в начале XIX в.

В политике царского правительства в отношении Турции и балканских народов можно выделить два этапа: 1801—1805 и 1806—1812 гг. В первый из них правительство Александра I поддерживало дружественные отношения с Портой, стремясь сохранить целостность одряхлевшей империи османов; традиционное покровительство находившимся под игом мусульман православным народам, попытки дипломатическим путем добиться расширения их прав и привилегий сочетались с стремлением царского правительства избежать конфликтов со своим соседом. Царизм опасался расширения национально-освободительного движения балканских народов, которое могло быть использовано Наполеоном в ущерб интересам России, грозило ускорить распад Османской империи. В то же время, чтобы сохранить свои политические позиции в Юго-Восточной Европе, царское правительство вынуждено было в определенной мере поддерживать интересы борющихся за свои национальные права подданных Порты.

Методы осуществления правительством Александра I этих противоречивых политических задач освещены в т. I и II. Документы опровергают мнение некоторых иностранных историков о том, что русское правительство со времени Петра I неуклонно стремилось к уничтожению Османской империи, захвату Константинополя и балканских территорий, доказывают необоснованность тенденции изображать Россию XIX в. в качестве наиболее активной агрессивной силы, использовавшей все средства для территориальных захватов на Ближнем Востоке и на Балканах.

Анализ и обработка архивных материалов обнаружили, что известная по мемуарам А. Чартерийского его «Записка об устройстве европейской дел в случае удачного окончания войны», в которой выдвигался план раздела владений османов в Европе, присоединения Константинополя к России и создания из основной части турецких владений на Балканах федерации областей, находящихся под

² А. Л. Нарочницкий. Политика России на Балканах в 1801—1812 гг. в свете новой документальной публикации. Сообщения советской делегации на Первом конгрессе балканских исследований в Софии. М., 1966.

³ См., например, рец.: Е. И. Дружинина. «Вопросы истории», 1961, № 4 (на т. I); А. М. Станиславская. «История СССР», 1962, № 2 (на т. I); А. В. Фадеев. «Вопросы истории», 1962, № 10 (на т. II); А. М. Станиславская. «Вопросы истории», 1963, № 4 (на т. VI) и др.

протекторатом России, была составлена не в 1804 г., как это считалось ранее, а в 1807 г., когда Чарторыйский уже не руководил Министерством иностранных дел (т. II, причем. 79)⁴.

Опубликованная впервые секретная часть инструкции Н. Н. Новосильцеву, направленной в Лондон для переговоров о союзе против наполеоновской Франции в конце 1804 г., свидетельствует, что царское правительство не связывало свое вхождение в третью коалицию с немедленным удовлетворением притязаний на Польшу, часть балканских земель и Константинополь (т. II, док. 51). Отчет Новосильцева о беседе с английским премьер-министром У. Питтом показывает, что русский уполномоченный, видя твердое стремление британского правительства к сохранению status quo на Востоке, не стал поднимать каких-либо вопросов, связанных с политическим будущим балканских владений Турции (т. II, док. 79). Эта тема не обсуждалась и в переписке Новосильцева с царем и Чарторыйским.

Документы, опубликованные в т. I—II, доказывают, что до 1806 г. правительство Александра I, несмотря на разницу в позиции государственных деятелей, близких к царю, в своих внешнеполитических акциях довольно твердо придерживалось курса на сохранение целостности Османской империи. Но, используя мирные отношения с Портой, русская дипломатия пыталась улучшить положение турецких подданных — христиан, заставить Порту выполнить конвенцию 1802 г., которая расширила привилегии Дунайских княжеств и права России на их защиту, фиксированные Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г. (т. I, док. 84, 91, 95, 103, 115, 156 и др.). Публикуется ряд демаршей российского Министерства иностранных дел, предпринятых с целью защиты греков от Али-паши Янинского, болгар от нападений кержалийских банд, сербов от бесчинств янычар и дахивов. Документы освещают политику России в Республике Семи Соединенных Островов, рассказывают об участии русских государственных деятелей в подготовке ее конституции. В т. II имеются ранее не публиковавшиеся документы, из которых видно, что царское правительство пыталось склонить Порту предоставить восставшему в феврале 1804 г. Белградскому папалыку автономные права, как Молдавии и Валахии (т. II, док. 52, 74, 82 и др.).

Когда резко ухудшившиеся в 1806 г. отношения России с Турцией привели к войне между ними, закончившейся лишь в 1812 г. Бухарестским миром, политика русского правительства в балканском вопросе существенно изменилась. Нацио-

нально-освободительное движение балканских народов теперь могло быть использовано в интересах военной победы над Турцией. Особую важность приобрели политические контакты с сербами, совместные с ними военные действия.

Русско-сербские отношения этого периода охарактеризованы в т. III—VI. Интересны следующие документы: не опубликованная ранее инструкция российского министра иностранных дел Н. П. Румянцева главнокомандующему Молдавской армией Н. М. Каменскому относительно переговоров с Портой о мире, в которой предписывалось добиваться предоставления независимости Сербии, а в случае невозможности этого — широкой внутренней автономии при уплате умеренной дани (т. V, док. 172); материалы, связанные с миссией подполковника А. Полева в Сербию летом 1812 г. (т. VI, док. 144, 145, 172, 185, 188); донесения ген. О. К. Орурка (т. VI, док. 198, 209), письма Н. П. Румянцева и П. В. Чичагова Карагеоргию (т. VI, док. 141, 211, 222, 244, 251, 271) и др.

Русско-французские переговоры 1807—1808 гг. относительно частичного или полного раздела османских владений в Европе обычно фигурируют в трудах иностранных авторов как один из наиболее ярких примеров попытки царизма осуществить свою заветную цель — изгнать турок в Азию, захватить проливы и значительную часть балканских территорий. На самом же деле инициатива в обсуждении вопроса о разделе турецких владений исходила от Наполеона, который рассчитывал отвлечь Александра I от западноевропейских дел⁵. Документы в т. IV—VI показывают, что царское правительство в ходе войны с Турцией в 1806—1812 гг. понимало нерелевантность «восточных проектов» Наполеона и практически старалось осуществить гораздо более скромные задачи — овладеть Бессарабией, Молдавией и Валахией, а в 1812 г., оказавшись в трудном положении, должно было согласиться на приобретение лишь одной Бессарабии.

Замыслы царского правительства использовать национально-освободительное движение славянских народов в интересах решительной победы над Турцией (а в перспективе и над Австрией), планы создания находящегося под русским покровительством славянского государства, которые выдвигались в 1812 г. самим царем, а до этого некоторыми политическими деятелями (А. Чарторыйским, Н. П. Румянцевым, П. В. Чичаговым и др.), — один из малоразработанных аспектов внешней политики России в начале XIX в. Материалы по этим вопросам опубликова-

⁴ См. об этом также Н. В. Евстигнеев в К вопросу о целях внешней политики России в 1804—1805 гг. «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 203—210.

⁵ См. об этом: А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар. М., 1947, стр. 211—228; В. Г. Сироткин. Дуэль двух дипломатий. М., 1965.

лись еще до Октябрьской революции⁶, дав основание некоторым иностранным историкам утверждать, что именно в первые 12 лет XIX в. определилась панславистская направленность внешней политики России. Такая точка зрения наиболее подробно обосновывается в книге Ф. Фаднера «Семьдесят лет панславизма в России. От Каразина к Данилевскому. 1800—1870» и поддерживается некоторыми другими авторами⁷.

В т. VI опубликованы материалы, дополняющие известную в литературе переписку между царем, российским министром иностранных дел Н. П. Румянцевым и главнокомандующим Дунайской армией П. В. Чичаговым относительно заключения союза с Портой, организации диверсии против французов в Далмации путем совместных действий русских войск, сербских повстанцев и других балканских народов (док. 162, 183, 197, 215, 225). Эти документы должны помочь советским историкам проанализировать особенности политики царского правительства в отношении южнославянских народов в 1812 г., выявить авантюризм замыслов Чичагова и некоторых других русских сановников, которым противостоял М. И. Кутузов, сумевший трезво и реалистически оценить создавшееся положение в военном конфликте с Турцией.

К сожалению, планы петербургского кабинета в отношении славянских подданных Порты, идеи русских политических деятелей о создании славянского государства недостаточно раскрыты и проанализированы в комментариях. В аннотации на «Записку Броневского» (т. IV, стр. 51) не указывается, что этот документ является отзывом на политическое предложение, исходившее от самих сербов⁸. Не обращено внимания и на тот важный факт, установленный составителями, что автором этой записки является чиновник Министерства иностранных дел С. М. Броневский, а не известный писатель — В. Б. Броневский, как это до сих пор считалось.

⁶ С. Горьяников. 1812 г. СПб., 1912; В. А. Ульяновский. Материалы к истории восточного вопроса в 1808—1812 гг. М., 1901; А. Н. Попов. Славянская заря в 1812 г. «Русская старина», 1892, 1893, т. 76, 77; и др.

⁷ F. F a d n e r. Seventy years of panslavism in Russia. Karazin to Danilevskiĭ. 1800—1870. Georgetown univ. press. 1962; M. P e t r o v i c h. The emergence of Russian Pan Slavism. 1856—1870. New York, 1956.

⁸ См. об этом М. Вукићевић. Карађорђе. Кн. II. Београд, 1912, стр. 562.

Стремясь подчеркнуть, что так называемая конвенция Паулуччи — Карагеоргий (1807) не была двусторонним соглашением, а лишь фиксировала требования сербов, авторы публикации аннотируют ее под заголовком «Запись беседы Кара-Георгия с полковником Ф. О. Паулуччи» (т. IV, стр. 11). К сожалению, в комментарии не отмечено, что этот документ был составлен без участия Карагеоргия и даже против его желания, в результате переговоров Паулуччи со старейшинами — противниками предводителя восстания⁹.

Комментарии к опубликованным документам и аннотациям часто содержат лишь самые необходимые справки, а иногда представляют собой небольшие самостоятельные исследования, написанные на основе архивных материалов. Некоторые комментарии важны для правильного понимания особенностей политики России в Восточном вопросе, разногласий среди близких к царю лиц, влиявших на внешнеполитические акции правительства (например, т. II, примеч. 79; т. IV, примеч. 14, 45, 46 и др.). Иногда в них приводятся выдержки или полный текст некоторых документов, связанных с балканской проблематикой, как, например, воззвание черногорского митрополита Петра Негоша с призывом бороться против турок, составленные в 1809 г., донесение И. П. Фонтана П. И. Багратиону о встрече с Софронием Врачанским (т. V, примеч. 72, 288) и др.

Составителями допущены некоторые ошибки в переводе географической терминологии французских документов. В записках А. Чарторыйского иногда употребляется термин «esclavons», «esclavonne», который переведен как «словенцы», «словенский» (т. I, док. 256, 259; т. II, док. 51). Между тем Чарторыйский имел в виду не словенцев — австрийских подданных, а турецких славян в целом и замышлял создать славянское государство на Балканах. В одной из аннотаций вместо Славонии — области в Хорватии (la Slavonie) — также названа Словения (т. VI, стр. 419). В другом случае Словения идентифицируется с Крайной (т. V, стр. 749, 752).

Издание это принесет большую пользу как советским историкам-балканистам и славяноведам, так и зарубежным специалистам по истории международных отношений на юго-востоке Европы. Публикация первых шести томов русских дипломатических документов существенно облегчит отечественным и иностранным историкам изучение вопросов внешней политики России и международных отношений в Европе.

⁹ Там же, стр. 534—541.

IRENA KOBERDOWA. *Polska wiosna ludów. Warszawa, 1957, 258 s.*

ИРЕНА КОБЕРДОВА. *Польская весна народов.*

«Библиотека исторических знаний», которую создало и продолжает пополнять польское издательство «Ведза повсехна», может служить хорошим примером популяризации тех научных результатов, которых добывается польская историческая наука. В создании «Библиотеки», включающей уже десятки книг по отечественной и зарубежной тематике, участвуют преимущественно те из польских специалистов, работы которых могут считаться последним словом науки в соответствующей области. Одинаково оформляемые и богато иллюстрированные книги «Библиотеки» имеют объем от 15 до 20 печатных листов; они снабжены либо достаточно многочисленными ссылками на литературу, либо рекомендательной библиографией. Книги выходят значительными тиражами и все-таки в ряде случаев оказывается необходимым второе издание. Это объясняется, с одной стороны, неизменным интересом польской общественности к исторической тематике, а с другой, — высоким научным уровнем включаемых в «Библиотеку» книг, которые не только удовлетворяют разнородные интересы простых любителей истории, но и очень полезны учащейся молодежи, преподавателям школ и вузов, краеведам и т. д.

Одним из последних пополнений «Библиотеки исторических знаний» по серии «История Польши» является книга Ирены Кобердовой, посвященная тем событиям на польских землях, которые связаны с революцией 1848 г. или с «весной народов», как ее иногда называют. Теме этой уже посвящено немало специальных исследований польских историков: С. Кеневича, М. Жыховского, А. Мияковской, М. Тырновича и др.¹ Кроме того, весьма ценные исследовательские работы были собраны в многолетнем юбилейном издании, появившемся в столетнюю годовщину революции 1848 г., а источники воспроизведены в ряде публикаций². Однако

каждая из прежних работ либо охватывала не всю территорию Польши, а лишь часть польских земель, либо имела хронологические или какие-то ограничения. И. Кобердова впервые рассмотрела события всего периода 1846—1849 гг. на территории всей Польши, т. е. в полном объеме и во взаимосвязи друг с другом. При этом она основывалась прежде всего на имеющейся литературе, но в ряде случаев привлекла новые интересные архивные источники, главным образом из числа хранящихся в Главном архиве старых актов в Варшаве.

Существенно, что польские события даются в книге не только в единстве друг с другом, но и на широком общеевропейском фоне, в тесной связи с событиями прежде всего в Пруссии и Австрии, а также во Франции, Италии и России. Эту особенность отражает структура книги. Ее основные разделы посвящены, с одной стороны, событиям на западных польских землях и в Галиции весной 1848 г., т. е. в период подъема движения (главы 2—4, стр. 49—150), а осенью 1848 г. и в 1849 г., т. е. в период его спада (главы 7—9, стр. 164—231), а, с другой стороны, — событиям в Царстве Польском и в западных губерниях Российской империи, где революция 1848 г. имела значительный отклик, хотя и не вызвала открытых революционных выступлений польского населения (глава 6, стр. 151—163). Что касается первой главы книги (стр. 7—48), то она посвящена подробному освещению предыстории революции 1848 г. в Европе и на польских землях. В главе 10-й, завершающей изложение конкретного материала (стр. 232—246), описывается участие поляков в освободительной борьбе, которую в 1848 г. вели другие народы: итальянский, немецкий и венгерский. Наконец, в 11-й главе (стр. 247—251) анализируется та общая картина, которая воссоздана предшествующими главами, и подводятся итоги всему изложенному.

При сравнительно небольшом объеме книга И. Кобердовой чрезвычайно насыщена умело отобранным и хорошо поданным фактическим материалом. Ясность и лаконичность изложения, обилие фактов, тщательный анализ приведенного материала — вот характерные черты авторской манеры И. Кобердовой, проявившиеся и в настоящей работе. Многочисленные документальные иллюстрации (часть из них публикуется впервые)

¹ S. K i e n i e w i c z. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim. Warszawa, 1960; его же. Legion Mickiewicza. 1848—1849. Warszawa, 1957; M. Z u c h o w s k i. Rok 1846 w Rzeczypospolitej Krakowskiej i Galicji. Warszawa, 1956; M. T y r o w i c z. Jan Tyssowski, dyktator krakowski r. 1846. Warszawa, 1930; A. M i ł k o w s k a. Organizacja spiskowa 1848 roku w Królestwie Polskim. Warszawa, 1923.

² «W stulecie Wiosny Ludów. 1848—1948», т. I—V. Warszawa, 1948; «Rok 1848 w Polsce». Opracował S. Kieniewicz. Wrocław, 1948; «Galicja od pierwszego rozbioru do Wiosny Ludów (1772—1849)».

Opracował M. Tyrowicz. Wrocław, 1956; «Rewolucja polska 1846 roku». Opracował S. Kieniewicz. Wrocław, 1950.

удачно воссоздают колорит эпохи, дают представление о внешнем облике виднейших ее деятелей, о местах, с которыми связаны крупнейшие события тех лет, об одежде и вооружении повстанцев и о многом другом. Особенно ценным представляется воспроизведение ряда прокламаций, воззваний, объявлений, брошюр, характеризующих политическую программу борющихся групп и большой накал идейно-политических столкновений. Доходчивая форма и добротное научное содержание делают книгу И. Кобердовой интересной для широкого читателя и в то же время очень нужной для специалиста, который найдет в ней квалифицированный синтез имеющихся сведений и представлений по данной теме, основанный на очень широкой и вполне современной источниковедческой базе.

В критической части отзыва представляется необходимым высказать автору упрек в слишком сжатом изложении того, что связано с польскими землями, входившими в состав Российской империи. Конечно, важнейшие для истории Польши события 1846—1848 гг. происходили за пределами этих земель и автор правильно поступил, решив уделить основное внимание Познани и Вроцлаву, Львову и Кракову, а главу, посвященную российской части Польши, сделать максимально краткой (глава эта названа «Молчащее Королевство»). Думается, однако, что в названной главе, почти не увеличивая ее объема, можно было бы несколько подробнее рассказать о деятельности польских конспиративных организаций непосредственно в Царстве

Польском и в особенности за его восточными границами, т. е. в так называемых западных губерниях и в таких университетских центрах, как Петербург и Москва³. Это, разумеется, не изменило бы общей оценки, выраженной в заголовке «Молчащее Королевство», но позволило бы, во-первых, еще яснее показать, что молчание на восточных землях, поддерживаемое царским террором, было не столь уж глубоким и повсеместным, а, во-вторых, перебрало бы мостки от эпохи «весны народов» к последующему этапу истории польского освободительного движения, на протяжении которого роль Царства Польского, западных губерний и польских студенческих организаций в Петербурге, Москве, Кисеве, как известно, все более и более возрастала.

Высказанный упрек носит частный характер. Что же касается книги в целом, то впечатление от нее, как уже указывалось выше, вполне положительное; она должна занять место на книжных полках у всех, кто так или иначе интересуется историей Польши XIX века.

³ Литература последних лет, польская и советская, дает немало материалов по данной тематике. См., в частности: А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX века. М., 1962, стр. 117—143; W. Słowski. Polskie kółka studenckie w Moskwie i Petersburgu w czterdziestych latach XIX wieku — «Przegląd Historyczny», 1961, № 1, s. 43—60.

В. А. Дьяков

«ПЕСНЬ БОЛЕСЛАВА ЧЕРВЕНЬСКОГО»

Так назвал свое очередное исследование Юзеф Козловский¹. До этого он издал брошюру об авторе знаменитой «Варшавянки» — «Вацлав Свендцкий» — поэт «Пролетариата»² и книжку о встречах В. И. Ленина с поляками «Эпизоды и люди. Очерки о Ленине»³. Козловского, как видим, давно уже интересует польское рабочее движение и пролетарская поэзия.

Рецензируемая книга является первой монографией о Болеславе Червеньском (1851—1888), одном из зачинателей польской пролетарской литературы. В этом отношении ее следует поставить в ряд с исследованием Самуэля Сандлера «У истоков марксистской литературной критики.

Бронислав Бялоблочский» (1954). Де Сандлера о литературно-критической деятельности Б. Бялоблочского почти ничего не знали. О поэте Б. Червеньском, соратнике И. Франко и одном из редакторов львовской рабочей газеты «Прада», знали, правда, больше, но тоже не так уж много. В книге Ю. Козловского, написанной в основном по архивным материалам, впервые дается обстоятельная, научно проверенная биография писателя, освещается его переход от позитивизма к социализму, его участие в социалистическом движении в Галиции, рассказывается история его отношений с Людвиком Варыньским, основателем первой польской марксистской рабочей партии, и т. д. Мы узнаем далее о том, что Червеньский был зачинателем не только польской пролетарской поэзии, а и социалистической повелюстики и даже драматургии. Свидетельством тому — тот прием, какой был оказан рабочими его песне «Раб» во время ее постановки в 1882 г. на сцене Краковско-го театра (стр. 126—129).

¹ J. Kozłowski. Pieśń Bolesława Czerwieńskiego. Warszawa, «Książka i Wiedza», 1966, 250 s.

² J. Kozłowski. Waclaw Swięcicki — poeta «Proletariatu». Warszawa, 1953.

³ J. Kozłowski. Epizody i ludzie. Szkice o Leninie. Warszawa, 1956.

Но так как больше всего Червеньский прославился своим «Красным знаменем», то этому стихотворению, понятно, отводится в книге центральное место. «Красное знамя» (1881), являющееся переделькой не дошедшего до нас текста песни парижских коммунаров «Le drapeau rouge» (стр. 50), стало одним из популярнейших гимнов рабочего люда. Не случайно среди переводчиков этой «революционной песни поляков», высоко ценимой В. И. Лениным и А. Бебелем, который, кстати, называл ее прекраснейшей песней мирового пролетариата (стр. 60), значатся имена Розы Люксембург и Георгия Бакалова. В течение долгих лет служила она боевым гимном не только для польских рабочих, а и для русских, немецких, чешских, венгерских, румынских, болгарских и др. Ее мелодия слышалась также в Азии и Австралии. Распространение песни (вопреки полицейским преследованиям), ее влияние на пробуждение классового сознания трудящихся, использование ее строк в качестве девизов социалистической прессой, случаи исполнения ее пролетарскими борцами, осужденными на смерть и томящимися в казематах, — обо всем этом рассказывает Козловский в своей книге. Затронутые им вопросы интересны как для историков, так и для литературоведов.

Книга снабжена библиографией и подборкой произведений Червеньского, в двух частях. В последнюю из них, кроме стихов, составитель включил также новеллу Червеньского «Фараон» и статью о поэте из «Шнеглэнда Тыгодневого» за 1882 год. Очень жаль, что в подборке не оказалось ни одного фрагмента из трагедии «Раб», рукопись которой была найдена лишь в 1955 г.

Если в освещении исторических фактов книга Козловского действительно сильна, то в литературоведческом отношении ее не назовешь таковой. Дать развернутый эстетический анализ творчества Червеньского помешал автору, вероятно, тот довлеющий над литературоведческой мыслью предрассудок, согласно которому причину популярности «возвышенных песен борьбы» (стр. 7) усматривают не столько в их художественности, сколько в их идейности, и даже красоту их мелодии из-за ее простоты и доступности ставят под сомнение. Надо сказать, что это более чем странная логика. Спросите у ее приверженцев, что, по их мнению, совершеннее: «Давид» Микеланджело или портрет Балдассаре Кастильоне кисти Рафаэ-

ля, — и вам растолкуют, что это вещи разного рода, несоизмеримые между собой, и как таковые они прекрасны каждая в меру своего вида. Но как только речь заходит о словесном искусстве, то это эстетическое правило почему-то забывается, и те же специалисты считают вполне допустимым сравнивать массовые гимны с песнями, рассчитанными на сольное исполнение, и даже с поэзией вообще, с любовной, медитативной и иной лирикой, предназначенной для индивидуального чтения. Причем мерилом поэтичности формы становятся в сущности сугубо абстрактные представления литературоведов о богатом ритме, необычной рифме, неожиданной метафоре, оригинальной инверсии или обороте, доступном подчас только людям с изощренным вкусом, и пр. А в действительности чем определяется истинная красота или поэтичность формы произведений каждого данного жанра (именно да и не о г о жанра, а не поэзии вообще, ибо различные жанровые формы опираются на свою особую литературную условность, в зависимости от которой, например, замысловатая инверсия в одних стихах вполне допускается, в других же исключается и, в частности, в гимнах, в которых преобладает логически простое и ясное построение фраз)? Итак, чем же определяется поэтическое качество формы? Ее способностью передавать заключенные в ней мысли, чувства и настроения читателям, слушателям, исполнителям, т. е. ее эффективность как средства ориентации сознания людей в их внутреннем и внешнем мире. Козловский доказал, что по силе своего воздействия на массы, а следовательно, и по своему историческому значению «Красное знамя» Червеньского уступает только «Интернационалу» да, возможно, еще двум-трем всемирно известным песням. Спрашивается, какими же еще формальными достоинствами должно обладать это стихотворение, чтобы его можно было признать поэтически безупречным в своем жанре? Стоит только поставить этот вопрос, как тотчас же выясняется, что старая песня о назначении поэзии, об ее истоках и силе до сих пор еще не спета...

Учитывая последнее, надо сказать, что книга Юзефа Козловского, при всех ее недочетах, заслуживает самой положительной оценки как своевременная и полезная, наталкивающая на размышления.

И. К. Горский

MIROSLAV ŠVAB. Prology a epilogy v čes'é preluhutske literatuře Praha, 1966, 252 s.

МИРОСЛАВ ШВАБ. Прологи и эпилоги в чешской предгуситской литературе

Тема книги Мирослава Шваба на первый взгляд не совсем обычна: в ней идет речь не о целых произведениях древней чешской литературы, а лишь о их составных структурных элементах — вступлениях и концовках. Однако знакомство с нею убеждает, что такой аспект исследования вполне возможен. И дело здесь не только в том, что прологи и эпилоги в чешской литературе IX—XIV вв., как, впрочем, и в других литературах того времени, — достаточно автономные части произведения, которые можно рассматривать как первичные единицы в составе объединяющих жанров. Специальное изучение прологов и эпилогов позволило сделать некоторые наблюдения и выводы, касающиеся не только их, но и всего раннего чешского литературного развития, позволило увидеть в далеком прошлом ростки литературных явлений более позднего времени.

В книге рассмотрено 139 прозаических стихотворных произведений, возникших в Чехии до XV в., написанных на старославянском, чешском и латинском языках, начиная с латинской Легенды о св. Вацлаве и св. Людмиле, известной под названием «Легенды Кристиана», и кончая произведениями Томаша Штитного. Наряду с ними внимание автора привлекли «Хроника Козьмы Пражского», «Александрида», «Далимилова хроника», «Новый совет» Смилы Фляшки. Степень подробности разбора тех или иных литературных памятников не одинакова. Однако сделанные в результате исследования выводы достаточно аргументированы, что составляет одно из главных достоинств работы.

Как отмечает М. Шваб, в функциональном отношении прологи и эпилоги прошли определенную эволюцию. Если вначале они как бы ставили произведение под защиту авторитетов, то в дальнейшем они больше отмечены авторской заботой о восприятии сочинения читателем, отражают общественную позицию автора, раскрывают его замысел и т. д.

Прологи играли большую роль в древнечешской литературе, чем эпилоги; они делятся на прологи с «инспирированным религиозным воодушевлением» и прологи, «содержащие деловую информацию и апологию» (последние особенно интересны для литературоведа). «Прологи и эпилоги, — говорится в книге, — отличаются приотливыми соотношениями постоянных и изменчивых элементов». «Повторяющиеся места» (автор называет их *tori*) сочетаются в них с национально особен-

ным, с проявлением авторской индивидуальности.

Как показывает содержание чешских прологов, особенно в XIV в., когда чешский язык потеснил латынь, стимулом к литературному творчеству нередко было национальное чувство, что в средневековой европейской литературе на латинском языке отмечается очень редко. Характерной чертой чешской литературы на чешском языке в первой половине XIV в. было усиление в ней светского начала.

Средневековые чешские прологи, как это показано в книге, содержали в себе зародыши литературной теории и критики. Автор усматривает их, например, в «Далимиловой хронике», сочинениях Фляшки, Штитного, Кольды из Кольдиц. В конце книги коротко прослеживается судьба прологов и эпилогов, или, как они еще называют, «обрамляющих элементов» в чешской литературе последующих веков, отмечается постепенное расчленение пролога, особенно в XIX в. Его начинают замещать тексты на титульном листе, посвящения, эпитафии и т. д. Наиболее близкими к древним прологам в наши дни, по мнению автора, являются предисловия к научным книгам. Такой вывод представляется правомерным, если иметь в виду важную, но во многом все же внелитературную роль, выполняющуюся древними прологами. Менее четко, как нам кажется, вскрыты в заключении историко-генетические корни художественного пролога и эпилога в современной литературе.

Рассмотрению собственно чешских прологов и эпилогов (стр. 49—219) в книге предпослана глава, посвященная общим вопросам бытования подобных простейших жанровых единиц в литературах античности и европейского средневековья, их связи с риторикой и поэтикой древности (стр. 17—48). В книге содержится ряд показательных межлитературных сравнений. Нельзя, однако, не пожалеть, что, сравнивая чешские прологи с немецкими и французскими, автор не обратился к славянским литературам, в частности к русской. Думается, что это могло бы только обогатить книгу. Произведения древнерусской литературы нередко содержат самостоятельные вступления: достаточно, например, вспомнить «Слово о полку Игореве», «Житие Александра Невского» и др. Сравнительно-типологическое рассмотрение вводимых и заключительных частей древнечешских и древнерусских произведений, возможно, позволило бы полнее и глубже раскрыть тему исследования, поставить ее несколько шире.

Приложенный к книге список использованной литературы включает несколько советских авторов, но это не специалисты по древнерусской литературе. В связи с этим хочется заметить, что затрагиваемые в книге «Прологи и эпилоги...» вопросы в какой-то мере освещены в советских работах по древней русской литературе. Так, например, в книге И. П. Еремина «Литература древней Руси», в статье «Жанровая природа „Слова о полку Игореве“» высказываются очень близкие М. Швабу мысли о функциональном назначении вступлений или прологов. Особенно много плодотворных, на наш взгляд мыслей, тесно связанных с проблематикой изучения «Прологов и эпилогов...», содержит одна из глав книги Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», а именно «Отношения литературных жан-

ров между собой». Мы говорим об этом, полагая, что автор продолжит свою работу над избранной им темой.

Книга «Прологи и эпилоги...» еще раз напоминает о том, как важно для самостоятельных обобщений и выводов обстоятельно изучить фактический материал. Можно согласиться с чешским рецензентом Эд. Тихой, что значение книги шире «рамок чешской литературы и потребностей чешских исследователей»¹. Эта работа безусловно интересна для тех, кто занимается древним периодом русской и других славянских литератур. (Книга имеет резюме на русском и английском языках.)

¹ «Česká literatura», 1967, č. 4, s. 380.

Л. К.

Български диалектен атлас. II. Североизточна България, ч. 1. Карти; ч. 2. Статии, коментари, показалци. Съставен под ръководството на Ст. Стойков. София, 1966

Выход в свет т. II Болгарского диалектологического атласа (БДА), выполненного сотрудниками Института болгарского языка Болгарской академии наук, является крупным событием в болгарском языкознании. Работа по составлению четырехтомного атласа болгарских говоров была начата в 1956 г. Том I атласа, вышедший в 1964 г., был составлен болгарскими и советскими языковедами под руководством проф. Ст. Стойкова и проф. С. Б. Берштейна. Том II БДА, в котором картографируются говоры северо-восточной Болгарии, является непосредственным продолжением т. I, посвященного юго-восточным говорам Болгарии. Он выполнен по той же программе и составлен по тем же принципам, что и т. I. Изменения, внесенные авторами в т. II, касаются лишь частных деталей: интерпретации отдельных карт, уточнения названий и в отдельных случаях замены карт на явление более частными картами на явление в отдельных словах.

В т. II картографируется материал из 265 населенных пунктов—всех сел со старым и единым по говору населением, сохранившимся на территории северо-восточной Болгарии. Старым считается население, поселившееся на данной территории не позднее XVIII в. Села, основанные позднее, как правило, не были по составу населения и говору и потому не включены в атлас, за исключением нескольких сел в Варненской, Провадийской и Толбухинской околиях, образованных в первой половине XIX в. переселенцами из сел с ерчекским говором. В территориальном отношении они образуют единую группу со старыми ерчекскими селами.

Территория т. I и II БДА представляет собой в известном смысле замкнутое целое, так как в миграционных процессах XIV—XVIII вв., определивших современное распределение старых говоров на картографируемой территории, участвовало в основном население северо-восточной и юго-восточной Болгарии. Вопрос о многочисленных передвижениях населения и о составе современного населения этой части Болгарии подробно освещается в большой вступительной статье «Население северо-восточной Болгарии».

Несмотря на тесную связь между говорами I и II т., каждый из этих томов имеет свою специфику, которую отражает значительное число карт, не имеющих соответствий в другом томе. Второй том включает 290 карт, на 13 карт больше, чем первый том. 147 карт являются общими для обоих томов, т. е. характеризуют распространение картографируемых явлений на всей территории восточной Болгарии от 25 меридиана до Черного моря. 123 карты т. II отражают явления, которые на территории т. I не картографируются или не дают интересных изоглоссов. В свою очередь, 110 карт первого тома не имеют соответствий во втором. Это, главным образом, карты, отражающие специфику русско-родосских говоров.

На картах т. II значительно больше пустых мест, чем на картах т. I. Это связано с тем, что старые говоры северо-восточной Болгарии сохранились хуже, чем на юге. Но тем важнее данные этих говоров для характеристики старых диалектов, некогда расположенных на территории северо-восточной Болгарии.

До выхода в свет т. II атласа представление о говорах северо-восточной Болга-

лши, особенно о придунайских говорах, было весьма приблизительным. Старые говоры данной территории не были выявлены, и их характер определялся гипотетически. Так, Л. Милетиц типичным представителем старых мизийских говоров считал шуменский говор, который, по его мнению, наиболее хорошо сохранился в сыртских селах. Типичную для этого говора членную форму *-o* он считал характерной чертой мизийских говоров и определял старые северо-восточные говоры как говоры *o*-диалекта¹. Б. Цонев в качестве классификационной черты, различающей северо-восточные и юго-восточные говоры, выдвигал другой признак — произношение *ѓ*. Находя в говоре сыртских сел южный тип произношения *ѓ* и некоторые другие особенности, общие с рупскими говорами, он пришел к заключению, что жители сыртских сел являются переселенцами с юга². Материал т. II БДА, характеризующий говоры всех сел со старым населением на территории северо-восточной Болгарии, позволяет по-новому подойти к решению спора болгарских ученых о происхождении шуменского говора и классификации восточноболгарских диалектов.

Обращая на себя внимание следующие факты. Говор сыртских сел (говор шиковцев)³ представляет собой не просто смесь мизийских и рупских особенностей, что могло бы быть объяснено смешением рупского и мизийского населения. В этом говоре явно преобладают черты, объединяющие его со старыми мизийскими говорами⁴. Более того, насколько можно судить по картам атласа, значительная часть черт, общих у этих говоров с рупскими, присуща и другим старым говорам восточной и центральной части северо-восточной Болгарии. Такие характерные для руп-

ских говоров черты, как ударение на первом слоге в словах среднего рода — *мѣсо* (131/112)⁵, *брáшно* (127/106), *пѣро* (133/155), *сѣно* (135/117), *срѣбро* (136/118), *гърне* (128/108), *крѣсно* (130/111), ударение на первом слоге в формах множественного числа существительных — *кѓни* (140/99), *брáди*, *глави* (141/100), *жѣни*, *мѣми* (142/101), *ѓоци* (143/103) и др., флексия *-e* в формах множественного числа многосложных существительных мужского рода типа *градинаре*, *граждане* (168/45), *ръкаве*, *гълъбе* (164/46) и некоторые другие, находим не только в говоре сыртских сел, но также в еркенском говоре (восточная часть территории второго тома) и в говоре центральной части — у слийцев или гребенцев на севере по Дунаю, хырцоев или полянцев в районе Тырговишта и Шумена. Флексию *-e* находим также в говоре капанцев (Русе — Разград — Попово), который по ударению примыкает в ряде случаев к говорам западной части территории второго тома. Широкое распространение в мизийских говорах за пределами сыртских сел имеют и другие рупско-родопские черты, например: произношение *обл'акъла* в отличие от *обл'акла* в говорах балканских и западных (3/4), проанашение *e* на месте ст.-болг. *ь* в слове *тенко* в отличие от *тънко* в северо-западных говорах и говорах «загорского клина» (5/6), мягкость конечных согласных (карты 54/43, 55/44, 56/45, 58/47, 59/48, 60/49, 61/50).

Мы позволим себе не согласиться с следующим выводом авторов атласа относительно говора сыртских сел: «Данные этого тома БДА *бесспорным образом* (курсив наш. — Е. Ч.) показывают, что, несмотря на некоторые важные общие черты, говоры окрестностей Шумена и говоры сыртских сел существенно различаются по ряду фонетических, словообразовательных и лексикальных особенностей. Кроме того, некоторые характерные для говора сыртских сел особенности действительно связывают его с южноболгарским, рупским говором и делают весьма правдоподобным утверждение Б. Цонева о южноболгарском происхождении этого населения» (ч. 2, стр. 16).

Карты атласа показывают, что говор сыртских сел не представляет инородного тела среди окружающих его старых северо-восточных говоров, но органически вписывается в данную диалектную область. И даже такая важная классификационная черта, как произношение *e* широкого (*ѓ*) на месте *ѓ* под ударением перед мягким согласным типа *бѣли*, *недѣл'а*

¹ Л. М и л е т и ц. Източните български говори. — «Сборник за народни умотворения», кн. XXI, 1905, стр. 62 и след.; с г о ж е. Старото българско население на северозточна България. София, 1902, стр. 15 и след.

² Б. Ц о н е в. Диалектни студии. 1. Поправки и допълнения към Милетичевата книга «Das Ostbulgarische». — «Сборник за народни умотворения», кн. XX, 1904, стр. 31.

³ К группе сыртских сел относятся Каспичан (1870), Кюлевча (1874), Овчарово (1877), Марково (1880), Косово (1891), Неново (1892), Равна (1893), Черковна (1894), Кривяя (1895), Снежина (1896), Градинарово (1921).

⁴ Подробнее об этом и о происхождении рассматриваемых ниже чийшских говоров см. в статье Г. П. Клепиковой и Т. В. Поповой «О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка» — «Вопросы языкознания», 1958, № 6.

⁵ Здесь и ниже в скобках первое число указывает номер карты в т. II, второе число — номер соответствующей карты в т. I.

(14/18) и шишащим типа *грѣшка, мрѣжа, млѣчка* (15/19), представлена не только в говоре сырских сел, но и во всех шуменских и ерчешских говорах. Все это позволяет предположить, что русско-родопские черты в указанных говорах представляют собой остатки исконной общности северо-восточных и юго-восточных говоров, что некогда существовало значительное число изоглосс, шедших с юга на север и объединявших мизийские и восточно-рупские говоры. При этом изоглоссы одних явлений шли с юга на север, не охватывая всех северных говоров (например, произношение *e* широкого (*ѣ*) на месте *ѣ*), а изоглоссы других явлений охватывали все северные говоры, но не достигали каких-то групп говоров на юго-восточной территории (например, членная форма *-о*, не распространенная в страджанских говорах). Впоследствии значительная территория от Страджди до Балкан была опустошена турками, а потом заселена новым болгарским населением. Это часть территории так называемого «загорского клина», охватывающего долины рек Марицы и Тунджи. Трудно сказать, где проходила ранее южная граница *о*-диалекта, какой тип говоров характеризовал территорию современного «загорского клина» на восток от Тунджи. В настоящее время здесь находятся говоры *о*-диалекта. Как известно, Л. Милетич считал эти говоры переселенческими на данной территории. Б. Цонева был склонен считать их автохтонными. Изоглосса членной формы *о*-диалекта идет с севера на юг, охватывая все основные группы старых северо-восточных говоров: говоры вдоль Дуная от Силистры до Тутракана (елищцы или гребещцы), по реке Русенски Лом и ее притокам (капанцы), центральные говоры (хырцоп и шиковцы). Таким образом, эта действительно черта, присущая многим мизийским говорам. Членную форму *-о* находим в балканских говорах от Котела до Айтоса и далее на территории первого тома между рекой Тунджой и Страдждой (169/152, 171/153 и др.). С изоглоссой членной формы *-о* совпадает изоглосса *сне* — формы 1 лица множественного числа глагола *съм* (189/178).

Носителей *о*-диалекта на территории между Тунджой и Страдждой окрестное местное население называет загорцами. Сохранившиеся предания о переселении загорцев из северной Болгарии на юг подтверждаются историческими данными, объясняющими это переселение усилением турецкой колонизации северо-восточной Болгарии в XVI—XVII вв. Массовым движением загорцев в пределы юго-восточной Болгарии и объясняется расширение границ *о*-диалекта с севера на юг.

Мы не считаем, что приведенные выше факты и соображения безоговорочно подтверждают точку зрения Л. Милетича.

Данная проблема, может быть, получит большую ясность после выхода в свет третьего тома БДА, посвященного юго-западным говорам.

Материал т. II БДА позволяет внести существенные коррективы в наши представления о происхождении болгарских говоров на территории Советского Союза.

В частности, по-новому решается вопрос о родине так называемых чийшійских говоров Бессарабии. Авторы «Атласа болгарских говоров в СССР», принимая точку зрения Б. Цонева о южном происхождении шуменского говора, естественно, искали среди болгар, переселившихся в Бессарабию из восточной Болгарии, носителей старых мизийских говоров, так как по историческим свидетельствам переселенцы оттуда имелись. Возникло предположение, что такими говорами могли быть говоры типа чийшійских, которые отличались от подбалканских более последовательным северо-восточным произношением *ѣ* и рядом других черт, свойственных северо-восточным говорам. «Говоры этой группы, — пишут авторы «Атласа болгарских говоров в СССР», — принадлежат к одному из северо-восточных диалектов Болгарии. Точно определить территорию этого диалекта пока не представляется возможным, так как до сих пор отсутствуют какие-либо диалектологические описания областей к северо-востоку от шуменского диалекта»⁶. Второй том БДА позволяет проверить эту гипотезу. Оказывается, что ни в одном из говоров на мизийской территории нет набора диалектных черт, свойственного бессарабским чийшійским говорам. Правда, болгарские диалектологи отмечали интенсивный процесс влияния балканских говоров на северо-восточные. Это давало основание думать, что чийшійские говоры метрополии представляют «один из старых северо-восточных диалектов, который в самой Болгарии, может быть, не сохранился в своем прежнем виде»⁷. Однако и это оказалось не так. Наиболее близкий набор признаков находим в говорах группы сел, расположенных на территории т. I, а именно сел Чирпанской, Пловдивской, Карловской и Казанлыкской околій (3075, 3076, 3091, 3092, 3098, 3099, 3101, 3102, 3103, 3104, 3105, 3116, 3118, 3723а, 3723б)⁸. По демографическим данным это села с коренным населением, многие из которых существовали еще до начала турецкого ига. Большая часть черт, объединяющих эти говоры с чийшійскими, имеет распространение в северо-восточной Болгарии, иногда только в

⁶ «Атлас болгарских говоров в СССР», М., 1958, стр. 35.

⁷ Там же, стр. 36.

⁸ Список указанных под номерами сел см.: «Български диалектен атлас», I. Югоизточна България, ч. 2, София, 1964, стр. 189.

западной или северо-западной ее части (например, частица будущего времени *же*). Другие черты являются общими с рупско-родопскими говорами, например, произношение *нъш*, не отмеченное как будто в говорах, расположенных на территории т. II. Это объясняется тем, что говор указанных сел находится на стыке северо-восточных и юго-восточных говоров.

Выход в свет т. II БДА дает возможность более обоснованно решать и другие вопросы, связанные с проблемой диалектного членения на территории восточной Болгарии и важные как для диалектологии, так и для истории болгарского народа. Укажем, например, вопрос о происхождении говоров так называемого «загорского клина», в формировании которых, как теперь становится очевидным, участвовало несколько потоков. Интересны данные этого тома и для истории языка (хотя бы уже потому, что здесь картографируются говоры района Тырново — крупнейшего центра среднеболгарской письменности) и для решения вопросов о диалектной принадлежности новоболгарских дамаскинов.

Остановимся теперь на некоторых специальных вопросах картографирования. Второй том БДА, его карты и комментарии составлены на основании тех же принципов, которые были приняты в первом томе. Однако имеются известные расхождения в частном решении некоторых карт, в названиях карт, и использовании условных обозначений. Нам представляется, что из двух возможных решений темы карты следует выбирать такое, при котором карты разных томов были бы сопоставимы, и лишь в крайних случаях отступать от принятых обозначений и принципов. В первом и во втором томах по-разному составлены карты на произношение безударных гласных на месте *ѓ*, *е*, *ь* (41/23, 42/24, 43/25). Во втором томе отдельным знаком отмечены все фонетические записи безударных вариантов данного звука: *е*, *ѓ*, *ѓ*, *и*, *'g*, *'ь*, в то время как в первом томе особым знаком на карте отмечалось лишь отсутствие редукции (*е*), редукция в сторону более узкого звука (*ѓ*, *и*) и редукция в сторону более широкого звука (*'g*, *'ь*, *ѓ*). Более частные различия отмечались в комментариях. Решение, принятое во втором томе, нам кажется менее удачным, так как карта, благодаря обозначению каждого варианта особым знаком (цветом), не дает представления об основном направлении в изменении безударного звука. Говоря о редукции, нужно иметь в виду, что в определении ее степени часто отражается субъективное восприятие собирателей, имеющих различный опыт полевой диалектологической работы. Не случайно поэтому карты на безударный вокализм мозаичны и не дают четкого представления о диалектном членении данной территории. Все же и при таком

решении карты двух томов могли бы быть сопоставимы, если бы цвет, обозначающий отсутствие редукции в т. I, не был бы использован в т. II для обозначения другого явления. Принцип передачи самостоятельными знаками (цветами) всех произносительных вариантов безударных гласных в т. II проведен не на всех картах. Иногда составители от него отступают, допуская обобщение отдельных вариантов, например, на картах 48, 49 *е* и *ѓ* обозначаются одним знаком, а на картах 37—47 для этих звуков использованы различные цвета. Одни и те же варианты порой обозначены разными цветами, например, на картах 37—47 звук *и* обозначен красным цветом, а на картах 48, 49 — коричневым. С точки зрения задач сопоставления карт I и II т. удачнее решить карты на лабиализацию *и* (32, 33, т. II). Составитель также дает на картах т. II больше произносительных вариантов, чем в соответствующих картах т. I, но сохраняет близкую символику цветов, что делает карты сопоставимыми.

На территории восточной Болгарии отмечено большое разнообразие вариантов на месте этимологического *х*. В отличие от большинства карт на произношение безударных гласных, где отражено максимальное количество произносительных вариантов, некоторые карты, посвященные судьбе *х* (86, 87, 89), отражают лишь наличие или отсутствие *х*, а замена *х* другими согласными отмечается в комментариях, иногда даже без приведения лексического материала (см. комментарий к карте 89), что вообще является отступлением от принятых в атласе правил комментирования. Между тем в славянской фонетике отсутствие звука на месте *х* и замена *х* другими звуками имеют самостоятельное значение, и было бы правильнее, если бы атлас отразил эти разные явления как равноправные, тем более, что сохранение *х*, его различные замены или просто отсутствие *х* являются немаловажным критерием для выделения групп говоров. В большей степени отвечает этой задаче другой тип карт на произношение *х*, представленный в атласе. Это карты 90—95 на конечное и интервокальное *х* в разных категориях слов. Тема карты здесь формулируется так: «Вид согласного на месте *х*...». На этих картах отмечаются особыми цветами *х* и его замены различными согласными (*с*, *ѓ*, *й*), а отсутствие звука отмечено знаком отсутствия явления.

Как и в т. I, в т. II принят следующий порядок использования цветов: красный, черный, синий, желтый, зеленый, коричневый. Использование цветов в т. II, как правило, зависит от употребления цветов в т. I (в картах аналогичной тематики). Однако в некоторых случаях составители карт т. II не учитывают использование цветов в соответствующей карте т. I, что сильно затрудняет сопоставление

карт обоих томов. Только невниманием составителей можно объяснить разное цветовое обозначение членной формы *-ът* на картах 175/157. Неоправданное изменение цветов находим также на картах 183/168, 214/198, 213/199, 217/206, 220/205, 230/220 и др. В крайнем случае, следовало бы поступать так, как сделано на карте 227, где введены новые обозначения (фигуры и цифры), а значение цветов, использованных на карте 216 т. I, не нарушено.

Имеются различия и в формулировке темы карт. В основном внесенные изменения улучшают и уточняют формулировки темы карт (например, 30, 38) и приближают их к духу самой программы, имеющей определенно выраженную историческую ориентацию. Так, например, принятая во втором томе формулировка «Вид ударного гласного на месте др.-болг. *ѣ* в абсолютном конце слова» (карты 18, 19) в этом смысле точнее, чем в первом томе, где не указывается древнеболгарское соответствие (карты 20, 21).

Принципиальное возражение вызывает решение карт 115—120, в которых не разграничиваются явления морфологического и фонетического характера — флексия слов женского рода *-а* и *-ъ*, из которых первая восходит к именительному, а вторая к винительному падежам, причем флексия *-ъ* представлена рядом вариантов, отражающих различное произношение гласного на месте древнеболгарского юса большого.

Несомненным достоинством второго тома является то, что в нем представлено больше карт на явления безударного вокализма, на произношение *х* и различных групп согласных, на явления в отдельных словах.

Можно поздравить болгарских диалектологов с крупным научным успехом и пожелать скорейшего завершения работы над атласом, значение которого возрастает с выходом в свет каждого нового тома.

Е. Чешко

К. М. КУЕВ. Черноризец Храбър. София, 1967, 454 стр.

К. М. КУЕВ. Черноризец Храбр

Рецензируемая книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена исследованию об авторе и его сочинении «О писменехъ», а также рассмотрению связанных с этим других вопросов (стр. 11—182). Во второй части (стр. 185—418) опубликовано 67 полных списков или переделок указанного сочинения и 6 его фрагментов. Пять источников из 73 публикуются впервые. Каждый список предваряется вводной заметкой о сборнике, в составе которого находится публикуемый список, о времени происхождения списка и т. д., а также о библиографии, связанной с публикацией и исследованием данного списка. Типографский набор точно передает орфографические, языковые и палеографические особенности списка: титла не раскрыты, сохранены надстрочные знаки и пунктуация рукописи. К сожалению, в публикации не отмечается начало и конец строк рукописи; выделяется только начало и конец листа двумя вертикальными чертами, а на полях при этом ставится цифра, обозначающая номер листа сборника, в составе которого находится публикуемый список сочинения Черноридца Храбра. В приложении (стр. 421—448) помещены фотокопии списка иеромонаха Лаврентия (1348 г.) и Писского списка из Герцеговины (XV—XVI в.), а также 11 фотокопий фрагментов из разных рукописей. Уже одно только перечисление частей книги показывает, что перед нами — серьезное научное издание.

В предисловии автор пишет: «Черноризец Храбр является одним из самых инте-

ресных и самых значительных староболгарских книжников конца IX и начала X в. Большое значение этого книжника обусловлено тем, что его сочинение „О писменехъ“ дает такие сведения о происхождении и начале славянской письменности, каких у других авторов нет, а также его мировоззрением. Своей острой и непримиримой борьбой против так называемой трезычной ереси, своим пониманием равноправия народов в создании культурных ценностей, своим диалектическим способом мышления он противопоставит всему тогдашнему средневековому мировоззрению и проведет культурную революцию. В этом отношении Храбр безусловно идет по пути славянских первоучителей Кирилла и Мефодия» (стр. 5).

Обоснованию процитированного тезиса и посвящена первая часть рецензируемой книги. Обозревая все предыдущие издания сочинения Храбра, автор отмечает, что до сих пор не обращено должного внимания на то, что впервые это сочинение было напечатано в букваре, изданном, вероятно, в Вильне около 1575—1580 г. (стр. 11). П. Шафарик в своей книге «*Mnicha Chrabra o písmelech slovanských*», как установил К. Кувев еще раньше, сочинение Храбра издал не по одному списку 1348 г., а дополнил его цитатами из других списков (стр. 13—15).

В главе II «Время и место написания сказания» К. Кувев приходит к выводу, что сочинение «О писменехъ» могло быть написано около 893 г., когда остро стоял вопрос о введении в богослужение в Бол-

гарии славянского языка и письменности. К этому же времени относится появление Учительного евангелия, Историкки Константина Преславского и других сочинений (стр. 25 и сл.). В связи с этим автор полагает, что такие спорные места редких списков «О писменехъ», как *сѣтъ бо еше живѣ иже сѣтъ видъ ѣлихъ* (т. е. Константина и Мефодия), *аще ли кто речеъ яко нѣкътъ оустранѣа добрък, понеже сѣа истражажѣи* и еше, были в первоначальном тексте сочинения Храбра. Последняя из приведенных цитат, по мнению К. Куева, особенно убедительно указывает на время написания сочинения «О писменехъ», поскольку Храбр здесь выступает как современник событий, происшедших в Болгарии в период с 886 г. по 893 г. Далее указывается на архаизмы в языке сказания, свидетельствующие, что сочинение Храбра могло появиться рано. К ним автор относит употребление слова *прѣкляженѣ* в значении «перевод с языка на язык», дательного падежа местоимения *чесемоу*, аориста *рѣша*, формы причастия *педобавше сѣ*, существительного *животъ* (в каком смысле оно архаизм — не понятно), наречия *тъкмо*. Список подобных архаизмов, не отмеченных автором, можно дополнить формой прилагательного *члкъ* (*члвкъкъ*), формами аориста *начать*, *вѣрѣтъ*, действительно характерных для старших списков памятников старославянской письменности. Отмечаемое как моравизмы имя *растникъ*, по мнению К. Куева, могло быть усвоено в Болгарии от учеников Константина и Мефодия, пришедших туда из Моравии после 885 г., а моравское происхождение формы *четыре* между *десѣтъма* (см. так называемый Вроцлавский список, стр. 215) он пытается отрицать на том основании, что такие формы числительных встречаются нередко в разных рукописях. Разумеется, это не довод. Автор проходит мимо последовательно употребляемых *жидове*, *жидовскѣ*, *вѣукарѣ*, которые едва ли можно рассматривать иначе, как моравизмы, и которые могут быть более убедительными доводами для обоснования тезиса автора о раннем происхождении апологии Храбра, поскольку они показывают, что автор сочинения «О писменехъ» прошел школу учеников Константина и Мефодия.

В главе III, посвященной вопросу об авторе сказания «О писменехъ», К. Куев доказывает, что Храбр — не псевдоним, как полагают многие, а настоящее имя автора апологии (стр. 38 и сл.). При этом он пишет: «Что имя Храбр было популярным в староболгарскую эпоху, свидетельствует ряд происшедших от него названий лиц, местностей и сел» (стр. 42). Исследование автора все же не снимает ряда вопросов, в частности, почему этот Храбр нигде и никем не упоминается?

Глава IV посвящена реконструкции первичного текста (стр. 45—55). Автор

здесь ограничивается рассмотрением отдельных спорных мест и не подвергает кропотливому сравнительному изучению тексты большинства дошедших до нас списков, которые, возможно, и предоставили бы более убедительные данные о том, что в рассматриваемых списках можно более или менее бесспорно отнести к первичному тексту и что к вторичным переделкам. Утверждение автора, что сказание «О писменехъ» было написано глаголицей, пока бездоказательно, хотя такого мнения придерживались и другие исследователи. Неизвестно, как можно согласовать с глаголицей утверждение Храбра *и сѣтвори имѣа ѣ. письменѣи и осемъ, ѡва ѣгѡ по чинѡу грѣцкѣхъ писменъ, ѡва же по словѣнѣткѣ ирѣчи*. Какие же письмены глаголицы созданы по чину... *словѣнѣткѣ ирѣчи*? В глаголице можно найти буквы, хотя бы отдаленно напоминающие греческие литеры, и буквы бесспорно напоминающие еврейско-самаритянские¹, но где же тут славянские?

В следующей главе убедительно показаны греческие источники сочинения Храбра (стр. 56—71), но К. Куев почти не останавливается на славянских источниках сказания Храбра. Прежде всего следовало бы указать на Жития Константина и Мефодия, которые автор книги именует «Паннонскими легендами», как на бесспорный источник сказания Храбра.

Много внимания уделяет автор тому, по какой эре — александрийской или византийской — следует принимать дату Храбра о сложении славянских письмен Константином-философом (стр. 85—148). Приводится много убедительных данных, свидетельствующих о том, что в период, когда Храбр мог написать свое сочинение (конец IX — начало X в.), преобладала александрийская эра обозначения летоисчисления. По этой только причине автор считает бесспорным, что датой Храбра может быть только 863 г., отнюдь не 855 г. При этом, правда, сам автор не отрицает того, что приведенные им «аргументы в пользу мнения, что дату 6363 следует исчислять по александрийской эре, имеют скорее априорный характер» (стр. 144). В подкрепление же своего чтения указанной даты К. Куев ссылается на то, что принятие 855 года как даты составления славянской азбуки будет противоречить утверждению Храбра и сообщениям «Паннонских легенд».

Что сочинение Храбра в отношении датировки составления Константином славянской азбуки целиком зависимо от Жития Константина, едва ли подлежит сомнению. «И поэтому, — пишет К. Куев, — защитникам даты 855 г. предстоит доказать неоспоримым образом, что сообщение „Паннонских легенд“ не соответствует исторической правде» (стр. 144).

¹ J. V a j s. Rukověť hláholské paleografie. Praha, 1932, s. 60—76.

У нас лично большие сомнения в том, что уже в первичном тексте Жития Константина было указание на время составления им славянской азбуки. По имеющимся данным, место жития тогда (вариант: *апѣ*) сложи писмена и нача вєсѣдоу писати евангелєскоу; несконн (вариант: еспєрва) вѣк слово и слово вѣк оу (вариант: ѿ) вєга, и вєгъ вѣк слово, и прочая² — поздняя восточноболгарская вставка (интерполяция) в тексте Жития Константина. Мотивы и доводы, почему приведенная цитата представляет собой именно интерполяцию, нами изложены в других работах³, на которые не раз обращал внимание А. Калждан⁴. Тем не менее и К. Куев и другие авторы пока упорно замалчивают этот факт, продолжая утверждать, что «Панновские легенды», как и сочинение Храбра, «остаются и сегодня самыми достоверными и самыми ценными историческими документами по вопросу о начале славянской письменности» (стр. 144).

Ныне признается неоспоримым, что Житие Константина, составленное в Моравии, существовало до 882 г. Как известно, в старших списках переводов евангелия, псалтыри и апостола мы не находим слова *писма* — *писмена* в переводе греч. τὸ γράμμα, τὰ γράμματα, ἡ γραφή, ἡ βιβλος, которые последовательно переданы словом *кѣнны* и исключительно редко (и то в компленторной части тетра Л. XVI, 6 и 7) — словом *вєукѣн*. Слово *писма*, зафиксированное в евангелиях Мф. V, 18 в переводе греч. ἵστα, в восточноболгарских списках вновь замещается греч. *иета*, *иета*. В Болгарии, как свидетельствуют об этом различные граффити, обнаруженные археологами за последние десятилетия, уже в начале IX в. пользовались греческим алфавитом. По крайней мере запись болгарского хана Омуртага о строительстве моста, датированная 814—831 гг., выполнена греческим алфавитом⁵. Позже, когда в Болгарию пришли ученики Константина и Мефодия, в применявшийся греческий алфавит добавили из глаголицы недостающие буквы для обозначения специфических звуков. Первая надпись с упоминанием царя

Бориса, где употреблены глаголические буквы «б» и «ъ», датируется 893 г.⁶

Вполне понятно, что в этих условиях в Болгарии оформились собственные термины *писма* — *писмена*, соответствующие греч. τὸ γράμμα, τὰ γράμματα. Писание — ἡ γραφή. Этими словами в восточной Болгарии при переписывании принесенных сюда из Моравии памятников старославянской письменности стали заменять слова *кѣнны*, и *кѣукѣн* когда они означали «буква, алфавит, св. писание», оставляя слово *кѣнны* только в значении ἡ βιβλος.

Если в датировке появления сказания Храбра «О писменех» прав К. Куев, то оказывается, что уже в начале X в. в Болгарии в значении «буква, знак письма» широко употреблялось слово *писма* — *писмена*. Так, в списке 1348 г. это слово, не считая заголовка, употреблено 28 раз, а *кнѣгы* — 12 раз, включая и *кнѣгъчѣ*. При этом слово *кнѣгы* по кирилло-мефодиевской традиции встречается тут и в значении τὸ γράμμα, τὰ γράμματα; ср.: *прѣжде оуѣмъ словѣкне не имѣхѣж кнѣгъ. нѣ чѣстѣмъ и рѣкамъ чѣтѣхѣж и гатахѣж* (стр. 188); *тримъ жѣмъ естѣ вѣк ѣвєлѣкѣж кнѣгамъ вѣти. ѣкоже вѣк ѣмъ писѣтъ. и вѣк дѣсѣка написана жєндѣвскы и римскы и славнскы. а славѣнскы ѣтѣтѣу. тѣмъ же вѣк естѣ славѣнскыж кнѣгы ѿ ва* (стр. 189). В последней цитате слово *кнѣгы* явно употреблено под влиянием текста евангелия Л. XXIII, 38. Ср. далее Косталтѣнъ . . . *писмена стѣорн и кѣнны. прѣложи* (стр. 190), где *кнѣгы* употреблено уже в значении ἡ βιβλος, а *писмена* — τὰ γράμματα. В ряде списков XV—XVI вв. читаем: *прѣжде оуѣмъ словѣкне не имѣхѣж писменѣ* (см. списки 2, 4, 9, 13 и др.; в № 8: не имѣхѣж кнѣгъ писменѣ⁷).

Изложенное тут (правда, исключительно фрагментарно) свидетельствует о том, что ни данные «Панновских легенд» об изобретении азбуки, ни сообщения Черноризца Храбра, опирающегося только на данные Жития Константина, нельзя считать бесспорно отвечающими исторической действительности, которая пока еще неясна.

Как известно, в сочинении Храбра «О писменех» после изложения того, что Кирилл писмена стѣорн и кнѣгы прѣложи, и приведения даты 6363 говорится: *сѣтъ же и ныи ѿкѣти, аже и ныде рєчѣмъ. а ныи нѣстѣ вѣрѣма* (стр. 191). Приведенную цитату К. Куев понимает в том смысле, что славянская азбука изобретена в 6363 г. и что имеются и другие доводы, которые Храбр за недостатком времени не

⁶ Там же, стр. 45 и сл.; е г о ж е. Развитие на негрѣцкѣте кирилломефодиевски буквени знаци в т. нар. кирилица. — В кн.: «Хиляда и сто години славянска писменост. 863—1963». София, 1963.

² П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 27.

³ См., в частности, А. С. Лавров. Някои въпроси от кирилло-мефодиевската проблематика. — «Български език», 1960, кн. 4.

⁴ А. П. Калждан к. Кем и кога написаны жития Кирилла и Мефодия? — «Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 183—185; е г о ж е. Письмо в редакцию. — «Вопросы языкознания», 1966, № 4, стр. 164—165.

⁵ И. Гошев. Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X в. София, 1961, стр. 22, 29.

может изложить (стр. 24 и сл.). Такое понимание приведенной цитаты представляется произвольным, во всяком случае — не единственно возможным. В тексте читаем: аще ли въпросиши словѣнскихъ воукара глаголюхъ въ писмена створена естъ. нан книги прѣложна, то вси вѣдати и въкривше режъти. стын Константинъ философъ нарицаемъи кирѣлъ. тѣ нанъ писмена створи и книги прѣложи и Мефодие братъ его и аще въпросиши въ кое врѣмя. то вѣдати и режъти. яко въ врѣмена Михаила цркъ грѣчскаго и Бориса князѣа бѣлгарскаго. и Растисла князѣа морска. и Коцелѣ князѣа бѣлгетска. въ лѣта же ѿ създавѣна вѣсего мира в тѣхъ г. сѣтъ же и нын ѿвѣтн. . . (стр. 427—428). Нам кажется, что Храбр говорит тут о существовании других ответов на поставленные вопросы, о которых он сказать здесь не может, поэтому и обещает вернуться к ним в другом месте.

Поскольку отрывок об изобретении Константином славянской азбуки был вставлен в его Житие в Болгарии, по-видимому, не ранее начала X в., то вполне понятно, что на вопрос об изобретении азбуки имелись другие ответы. Какие, пока мы точно не знаем. Таким образом, Черноризец Храбр по вопросу о происхождении славянской письменности изложил официальную точку зрения, принятую в Болгарии. Эта точка зрения могла относиться только к кириллице, действительно состоящей из 24 греческих и 14 глаголических букв, употребляемых для передачи славянских звуков. Об этом свидетельствует утверждение Храбра: и сътвори нанъ а. писмена и семъ, шва ѿбо по чиню грѣчскихъ писменъ, шва же по словѣнскѣи рѣчи.

В целом нет основания необоснованно переоценивать значение сочинения Храбра «О писменехъ», поскольку он к фактам, имеющимся в канонизированном тексте Жития Кирилла, собственно ничего не прибавил, хотя, если исходить из его же слов, ему были известны и другие версии о происхождении славянской

письменности. Дата 6363 г. никакого значения не имеет, если она относится к александрийской эре, поскольку и Житие Константина и Житие Мефодия утверждают, что после предложения цесаря Михаила философу ехать в Моравию, он, т. е. философ, на мѣнтвоу са наложи, а далее, как свидетельствует Житие Мефодия, да тоу яви бѣ философю словѣнскы книги и абие, а затем следует малоосмысленная интерполяция сущенна писмена и бесѣдоу съставак, после чего продолжается первичный текст: поутн са патъ моравьскааго⁷.

О том же говорится и в Житии Константина: въскорѣ же (после того, как на мѣнтвоу са наложи. — А. Л.) се (вариант: са вел) емоу богъ яви⁸. Здесь явно слово кънигы или воукьяи заменено неопределенным «се»⁹, что бесспорно из нижеледующего: богъ. . . швакъ воукьяи въ вашъ языкъ; ср. ниже: емоу же а (вариант: се, вел, т. е. воукьяи — А. Л.) богъ яви¹⁰.

Итак, хотя с рядом интерпретаций болгарского ученого нельзя согласиться, мы считаем, что его книга «Черноризец Храбр» ценна во многих отношениях и ее выход в свет не может не радовать исследователей старославянской письменности. В книге учтена вся предыдущая литература. В этом отношении труд К. Куева имеет и большую библиографическую ценность. Опубликование 73 списков и фрагментов сочинения Храбра также является большим вкладом в науку, ибо дает ученым весьма ценный и ценный материал для дальнейших разысканий.

⁷ П. А. Лавров. Там же, стр. 72.

⁸ Там же, стр. 27.

⁹ Подробнее об этом см. А. С. Лавров. Там же; А. С. Лавров. По поводу упоминания о Мефодии в календаре Охридского списка апостола. — В кн.: «Изучение русского языка и источниковедение», М., 1968, в печати).

¹⁰ П. А. Лавров. Там же, стр. 27.

А. С. Львов

Обратен речник на македонскиот јазик. Составувач В. Миличиќ. Ред. К. Конески и А. Цукески. Скопје, 1967, 387 с.

В современной мировой лексикографии все большее место занимают различные виды обратных словарей (так называемые dictionnaire inverse, rückläufiges Wörterbuch, словарь а терго, retrogradní slovník и т. д.), т. е. такие словари, в которых слова располагаются по алфавиту не с начала слова (как это принято в большинстве обычных словарей), а с его конца, с последней буквы слова¹. Такое располо-

жение материала в определенном отношении дает в руки исследователя значительно более обработанный и известным образом препарированный, расклассифицированный материал, нежели обычные алфа-

вениями; теперь это уже общепризнанный и широко известный лексикографический термин. В мире известно около 20 обратных словарей, среди них словари языков: русского, старославянского, итальянского, румынского, греческого. Завершена или близка к завершению работа по созданию обратных словарей армян-

¹ Название «обратный словарь» в русском языкознании еще несколько лет назад употреблялось с оговорками и пояс-

витные словари или даже словари, построенные по так называемой гнездовой системе. Очень близки к обратным словарям давно известные филологам словари рифм, но сфера их использования значительно уже. В обратном словаре сгруппированы слова по их окончаниям, а потому оказываются, например, объединенными все существительные дашного языка (в объеме использованных источников) по типам склонения, все глаголы — по основам, наглядно выделяются словообразовательные категории частей речи и отдельные группы слов по суффиксам и т. д. Все аспекты использования такого типа словаря еще требуют специального изучения. Но уже сейчас лексикографические работы могут быть с успехом использованы при декодировании специальных секретных документов и прочтении испорченных мест различных древних и современных рукописей, при изучении рифмы и преподавании иностранных языков, при решении различных вопросов машинного перевода, но прежде всего при исследовании многочисленных собственно языковедческих проблем как типологического, так и сравнительно-исторического характера, особенно в области морфологии и словообразования.

В свете всего сказанного недавно опубликованный в Скопье «Обратный словарь македонского языка» неизбежно привлечет к себе внимание широкого круга специалистов. Этот словарь создан на материале трехтомного «Словаря македонского языка», изданного Институтом македонского языка в Скопье в 1961—1966 гг.² В. Милчиц продвинул всю работу по переложению трехтомного словаря в Компьютерном центре Западного Вашингтонского государственного колледжа (Беллингем). О технике составления перфокарт обратного словаря говорится в предисловии.

Обратный словарь является ценным дополнением к трехтомному словарю. Непосредственная связь с «прямыми» словарем освобождает автора от решения целого ряда сложных вопросов лексико-грамматического характера, которые должны решать составители словарей, содержащих лексику нескольких «прямых» словарей или других источников. Так

ского, венгерского, старопольского, болгарского, чешского языков. Создается новый тип обратного русского словаря. См. об обратных словарях: J. Š t i n d l o v á. Sur le classement inverse des mots et sur ce qu'on appelle «dictionnaire inverse». — «Cahiers de lexicologie», 1960, № 2; e e ж е. Retrográdní slovníky. — «Slovo a slovesnost», roč. XXI, 1960, č. 4; P. B. Б а х т у р и н а, И. А. М е л ь ч у к (Рец.). M. L. Alinei. Dizionario inverso italiano. The Hague, Mouton and Co, 1962. — «Вопросы языкознания», 1965, № 5.

² См. нашу рецензию на этот словарь: «Советское славяноведение», 1968, № 3.

как трехтомный словарь содержит весьма значительное количество слов, в обратном словаре обрабатывается достаточный материал для решения различных вопросов. В отличие от трехтомного словаря в обратном словаре как самостоятельные слова даются слова-варианты (типа *ајдучица* и *ајдучка* или *ајдуш* и *ајдушин*), не учитываются префиксы и части сложных слов (типа *по-*, *пре-* или *-годишен*, *право-*, *северно-*), глагольные л-формы (типа *забрал*, *завел*). Омонимы обычно даются как одно слово (что вызывает известные трудности при пользовании словарем и не представляется теоретически обоснованным). Всего в словаре содержится 64 578 слов, в том числе 4935 слов с указанием ударения на втором и первом слогах от конца (ударения на третьем слоге от конца в данном словаре не отмечаются). В отдельном словнике, как и в трехтомном словаре, даны географические и другие собственные имена, а также производные от них (стр. 319—325). В нем — 1219 слов. В трехтомном словаре это наименее разработанная часть словника, в который не вошли многие географические названия и их производные.

Специального внимания заслуживает сводная таблица — обзор частоты конечных букв, конечных диграмов и конечных триграмм (стр. 355—387). Она составлена редакторами словаря — К. Конеским и А. Джукеским. Здесь указываются количество случаев употребления и различные процентные соотношения в употреблении конечной буквы, диграмы и триграммы. Например, конечное -г содержится в 203 словах, -аг — в 22, -аг — в 2, -заг — в 1 слове, -лаг — в 7, -раг — в 12 и т. д.; -та встречается в 510 словах, включая и слово *та*, -ата — в 40, -ата в 10; -ета — в 27; -ете — в 74; -эта — в 34; -оха — 1 раз (в слове *epoca*); -сха — 1 раз в слове *паша* и т. д. К сожалению, в цифровых данных таблицы имеются отдельные неточности. Так, слов с окончанием -ата не 40, а 39; с окончанием -ота не 77, а 76; с окончанием -эта не 34, а 33.

В целом же нельзя не отметить тщательное исполнение всей работы, а также сжатые сроки ее выполнения и выхода книги в свет. Последний том «Словаря македонского языка» вышел из печати в 1966 г., в течение 1965/66 г. слова были перфорированы на карточках, в ноябре 1967 г. авторская работа была закончена, а в декабре того же года словарь был набран и отпечатан в университетской типографии в Скопье. К сожалению, тираж книги (1000 экземпляров) делает ее библиографической редкостью сразу же по выходе в свет, так как значение «Обратного словаря македонского языка» выходит за рамки македонистики. Труд такого рода, и данный в частности, представляет интерес для языковедов различных специальностей, особенно славистов.

Р. Цейтлин

«Славянская лексикография и лексикология». М., «Наука», 1966, 311 стр.

Сборник открывает статья А. С. Лысенко «Словарь диалектной лексики северной Житомирщины». Этот словарь, включающий лексику североукраинской диалектной области, является продолжением и дополнением небольшого словаря среднего и восточного Полесья, опубликованного автором несколько лет назад¹. Материал некоторых пунктов обследования использован в обеих работах, однако повторов не наблюдается. Словарь в данном сборнике составлен по тем же принципам, что и Полесский словарь А. С. Лысенко. Речь идет о коллекции специфической диалектной лексики, т. е. о традиционном региональном словаре дифференциального типа. Несмотря на известные слабые стороны этого типа словарей, надо признать, что автор свою работу в намеченных границах выполнил хорошо. Это, между прочим, проявляется и в том, что в работе в достаточной степени представлены все части речи, в том числе и глагол. Именно глаголам А. С. Лысенко придает большое значение во многих плюстративных примерах. Среди существительных мы находим не только обширную группу слов, обозначающих предметы, связанные с крестьянским образом жизни и хозяйством, но и значительное число (свыше 100) названий растений и животных, в большинстве случаев точно семантизированных латинскими терминами. Для многих слов, содержащихся и в Полесском словаре, А. С. Лысенко сообщает дополнительные сведения об их географическом распространении. Область, в которой были собраны материалы словаря, на севере непосредственно примыкает к территории, обследованной для белорусского диалектного атласа². Диалектные словари А. С. Лысенко позволяют теперь проследить направление некоторых лексических изголось за пределами границ БССР. Ср., например, слова *скорода* и *срунь* (и варианты) в значении 'входы' и белорус. *скарада*, *урунь* в том же значении (карта 268 атласа), форму слова *радосница* 'радуга' и белорус. *радаўніца* в том же значении (карта 312 атласа) и др. Можно сказать, что работы А. С. Лысенко значительно расширяют наши знания о лексическом составе украинского языка.

М. О. Онышкевич представил на обсуждение часть «Словаря бойковского диалекта», над которым он работает свыше 20 лет. Это статьи со словами, начинающимися буквой Б. Лексика бойковского диалекта — одного из архаических украинских диалектов Карпат — пред-

ставляет большой интерес не только для украинского, но и для славянского языкознания вообще.

Онышкевич поставил перед собой задачу составить обширный словарь бойковского диалекта, используя все существующие лексические материалы (из опубликованных и неопубликованных источников) и им самим собранные слова. Этот словарь имеет в принципе дифференциальный характер, но в него включаются и слова, которые в фонетическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом отношении отличаются от литературных соответствий. Таким образом, как указывает автор, его словарь приближается к полному диалектному словарю. Несмотря на такие принципы построения дифференциального словаря, надо было бы все же подумать над включением в него также и слов, связанных между собой словообразовательными отношениями. Тогда мотивированные образования можно отделить от изолированных лексем, и в некоторых случаях можно будет выяснить вопрос о том, прочно ли закреплено данное слово в лексической системе говора или же оно заимствовано из других диалектов или родственного языка.

Возьмем пример. На стр. 63 значение слова *бабрайло* объясняется как 'людина, що бабрється в болоті' и сравнивается с польск. *babrata*. При этом остается открытым вопрос, идет ли здесь речь о внутреннедиалектном отглагольном образовании (украинский разговорный язык знает слово *бабратися*, которое отсутствует у М. О. Онышкевича) или об изолированном, вероятно, заимствованном слове (как это позволяет предполагать сравнение с польск. *dabrata*). За основу дифференциации диалектной и литературной лексики М. О. Онышкевич принял словарь Б. Гринченко. Но так как это не словарь современного украинского литературного языка, то отбор слов для диалектного словаря происходит в значительной степени субъективно. Эти критические соображения отнюдь не умаляют больших заслуг львовского ученого, создавшего словарь бойковского диалекта. Автор должен был провести трудную и кропотливую филологическую работу, чтобы единообразно подать качественно очень разнородный материал, записанный с помощью разных алфавитов разными собирателями. Уже рецензируемая часть словаря дает представление о том, как много нового лексического материала для украинской и славянской этимологии будет содержать весь словарь. Наряду с унаследованными редкими славянскими словами, например, *балита* 'ворожбит' (стр. 67), в бойковских говорах имеются многочисленные заимствования из соседних языков (румынского, венгерского, польского, не-

¹ П. С. Лысенко. Словник діалектної лексики Середнього і Східного Полісся. Київ, 1961.

² «Діялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963.

междого). Автор приводит для сравнения слова из этих языков, а также из балканских. Тот факт, что сравнения не всегда оказываются исчерпывающими (например, к слову *банда* 'оркестр' можно привести еще польск. *banda* в том же значении; это значение данное слово имеет и в балканских языках), нельзя рассматривать как недостаток диалектного словаря, не имеющего этимологических задач. Автор и не должен был тратить больше времени на этимологический комментарий, чтобы не задерживать публикацию словаря.

В. В. Усачева («Некоторые данные о лексическом составе двух говоров Архангельской области») публикует небольшую коллекцию слов из говоров двух деревень Архангельской обл. Эта работа представляет собой дополнение к известному «Словарию областного архангельского наречия» А. О. Подвысоцкого. В первой ее части находим слова, которые у Подвысоцкого вообще отсутствуют; во второй части сообщаются дополнительные сведения о значении ряда слов, отмеченных у Подвысоцкого. Все приводимые заглавные слова иллюстрируются примерами. Очень часто В. В. Усачева дает также указания относительно особенностей словообразования. Правда, мне кажется, что сравнительно частое использование гнездовой подачи слов (*бесёдовать*, *побесёдовать* стоит под *беседа*; под *оболоко* находим *заоболочить*, *заоболочиться* и т. д.) не дает читателям никаких преимуществ.

Под названием «Материалы для словаря юго-восточных болгарских говоров» Г. П. Клепикова публикует коллекцию из 400 слов, собранных ею в с. Девисилово и в нескольких окрестных селах б. Крумевградской околии (юго-восточная Болгария). Это село было пунктом обследования при сборе материала для «Болгарского диалектологического атласа» (т. I), на картах которого можно найти и некоторые из отмеченных здесь слов. Впрочем, Г. П. Клепикова приводит лишь такие слова, которые ранее не были зафиксированы болгарскими словарями или отличаются своеобразными фонетическими особенностями, или обладают до сих пор неизвестным значением. Эта работа — новое слово в области болгарской диалектной лексикографии: автор определяет распространение собранных слов не только на болгарской, но и на всей южнославянской языковой территории. С этой целью ею были изучены все соответствующие публикации и некоторые архивные материалы (в особенности архивные материалы «Болгарского диалектологического атласа»). Таким образом, мы располагаем теперь данными о географическом распространении всех собранных Г. П. Клепиковой диалектных слов. Восхищает усердие автора, вложившего столько труда в этот глоссарий и с большим знанием дела сопоставившего

и сравнившего лексику с. Девисилово и окрестных сел с материалами других болгарских диалектов и южнославянских языков и даже с турецким диалектным материалом. Естественно напрашивается вопрос, целесообразно ли вообще создавать такой сравнительный словарь на основе специфической лексики говора одного села, который к тому же принадлежит периферийному диалектному массиву. Отметим, что почти половину всех слов составляют турцизмы. Не эффективней ли было бы выяснение этих заимствований в лексической системе говора с. Девисилово, если бы собранные слова были расположены иначе, может быть, по предметным группам? Во введении Г. П. Клепикова высказывает надежду, что ее материалы будут способствовать утверждению мнения о «тесной близости» южноболгарских (восточных и фракийских) диалектов к македонским диалектам. К сожалению, она не выделяет соответствующие слова в отдельную группу. Очевидно, речь здесь идет о словах *кабачка* 'деревянное ведро для воды', *кад* 'дым', *лигавец* 'вид улитки, слизняк', *морва* 'мало, немного', *мошно* 'очень'. Мне кажется, что установление территориального распространения слов является задачей сводного словаря болгарских диалектов и лексического атласа.

Несмотря на принципиальные возражения против составления такого рода словарей, следует сказать, что автор опубликовал много новых, до сих пор неизвестных материалов. Большинство приводимых ею слов отсутствует в большом словаре родопских говоров Т. Стойчева³, который автор не мог использовать. Кроме того, с. Девисилово не было пунктом обследования для словаря Стойчева.

Что касается построения словарной статьи, то здесь следует отметить тот же недостаток, который присущ работам М. О. Онышкевича, В. В. Усачевой и в меньшей мере А. С. Лысенко: заглавные слова не имеют достаточной грамматической характеристики. Данные о значении слов, приводимых Г. П. Клепиковой, иногда довольно неопределенны (например, *леа'ка* 'растение, напоминающее тыкву', *ефен* 'вид травы', *д'уен* 'приспособлене для молотыбы').

Н. И. Толстой сообщает о своей работе по подготовке к печати «Резвнянского словаря», переданного в незаконченном виде И. А. Бодуэном де Куртенэ в 1903 г. Библиотеке Академии наук (Петербург). Материал для этого словаря И. А. Бодуэн де Куртенэ собрал во время шести путешествий по Резвьи в период с 1872 по 1893 г. Публикация словаря, от которой он вынужден был отказаться из-за недостатка времени, надо считать не только

³ Т. Стойчев. Родопски речник. — «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. 2. София, 1965.

знаком уважения к великому лингвисту И. А. Бодуэну де Куртене. Ее ценность прежде всего в том, что она делает доступными исключительно важные лексические материалы.

В обстоятельном предисловии Н. И. Толстой описывает состояние словаря и лексикографические методы работы Бодуэна и принципы своей редакции. Одна из самых трудных проблем — подача формы заглавных слов (*Lemmata*). В рукописи очень часто исходная форма (и. п. ед. ч., инфинитив и т. д.) отсутствует, и в этом случае издатель должен ее реконструировать. Н. И. Толстой отказался от сложной фонетической транскрипции автора и применил фонологическую транскрипцию с этимологическими элементами. Но внутри статей формы слов даны в написании Бодуэна, тем самым подлинность материала сохраняется. Условное воспроизведение формы заглавных слов ни в коем случае не является крайним, вынужденным средством разрешения вопроса. Это уже давно стало обычным, законченным методом в диалектной лексикографии, например в немецкой⁴, а также и в славянской. Диалектный словарь в первую очередь должен давать сведения о лексическом составе говоров, а учет всех фонетических особенностей в заглавном слове (*Lemma*) лишь затрудняет пользование словарем. Путь, избранный Н. И. Толстым, может привести в единичных случаях к появлению спорных форм заглавных слов, но в принципе он является единственно верным и возможным для издания словаря, оставшегося в наследство от Бодуэна де Куртене.

Р. М. Цейтлин («Из опыта работы над словарем старославянского языка») сообщает о ходе работы над старославянским словарем, который составляется в Институте славяноведения АН СССР и в Институте языков и литератур Чехословацкой академии наук. Принципы отбора лексики для однотомного словаря уже подробно освещались автором в другом месте⁵. Здесь следует только упомянуть, что к выбранным первоначально в качестве источников 14 памятникам добавлены еще Киевские листки и вновь открытый Енинский апокалипсис. Р. М. Цейтлин предлагает фрагмент словаря, начинающийся буквой Р. Здесь имеются сознательно сделанные отклонения в построении словарной статьи, но основные принципы при этом остаются неизменными. Различия, видимо, касаются в основном подачи ва-

риантов. В статье этот вопрос ставится на обсуждение на примере вариантов с *роз-/рос-* и *раз-/рас-*. Здесь можно выделить по крайней мере три типа подачи вариантов в словаре⁶. Место в тексте всегда указывается при более распространенной форме (почти всегда это форма *раз-/рас-*)⁷. В первом типе подачи вариантов форма с *роз-* приводится под формой с *раз-* только с указанием памятника (без точной ссылки на место в тексте, например, в случае *розѣк — разѣк*). Во втором типе вариант с *роз-* приведен только один раз после варианта с *раз-* без всяких указаний при соответствующем значении основного слова, данного с указанием места в тексте (например, при *розъити*, дапном под *разъити*)⁸. Лучшим мне представляется третий тип подачи вариантов. В этом случае более редкий вариант следует непосредственно после заглавного слова и точно документирован (как при *розмыслити*, *роширити*, *разбонникъ*). Чтение предложенной части старославянского словаря убеждает в том, что в скором времени мы получим великолепный словарь к «каноническим» текстам, отвечающий требованиям современной лексикографии и представляющий значительный шаг вперед по сравнению со словарем Л. Садник и Р. Айцетмюллера.

В статье М. Шимчака «Термины родства и семейного свойства в истории и диалектах польского языка» рассмотрены история и диалектное распространение польских терминов, обозначающих понятия 'мать', 'отец', 'родители', 'муж', 'жена', 'сын', 'дочь', 'ребенок', 'братья и сестры', 'женщина, имеющая внебрачного ребенка'. Так как автор уже опубликовал обширную работу о польских терминах родства⁹, то здесь нет необходимости подробнее останавливаться на его статье.

Т. С. Коготкова пишет о «Некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования». Изложение опирается на собственные наблюдения автора и картотеку словаря южно-

⁶ Не следует считать «типом» случаи с вариантами *розъити* и *розъити*, при которых дана ссылка на соответствующие варианты с *раз-*, но там формы с *роз-* не приводятся.

⁷ Не лучше ли было бы уже при вариантах давать ссылку на их место в тексте? Так сразу было бы видно, что все формы на *роз-/рос-* приходятся на Супрасльскую рукопись.

⁸ Отметим, что в иллюстрационной цитате к *απὸ τῆς λεγόμενης* размышляя указано не засвидетельствованное размышляла.

⁹ M. S z u m c z a k. Nazwy stopni pokrewienstwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. Warszawa, 1966.

⁴ Ср. популярное изложение этого вопроса в работе: G. Bergman. Mundarten und Mundartforschung. Leipzig, 1964, S. 48.

⁵ Р. М. Цейтлин. О принципах составления словаря старославянского языка. — «Вопросы славянского языкознания», вып. 6, М., 1962.

великорусского говора д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. По мнению автора, состояние русских говоров определяется современной ситуацией и постоянно действующими факторами. Современная ситуация рассматривается как интенсивное взаимодействие литературного языка и говора. Как постоянно действующие факторы следует рассматривать взаимодействие говоров и существование диалектного языка только в форме устной разговорной речи. Лексический состав диалекта не подвержен действию внешнего нормирующего фактора и характеризуется наличием большого числа вариантов и словообразовательных синонимов. Нередко встречается словообразование *ad hoc*. Коготкова приводит примеры того, как слова, воспринятые из литературного языка, в говоре претерпевают формальные и семантические изменения. Эти факты противоречат мнению, что современные говоры совершенно пассивны, остановились в своем развитии и меха-

нически вытесняются литературным языком. Далее автор указывает на то, что в говоре большую роль играют экспрессивные образования и что значения многих слов диффузны, нечетки. Это явление также обусловлено тем, что говор существует лишь в форме устной речи. Статья Т. С. Коготковой показывает, что в последние годы русские диалектологи более интенсивно и, главное, более систематично изучают диалектную лексику. Однако метод, продемонстрированный в статье Т. С. Коготковой, является лишь одним из методов современной лексикологии, применяемых при изучении диалектной лексики.

Мы надеемся, что в последующих сборниках будут также опубликованы словари, появятся работы, посвященные изучению семантической системы диалектной лексики, типологические исследования и т. д.

Карл Гутмиidt

НОВЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СЕРБСКО-ХОРВАТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Опубликованы первые два тома «Словаря сербско-хорватского литературного языка», составление которого организовали Матица сербская (Нови Сад) и Матица хорватская (Загреб). Словарь выходит в двух изданиях — новосадском, которое печатается кириллицей (Речник српскохрватскога књижевног језика, књ. I, А — Е, 1967; књ. II, Ж — К¹, 1967), и загребском, которое печатается латиницей (Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika, knj. I, А — F; knj. II, G — K). Поскольку в кириллице и латинице порядок букв различен, в двух томах обоих изданий опубликован лексический материал на восемнадцать букв. В завершённом виде словарь будет состоять из шести томов (по 800—900 страниц в каждом томе).

Лексика сербско-хорватского литературного языка, проблема лексической нормы, состояние и задачи лексикографии стали предметом широкого обсуждения югославскими лингвистами и деятелями культуры. Как известно, литературный сербско-хорватский язык формировался в условиях государственной, экономической и религиозной разобщенности хорватов и сербов. Многовековая раздробленность территорий, составляющих ныне государство Югославию, своеобразие путей культурного развития в отдельных областях, разнородность внешних влияний и неодинаковая местная реакция на эти влияния — все

это осложняло унификацию и стабилизацию общей литературной нормы. В XIX в. был кодифицирован звуковой состав и грамматика (преимущественно морфология) литературного языка. Общеязыковой унификационный процесс слабее всего действовал в области лексики, и поэтому теперь словарный фонд сербско-хорватского литературного языка характеризуется обилием лексических дублетов, неопределенностью границ между общелитературной и региональной, диалектной лексикой, зыбкостью стилистической дифференциации.

Во второй половине XIX и в XX в. произошли существенные количественные и качественные изменения лексического фонда литературного языка: появились тысячи новых лексем, преобразовались семантические и стилистические свойства многих старых слов. Изданные в XX в. лексикографические труды, среди которых выделяются двуязычные словари С. Ристича и Й. Канргри, М. Деановича, Й. Бенешича и толковый словарь Л. Бакотича, ни объемом регистрируемой лексики, ни ее обработкой не удовлетворяют насущной потребности в словаре современного языка, которую остро ощущают не только языковеды, но и широкие слои общественности. «Писателям нужен словарь как кусок хлеба», — говорил Иво Андрич. «Наши писатели, — продолжал он, — находятся в неравном положении по сравнению с французскими или русскими литераторами, потому что наш писатель должен в процессе работы частич-

¹ До слова *кочиште*.

но создавать язык» (буквально: «одну часть языка») ².

Сербская академия наук издает много-томный «Словарь сербско-хорватского литературного и народного языка», но этот капитальный труд будет завершен не скоро (вышли первые четыре тома из намеченных двадцати или более томов), а по своему объему и содержанию он не может быть изданием, предназначенным для широкого употребления. Поэтому в резолюции известного Новосадского совещания о проблемах литературного языка, состоявшегося в декабре 1954 г., констатируется необходимость составления «справочного словаря современного сербско-хорватского литературного языка» и приветствовалась инициатива Матицы сербской, прислужившей в сотрудничестве с Матией хорватской к подготовке такого словаря. ³ Принятию этого пункта резолюции предшествовала дискуссия о характере словаря: должен ли словарь быть нормативным или «информационным». Принцип нормативности третируется некоторыми участниками совещания главным образом как система принудительных запретов и ограничений и потому отвергался ⁴.

И как непосредственный отзвук этой дискуссии в предисловии к первому тому нового словаря читаем: «Основное намерение Редакции состояло в том, чтобы предоставить нашей общественности документированное сербско-хорватское языковое богатство современности. Этот словарь является в первую очередь информационным, но то, что теперь считается устарелым, провинциальным и менее обычным, специально отмечено ради информации» (стр. 9) ⁵.

Материал для словаря экскерпирован из текстов разных жанров с середины XIX в. до наших дней. Было использовано около 700 источников. По приблизительно подсчету первые два тома содержат около 40 тысяч словарных статей. (Для сравнения укажем, что в четырехтомном словаре русского языка под ред. Ушакова дано около 85 тысяч слов.) В словарь включены почти все слоги лексикой вплоть до распространенных арготизмов и лексем индивидуального словотворчества и употребления. Контрольная проверка соотношения словаря нового словаря и лексического состава современных текстов показывает высокую лексикографическую репрезентативность словаря Матиц. Это не значит, конечно, что в современных литературных тек-

стах не встречаются слова, ускользнувшие от внимания лексикографов.

Среди лексем, не попавших в толковый словарь, назовем, например, *илегала* 'подполье'; ср.: Циклуси одшгманих говора, резолюција и теза..., штампаних у *илегали*, у подземљу... (М. Крлежа); Никола, јунак *илегале* (Бора Ђосип); *графига* 'графика (алфавит)'; *гваш* 'гуашь', *гег* 'острота, колкость'; ср.: Басна, пуна *гегова* који називају садве смеха... («Борба»); *јог* 'название буквы ђ'; *кортешиљук* 'пристрастная агитация на выборах'; *ауерка* 'уличный светильник'; ср. Кроз ролету се провлачи лименаст трачак *ауерке*... (М. Крлежа); Низ жутих *ауерки* (М. Крлежа). Кроме глагола *забраздити* следовало указать и прилагательное *забраздо* 'зарвавшийся, распоясавшийся'; ср.: Отпор *забразделим* разбојницима («Борба»). В словарь не включены некоторые названия съедобных грибов: *грмачица*, *гомолча*, *земљача*, упоминаемые, например, в руководстве М. Вучича по кулинарии (М. V и ć e t i ć. Kuharstvo. I dio. Zagreb, 1958).

В предисловии отмечено, что в словарь не вносились имена собственные, кроме важных географических наименований (т. I, стр. 11). Это указание не объясняет, почему в словарь включены лексемы *Загреб*, *Букурешт*, *Грчка*, *Етиопија*, *Израел*, но отсутствуют названия *Београд*, *Будимпешта*, *Египат*, *Јапан*, *Кина*, *Ирска* и др. Неупорядочно представлены и названия лиц по национальной и государственной принадлежности. Нет, например, слов *Бразилац*, *Данац*, *Индонезијанец*, *Јапанац*, *Келт*, хотя даны *Аустријанац*, *Велгијанац* и др.

Словарь акцентуирован. Деликатная стихия экспираторно-тонического ударения, причудливо варьирующая по диалектам и говорам, доставляет много забот хранителям системы, утверждавшейся Вуком Караджичем. Нестабильность сербско-хорватской акцентуации отражают многочисленные разночтения в словарях и грамматиках. По словам составителей нового словаря, ударение в нем указывается «в соответствии с установленной нормой», а разногласия «разрешались на совместных заседаниях» (стр. 12). Сведения об ударении в словаре Матиц и в словаре Сербской академии наук не всегда совпадают. Различна, например, акцентовка лексем *вадицеп*, *веллеизаја*, *велмоћан*. Многочисленны акцентные дублиеты. К сожалению, в словаре не сообщаются сведения об ареале дублетных единиц.

Словарь имеет обширный набор информативных помет. Примечанием их достигается достаточно содержательная грамматическая характеристика отдельных лексем. Значительно менее последовательно и строго отмечается стилистическое качество слов. Можно назвать множество слов, находящихся за предела-

² См. «Летопис Матице српске», књ. 375, Нови Сад, 1955, стр. 58.

³ «Летопис Матице српске», књ. 375, Нови Сад, 1955, стр. 121.

⁴ См., например, выступления А. Белича в цит. издании, стр. 21, 31, 62—63.

⁵ Здесь и далее цитируется новосадское издание.

ми стилистически нейтральной лексики, которые не получили соответствующих оценочных помет. Оказалась недифференцированной в стилистическом отношении значительная часть турецкой по происхождению лексики, как, например, архаичное или диалектное существительное *кауш* и следующее за ним по алфавиту общелитературное нейтральное *кафа*. В употреблении помет заметны цуристические стремления редакции. Вместе с указаниями на происхождение заимствованных или калькированных слов очень часто применяется помета *варв.* (варваризм), сопровождающая заимствования, которые, как сказано в предисловии, «употребляются наряду со словами нашего языка и не считаются литературными» (стр. 11).

Значение лексем раскрывается описательно и иллюстрируется цитатами из различных текстов. Составители словаря опирались на сведения, почерпнутые непосредственно из литературных текстов, избегая следовать за существующими лексикографическими трудами. Естественно, что разработка значения отдельных лексем в словаре Матиц менее детальна, чем во многотомном словаре Сербской академии наук (так, например, в слове *бреме* выделено три значения в Словаре Матиц и шесть значений в Словаре Сербской академии наук; *бунар* имеет соответственно одно и восемь значений; *бојати се* — два и шесть). Вместе с тем в новом словаре встречаются статьи, разработанные детальнее и точнее, чем в словаре Сербской академии наук. Ср., например, в двух словарях статьи *бод*, *букер*, *бурагер*, *водич*.

Не всегда, к сожалению, значение слов истолковывается безупречно, причем составители словаря заслуживают упрека чаще в излишне обобщенных формулировках, чем в чрезмерной семантической детализации. Следовало бы разграничить значения «растение (дерево)» и «плод» в статьях *бресква*, *вишня*, *јабука*, *кајсија*, а при существительном *брада* дифференцировать значения: 1) подбородок; 2) борода. Это относится и к слову *конзерва*, которое объясняется составителями как «особым образом приготовленные продукты в герметически закрытом сосуде», между тем как в текстах обнаруживается разветвленное значение: 1) консервы; 2) консервная банка. Ср.: 1) Сценке није било, ни воде, ни конзерваа... (М. Крлежа) — «Не было ни тени, ни воды, ни консервов»; 2)... Између смећа, прња, конзерва и плотова свигот предграђа... чује се глас хармонике... (М. Крлежа) — «Среди мусора, тряпья, консервных банок и заборов серого предместья слышатся звуки гармоники».

В разработке значения слов, составляющих однородную семантическую группу, можно было бы достичь большего единообразия. Ср., например, следующие статьи: *ботаника* — «наука о растениях;

учебник...»; *биологија* — «наука о законах жизни...»; *граматика* — 1) наука...; 2) учебник... (значение «строй языка» не отмечено). Неоднородно оформлена объяснительная часть и в статьях *архитектура*, *банкарство*, *этимологија* и т. п.

Несовершенство лексикографическая обработка омонимов. По словам составителей, омонимам посвящаются отдельные статьи в тех случаях, «если они не одного происхождения или принадлежат к различным грамматическим категориям» (стр. 12). Такое решение нельзя назвать удачным. Этимология слова не может служить определяющим критерием разграничения омонимов при описании лексики современного языка. *Исток* «восток» и *исток* «исток», *јутро* «утро» и *јутро* «мера площади» следовало бы трактовать так же, как *амазонка*¹ «амазонка» *амазонка*² «вид попугая». Нелогично подразделение *бокс*¹ 1) бокс (спорт); 2) помещение, комната и *бокс*² «вид обработанной кожи». Здесь, конечно, три омонима.

Составители нового словаря стремятся затушевать лексические расхождения между двумя вариантами литературного языка. Как сказано в предисловии, они старались, раскрывая значения слов, употреблять в своих дефинициях лексемы, общие для обоих вариантов литературного языка. Если это оказывалось невыполнимым, одновременно (разделенные запятой) ставились две лексемы, представляющие оба варианта сербско-хорватского языка. Например, существительное *азот* объясняется так: *гас*, *плин* без боје и мириса, један од главних састојака *ваздуха*, *зрака* (курсив наш. — В. Г.). Жаль, что в словаре, объявленном информативным, нет сведений о территориальной распространенности той части лексики, которой активно владеют носители одного варианта языка и пассивно — носители другого. Цитаты из произведений сербских и хорватских авторов, сообщаемые в словарных статьях, не дают ясного представления о взаимоотношениях лексем, входящих в дублетные пары (*гас* — *плин*, *ваздух* — *зрак* и т. п.) двух вариантов языка.

Как всякое значительное лексикографическое произведение, новый сербско-хорватский толковый словарь дает материал для обсуждения различных вопросов общей и частной лексикографии и лексикологии. Его главное достоинство — в широком охвате лексики современного литературного языка. Методика обработки и репрезентации лексики стала предметом обсуждения на страницах специальной периодики. Как бы ни оценивались отдельные решения и установившие составители, нет сомнения, что словарь Матиц — капитальный труд, который принесет много пользы. В частности, он будет хорошим подспорьем в деле составления двуязычных словарей.

В. П. Гудков

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПОЛАБСКОГО ЯЗЫКА

Филологический анализ дошедшего до нас полабского языкового материала является предварительным условием не только нового подробного и по возможности полного описания полабского языка, но и любого исследования по полабистике. Прежде чем решать собственно лингвистические проблемы и использовать данные полабского языка в исследованиях по славистике, необходимо изучить ту внешнюю форму, в которой дошло до нас полабское слово или выражение, извлечь из сохранившихся и не всегда квалифицированных записей подлинно полабский звуковой облик слова, разобраться в его значении, провести основательную филологическую критику записи в немногочисленных и, в общем, скудных источниках.

Частью нового филологического осмысления и рассмотрения данных полабского языка является и предпринятое Р. Олешем издание памятников полабского языка. После фототипического воспроизведения одного из списков основного полабского словаря Христиана Хеннига и издания сводного полабского словаря, составленного через сто лет после непосредственных записей доктором И. Г. Юглером¹, вышло капитальное издание малых полабских памятников, — седьмой том серии «Славистических исследований»². Издание включает все известные полабские памятники, кроме упомянутого словаря Хеннига. Книга открывается публикацией так называемой Копенгагенской рукописи (стр. 5—28; примечания на стр. 221—259), состоящей из копии сочинения о «вендских суевериях» и другого, более краткого, сочинения подобного характера, а также списка примерно трехсот полабских слов. Первые два сочинения, не включенные в корпус полабских источников П. Роста, возникли на базе отчетов церковной визитации, извлечения из которых даются в разделе примечаний. Отчет и сочинения, видимо, далеки от объективности при описании, подчас пренебрежительном, полабских обычаев. Это снижает ценность показаний источника для полабской исторической этнографии, тем более что многое от внимания ревизора, вероятно, ускользнуло, а кое-что, возможно, сознательно было скрыто.

¹ *Vocabularium Venedicum von Ch. Hennig von Jessen. Nachdruck besorgt von R. Olesch. Köln — Graz, 1959; R. Olesch. Juglers Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch. Köln — Graz, 1962.* Об этих изданиях подробнее см. в нашем обзоре: «Советское славноведение», 1966, № 2, стр. 93—95.

² R. Olesch. *Fontes linguae dravae-no-polabicae minores et Chronica venedica J. P. Schultzii.* («Slavistische Forschungen», Bd. 7), Böhlau Verlag, Köln-Graz, 1967.

Более интересны собственно языковые сведения, сосредоточенные главным образом в «копенгагенском словаре» (известном в науке также под названием «*Vocabularium et phraseologicum Vandalicum*»), хотя эти сведения (иногда несколько видоизмененные) имеются и в других источниках.

По составу и по направлениям к этому словарю близко «Собрание более трехсот слов старого вендского языка», опубликованное в 1744 г. И. Г. Домейером (стр. 29—34, 260—262). Видимо, оба словарика (копенгагенский немецко-полабский и полабско-немецкий Домейера) имели общий источник. Сам Домейер указал в качестве своего источника рукопись некоего проповедника, жившего в XVII в. в одной полабской общине Данненбергского графства.

Более важным источником по полабскому языку является, пожалуй, французско-полабский словарь И. Ф. Пфеффингера (стр. 35—49, 263—268), который воспроизводится Р. Олешем по сохранившемуся автографу (с указанием в сносках вариантов по изданию словарика Пфеффингера И. Г. Экардом в 1711 г.). Пфеффингер (1667—1730) включил в свой словарь лексику из словарика безымянного данненбергского собирателя (вошедшую в копенгагенский словарь и словарь Домейера), а также лексику, собранную им на неизвестном участке территории, где сохранялся еще полабский язык. Высказывается предположение об общности некоторых мест в словарях Пфеффингера и Хеннига; так, Н. Трубецкой показал зависимость некоторых глосс Хеннига от Пфеффингера³. Но в словаре Пфеффингера довольно последовательно отражен диалект, отличающийся от зафиксированного Хеннигом вустровского. В связи с тем, что собиратель, видимо, не знал полабского языка, его словарь не лишен явных недоразумений. Так, ошибочно утверждение, будто в полабском языке в значении «вчера», «сегодня», «завтра» выступают названия соответствующих дней недели. В другом случае ишформант данненбергского собирателя услышал вместо нем. *Gold* «золото» *kalt* «холодно» и сообщил полабское слово *zaimã* «зима, холод», которое Пфеффингер перепес и в свой словарь со значением «ог», т. е. «золото» (эта ошибка фигурирует и в Копенгагенской рукописи, но выправлена у Домейера). Определенную ценность представляют зафиксированные (хотя иногда и неверно понятые) отдельные полабские выражения, поскольку при скудости полабских текстов каждое связанное сочетание слов имеет зна-

³ N. T r u b e t z k o j. Zur Quellenkunde des Polabischen.— «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. 3, 1926, S. 356.

чение для реконструкции грамматической системы.

Некоторые сведения о полабском языке сохранились благодаря Г. В. Лейбницу. В частности, по его просьбе через советчика в Целле Х. Шрадера люховский амтманн Г. Ф. Митхоф в 1691 г. записал тексты пяти небольших молитв на полабском языке. Эти тексты составляют важнейшую в языковедческом отношении часть письма Митхофа к Шрадеру (стр. 50—55). Р. Олеш воспроизводит в своем издании также комментарий Лейбница к записанному Митхофом тексту «Отче наш» (стр. 56—57, 269—276; рис. 7 в конце книги). В одном из записанных Митхофом текстов издание Р. Олеша уточняет принятое до сих пор чтение и понимание слова *prilidiol prilid'ol* 'страдал', в котором конечное *l* читалось ранее как *t*, и слово понималось как инфинитив, хотя по свидетельству Р. Олеша это *l* было исправлено на *t*. Тексты Митхофа занимают важное место среди немногочисленных полабских связных текстов, а комментарий Лейбница представляет бесспорный историко-научный интерес. Лейбниц опубликовал в 1717 г. список 137 полабских слов с немецкими соответствиями, представляющий собой, возможно, часть большего полабского словаря. В издании Р. Олеша этот словарь, известный как словарь (записи) Аюнима, воспроизводится по хранящейся в Ганновере рукописи (стр. 58—61, 277).

Наиболее значительным источником по полабскому языку является словарь, составленный вустровским пастором Христианом Хеннигом из Пессена. В связи с этим для полбистки важны и другие сочинения Хеннига. В новом своде Олеша публикуется его «Краткое сообщение о вендском народе...» (1705 г.), содержащее некоторые интересные этнографические и языковые данные (стр. 62—73, 278—308). В издании приводится также «малый автограф» Хеннига, включающий полабский перевод 240 немецких слов (стр. 74—78, 309). Как особый памятник полабского языка известны сделанные для некоего мосье де Бокёра выписки, где отразились некоторые словарные особенности (стр. 79—87, 310). Можно отметить, что в одном месте этого текста, приведенного у Роста, без оговорок включена поправка, сделанная рукой секретаря Лейбница Й. Ф. Ходанна: в первоначальном виде — *D i b b e r n ü z*, по исправлении и в издании Роста — *D i b b e r n i z*; Р. Олеш оговаривает эту поправку. Ходанн внес некоторые добавления в сохранившийся экземпляр выписок для Бокёра. Он же является составителем близкого к выпискам для Бокёра, хотя и не идентичного с ними, словаря, который тоже основан на словаре Хеннига и приводится в своде Олеша (стр. 87—94, 311—312).

Особой позицией в корпусе Олеша является «Отче наш» Бухгольца (стр. 95,

313—314). Этот текст, опубликованный Самуэлем Бухгольцем в 1753 г. как запись «из уст одного люнебургского венда», не включался в корпус Роста. А. Мука считал его испорченным вариантом текста Мюллера. На самом деле, как показал убедительно Й. Коблишке, текст К. Н. (ошибочно: Ф.) Мюллера — беспомощная фальсификация (Р. Олеш приводит этот текст, входивший в корпус Роста, в разделе комментариев), а запись Бухгольца представляет определенный интерес.

В своде Р. Олеша далее приводятся три небольшие статьи, опубликованные во второй половине XVIII в. в Ганновере. В них содержится довольно скудный материал по полабскому языку. Публикуется также находящаяся в Ганноверской библиотеке записка с тремя полабскими словами и их немецким переводом: *K l o i huet* [hurt?], *I n u t e r n i z* *hund*, *Ü v e r n i z* *heil* (стр. 96—109, 315—316); слова эти пока не подвергались анализу.

Особое место в издании Р. Олеша занимает публикация одного из самых ценных источников по полабскому языку — отрывков из «крестьянской хроники» единственного известного нам грамотного полабянина Яна Парум Шульце (стр. 111—218, 318—331). Этот источник содержит очень важные в языковом отношении записи полабских выражений и слов (особенно на стр. 166—183, где воспроизводится словарь), часть которых не встречается в других источниках. Шульце знал, что он принадлежит к числу последних людей, пользовавшихся полабским языком. Поэтому он писал, приступая в своей хронике к словарю: «В этом 1725 г. я решил записать для будущего (Nachwelt) вендский (полабский) язык». Написанные по-немецки заметки Шульце содержат весьма интересные историко-этнографические сведения, а его записи полабских слов и выражений, несмотря на технические недостатки, являются драгоценным источником для исследователя, в частности потому, что Шульце (в отличие, например, от Пфеффингера) прекрасно понимал записываемое.

К сожалению, оригинал записок Шульце, который А. Ф. Гильфердинг в 1856 г. видел у его наследников, пропал. Сохранилась единственная копия, сделанная в 1794 г. для польского графа Потоцкого. Эта копия хранится теперь во Вроцлавском Оссолинеуме. К сожалению, как свидетельствовал еще составитель первого сводного полабского словаря Юглер, выполнена копия весьма небрежно. Не безукоризненна и публикация словаря Шульце в «Памятниках наречия залабских древлан и глинян» А. Ф. Гильфердинга (СПб., 1856). Это, очевидно, объясняется недостаточной четкостью и орфографической последовательностью оригинала. Как показало сравнение словаря Юглера с сохранившимися

Оригиналами использованных им памятник, этот составитель полабского словаря отличался большой аккуратностью и точностью. Поэтому представляется правильным подход Р. Олеша к реконструкции словаря Шульце. Сохраняя порядок слов, принятый в копии для Поттоцкого, издатель воспроизводит как немецкие, так и полабские слова в соответствии с их написаниями в словаре Юглера, а в списках оговаривает все существенные варианты по копии Поттоцкого и изданию Гильфердинга, а также другим дошедшим до нас неполным выпискам из хроники Шульце. Сам текст хроники воспроизводится по копии Оссолинеума, а в разделе комментариев помещены перепечатки двух частичных изданий хроники в немецкой печати конца XVIII — начала XIX в. Таким образом, теперь в распоряжении исследователей имеется достаточно полное воспроизведение сохранившихся частей хроники Шульце, которое уточняет некоторые места, считавшиеся ранее непонятными, темными.

Так, в числе темных полабских слов в словаре К. Полянского и Дж. Зенерта указано из Хроники Шульце слово *t e j ö s a h* 'Scheenen' с английским переводом *shin*, т. е. 'светить, блестеть'. Но Юглер в данном месте выписал слово *t e j ö s a h* с немецким значением 'Schienbein', т. е. 'большая берцовая кость', гораздо более подходящим, ибо слово находится среди обозначений частей тела. В словаре Шульце это слово, которое, видимо, можно транскрибировать как *t'ösa*, помещено непосредственно перед статьей «die Geilemk (Gelenke?)». В статье приводится полабское соответствие *t i j ö s k u n g t'öskp*, которое трактуется как винительный падеж существительного *t'öska* <**kostbka*, зафиксированного также в словаре Хеннига со значением 'Knöchel', т. е. 'лодыжка, косточка' (внешняя лодыжка является собственно частью большой берцовой кости). Как понять полабское *t e j ö s a h t'ösa* (<**kosa*?)? Тут возможно, по-видимому, несколько вариантов.

Во-первых, допустимо, что в записи Шульце (*t e j ö s a h*) вышло ошибочно *k*, и это слово, таким образом, является общим обозначением и большой берцовой кости и лодыжки: *t'öska*. Соседство следующего слова (*t i j ö s k u n g*) может служить и за и против этой гипотезы. С одной стороны, можно допустить, что составитель словаря хотел привести рядом названия различных костей. Но зачем ему было это делать, если кости имели одно и то же название, а Шульце, знавший полабский язык, знал, конечно, и это? С другой стороны (независимо, впрочем, от интересующего нас слова), неясно, почему второе слово дано в предпологаемой форме винительного падежа (ведь снова возможность ответа **информан-**

та в форме винительного падежа надо исключить).

Во-вторых, можно считать, что запись Шульце отражает одно из значений звукового комплекса *t'ösa* <**kosa*. Нельзя, видимо, исключать того, что корень, используемый в славянских языках для наименования косы как сельскохозяйственного орудия определенного вида, мог быть использован и для обозначения других косых, длинных, плоских предметов. Примером этому может служить хотя бы название отрезка суши, далеко уходящего узкой полосой в море или реку. Не следует, вероятно, упускать из виду и использование слова *kosa* для обозначения селезенки, известного в говорах всех восточнославянских языков. Необходимо учитывать и то, что в некоторых западнославянских языках (по крайней мере, в чешском, словацком, верхнеслужичском), а также в украинских говорах слова с корнем *kosa-* обозначают перо, хвостовое перо (ср. и *костка*), крыло у разных птиц. Важно подчеркнуть, что одна из этимологий слав. **kosa*, связывающая его с латинским *coxa* 'бедро', др.- и ср.-нем. *hahsa*, *hahse*, *hehse* 'коленный сустав, голень' и другими сходными по значению словами индоевропейских языков, отбрасывается «как менее убедительная» Й. Голубом и Ф. Копечным, а также М. Фасмером, быть может, именно из-за отсутствия славянских семантических соответствий (а се, возможно, надо принять для одной из славянских «кос»). Изучение и решение этих вопросов выходит, однако, далеко за пределы анализа издания словаря Шульце.

Независимо от конкретного решения поставленного вопроса видно, что понятие теперь по изданию Р. Олеша значение «темного» полабского слова дает материал для его более глубокого толкования. Имеются и другие уточнения по сравнению с предыдущей публикацией словаря.

Новое издание хроники Шульце и его словаря становится, таким образом, важным источником для уточнения и углубления наших знаний о полабском языке. Возможно, анализ пемецкого языка Шульце, насыщенного немалым числом диалектных элементов, поможет решению вопроса о полабско-немецкой языковой интерференции.

Каждый из публикуемых в «Источниках» Р. Олеша полабских текстов сопровождается подробным библиографическим и историческим комментарием, в котором приводятся важные дополнительные документы, связанные с историей изучения полабского языка. Издателю удалось собрать и опубликовать портреты первых исследователей полабского языка — Г. В. Лейбница, Й. Хильдебранда (составителя отчета о церковной визитации в конце XVII в.), Х. Хеннига, Й. Ф. Пфэффингера, Й. Г. Домейера. Публикуется также фотография дома

Я. Парум Шульце. Фотографически воспроизведена одна страница Копенгагенской рукописи. К изданию приложены факсимиле большой карты Люнебургского княжества, изданной в начале XVIII в., и современная карта б. территории расселения полабия в Ганновере. Немецкий и французский (к словарю Пфеддингера) индексы (стр. 333—353) облегчают работу с изданием (полабский индекс из-за разнобоя в орфографии малых памятников едва ли мог быть очень полезным, тем более что в какой-то мере таким индексом может служить словарь Юглера). Имеется указатель встречающихся в текстах полабских географических названий (стр. 354).

После выхода трех томов полабских памятников, подготовленных Р. Олешом,

исследователи полабского языка получили по существу новый свод источников. могущий служить надежным основанием дальнейшего углубленного изучения этого мертвого западнославянского языка. До абсолютной полноты недостает еще различный по некоторым спискам словаря Хеннига, которые придется по-прежнему брать из корпуса полабских источников П. Роста, если не появится новое типографское воспроизведение словаря Хеннига с разночтениями и транслитерацией текста. Однако и сделанное уже сейчас, до выхода в свет намечаемой библиографии и полабского словаря, обеспечивает трудам Р. Олеша прочное место в полабистике, особенно в источниковедении полабского языка.

А. Е. Суцун

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1968 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Александров И. Атака против социалистических устоев в Чехословакии. (в связи с опубликованием в чехословацкой печати «2000 слов».) «Правда», 1968, 11 июля.

Баграмов Э. Национальные отношения при социализме. «Правда», 1968, 7 июня.

Братусь С. Н. Итоги четвертой конференции председателей внешнеэкономических арбитражных комиссий и судов стран—членов СЭВ (Варшава, XI—XII 1966). Сб. информ. материалов (Секц. права Всес. торг. палаты), вып. 21. М., 1968.

Вмешательство ФРГ в дела Чехословакии. (Статья из «Нойес Дойчланд» от 19 VII 1938.) «Правда», 1968, 20 июля.

Г. П. Европейская безопасность и отношения государств двух систем. (О междунар. научн. конф. в Москве 23—25 IV 1968.) Мир. экономика и междунар. отношения, 1968, № 6.

Гаек И. Страна Советов и судьбы Чехословакии. Интервью министра иностранных дел Чехословакии д-ра И. Гаека. «Новое время», 1938, № 19.

Европейская безопасность и отношения государств двух систем. (Материалы Междунар. научн. конф. Москва, 23—25 IV.) Междунар. жизнь, 1968, № 6.

Константинов Ф. Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение. (Замеч. по поводу выступления Ч. Цисаржа на собр., посвящ. 150-летию

со дня рождения К. Маркса.) «Правда», 1968, 14 июня.

Константинов Ф. Ленинизм — марксизм современной эпохи. (В связи со статьей Ч. Цисаржа в «Руде право» от 22 VI 1968 «Ответ академику Константинову. В чем сила живого марксизма-ленинизма».) «Правда», 1968, 24 июля.

Макаев Н. В едином строю. «Правда», 1968, 20 июля.

Общность целей. (Подписание договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Польшей и Венгрией. Выступления Я. Кадара и В. Гомулки. Бундапшт, 17 V 1968.) «Правда», 1968, 18 мая.

Поездка закончена. О пребывании делегации Вооруженных Сил Советского Союза в Чехословацкой Социалистической Республике (17—22 V 1968). «Правда», 1968, 23 мая.

Селюк С. Сила партии — в ленинском единстве. «Правда», 1968, 25 июля.

Спыхальский М. Нерушимое единство. «Правда», 1968, 18 июля.

Суцуньска Г. Ю. Критика буржуазных теорий, спрямованих на підриив єдності соціалістичних країн. «Питання політичної економії», Київ, 1968, вип. 40.

Центральному Комитету Коммунистической партии Чехословакии. (Письмо, принятое на Встрече делегаций коммунистических и рабочих партий социалистических стран Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза 14—15 VII 1968 г. в Варшаве.) «Правда», 1968, 18 июля.

Якубовский И. Надежный щит стран социализма. «Правда», 1968, 14 мая.

Яцук Б. Великие свершения социализма. «Правда», 1968, 22 июля.

2. Экономика. Экономическое сотрудничество

Бирзек А. и Фрумин И. У транспортников Польской Народной Республики. Автомоб. транспорт, 1968, № 6.

Будинов И. Выступление министра внешней торговли Болгарии Ивана Будинова 5 февраля 1968 г. (на II сессии Конф. ООН по торговле и развитию в Дели). Бюл. иностр. коммерч. информ., 1968, Прилож. 4.

Быков А. Актуальные проблемы экономического сотрудничества стран — участниц СЭВ. Коммунист Вооруж. Сил, 1968, № 11.

В комиссии СЭВ по машиностроению. (О 41-м заседании Пост. комиссии СЭВ по машиностр. Брно, 19—25 VI 1968.) Экон. газета, 1968, № 27.

Венджик З. Познанская тридцать седьмая (ярмарка, 9—23 VI 1968). Экон. газета, 1968, № 26.

Вольский Д. О некоторых проблемах Чехословакии. (О результатах экономической реформы.) «Новое время», 1968, № 25.

Воскресенский К. Новый этап форм производственного и научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. «Морской флот», 1968, № 6.

Гамоуз Ф. Выступление министра внешней торговли Чехословакии Франтишка Гамоуза (на II сессии Конф. ООН по торговле и развитию в Дели в феврале 1968 г.). Бюл. иностр. коммерч. информ., 1968, Прилож. 4.

Гендельман П. Б. Жилищное строительство в г. Скопле после землетрясения 1963 года. Стр-во и архитектура Узбекистана, Ташкент, 1968, № 3.

Гороховский Е. Л. Развитие угольной промышленности социалистических стран — членов СЭВ. Зап. Ленингр. горн. ин-та, 1967, т. 47, вып. 3. Соц.-экон. вопр.

Живков Ж. Темпы и эффективность. «Правда», 1968, 13 июня.

Канаев А. И., Осетров В. С. Рыбное хозяйство Чехословакии, Рыбное х-во, 1968, № 6.

Киши И., Пиндовский М. Целевые фонды предприятий. Экон. газета, 1968, № 22.

Коммюнике о десятом заседании Постоянной комиссии Совета Экономической Взаимопомощи по статистике (Варна, 28—31 V 1968). Экон. газета, 1968, № 24.

Кормнов В. Экономическое стимулирование развития международной специализации производства (в странах — членах СЭВ). Вопр. экономки, 1968, № 6.

Маергойз И. М. Типологический подход к изучению промышленных районов социалистической зарубежной Европы. Экон. география. География пром-ти (Материалы Моск. фил. Геогр. общества СССР), 1967, вып. 2.

Матеев М. Современные общественные здания в Болгарии. «Архитектура СССР», 1968, № 4.

Моджевский Ф. Выступление заместителя министра внешней торговли Польши 13 февраля 1968 г. (на II сессии Конф. ООН по торговле и развитию в Дели). Бюл. иностр. коммерч. информ., 1968, Прилож. 4.

Петросьянц А. Сотрудничество СССР с социалистическими странами в области использования атомной энергии в мирных целях. «Внешняя торговля», 1968, № 6.

Пивоваров Ю. Л. Международный симпозиум по изучению воздействия индустриализации на сельскохозяйственное население в социалистических странах Европы. (Будапешт, 18—23 X 1967.) Изв. АН СССР, сер. геогр. 1968, № 3.

Рыбаков О., Колесов В. Внешнеэкономические связи социалистических стран. Вопр. экономки, 1968, № 6.

Савостин С. Сотрудничество расширяется. (О работе XIX сессии Советско-югославской комиссии по научно-техническому сотрудничеству в Москве.) Экон. газета, 1968, № 24.

Семенов В. Научные исследования политэкономов Народной Болгарии. Научн. докл. высш. школы. Экон. науки, 1968, № 5.

Семенов В. Польша: реформа в строительстве. Экон. газета, 1968, № 26.

Семенов А. Л. Технический прогресс и страны социализма. Междунар. жизнь, 1968, № 6.

Семиин Н. Страны СЭВ и Африка. «Новое время», 1968, № 23.

Сергеев В. Темпы и факторы развития международного социалистического рынка. Экономика Сов. Украины, Киев, 1968, № 4.

Смолянова В. Б. Критика теорий антикоммунизму з питань економічного співробітництва соціалістичних країн. «Питання політичної економії», Київ, 1968, вип. 40.

Соколов А. Развитие экономики стран — членов СЭВ в 1967 г. Вопр. экономки, 1968, № 6.

Становник Я. Выступление члена Союзного исполнительного веча Югославии Янеза Становника 6 февраля 1968 г. (на II сессии Конф. ООН по торговле и развитию в Дели). Бюл. иностр. коммерч. информ., 1968, Прилож. 4.

Фаддеев Н. В. Выступление Секретаря Совета Экономической Взаимопомощи Н. Ф. Фаддеева (на II сессии Конф. ООН по торговле и развитию. Дели, февраль 1968 г.). Бюл. иностр. коммерч. информ., 1968, Прилож. 4.

Юферов Е. Использование государственно-капиталистических форм в экономике европейских социалистических стран. Научн. докл. высш. школы. Экон. науки, 1968, № 4.

3. Партийная жизнь

Дубчек А. Коммунисты не обманут надежд народа. Статья А. Дубчека в «Руде право». «Правда», 1968, 29 мая.

Л. А. Программа действий Коммунистической партии Чехословакии. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1968, № 5.

Пленум ЦК КПЧ (Прага, 29 V—1 VI). «Правда», 1968, 30, 31 мая, 3, 8 июня.

Тезисы ЦК ПОРП к V съезду. «Правда», 1968, 14 июля.

4. Государственное строительство

Бачев С. Большие свершения, перспективы. Сов. профсоюз, 1968, № 7.

Маринюв М. Условное осуждение по болгарскому социалистическому уголовному праву. Сов. гос-во и право, 1968, № 5.

У югославских юристов. Сов. юстиция, 1968, № 11.

Яценко С. Судові куратори для неповнолітніх у Польській Народній Республіці. «Радянське право», Київ, 1968, № 5.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Белякович И. I. Польські інтернаціоналісти в боротьбі проти корніловського закону 1917 г. Укр. істор. журн., Київ, 1968, № 5.

Жадов А. Последний удар по врагу. (5-я гвардейская армия в Пражской операции.) Воен.- истор. журн., 1968, № 5.

Зуев А. Д. Интернациональные отряды Красной гвардии в борьбе за установление Советской власти на Украине. Сб. трудов кафедр обществ. наук Харьковский зовет. ин-та, 1968, вып. 1.

Игнатьев А. К 90-летию освобождения Болгарии. Журн. Моск. патриархии, 1968, № 5.

Либман А. Интернациональные связи КПЭ в 1920—1940 гг. «Коммунист Эстонии», Таллин, 1968, № 5.

Поглубко К. А. Связи болгарских и русских эмигрантов (1869 г.). Изв. АН Молд. ССР, Сер. обществ. наук, Кишинев, 1968.

Приула М. П. К истории Одесской организации польских коммунистов (XII 1918—VII 1919). Сб. трудов кафедр обществ. наук Харьковский зовет. ин-та, 1968, вып. 1.

Индутна Н. Е. З історії діяльності українського відділення Товариства радянсько-польської дружби. Укр. істор. журн., Київ, 1968, № 5.

Цанкова-Петкова Г. Восстановление Болгарского патриаршества в 1235 г. и международное положение Болгарского государства. Визант. временник, 1968, т. 28.

Шумейко І. М. Комсомол Західної України — активний помічник Кому-

ністичної партії в боротьбі за молодь напередодні VII конгресу Комінтерну і VI конгресу КІМу у 1934—1935 рр. «Наукові праці з історії КПРС», Київ, 1968, вип. 20.

2. Культура

Арнаутова М., Ботура М., Задражил Л. Итоги литературного года. (Обзор литературоведческих изданий Чехословакии за 1967 г.) Вопр. лит-ры, 1968, № 6.

Атанасов Ж. Проблемы эстетического воспитания (в Болгарии). Сов. педагогика, 1968, № 5.

Брезкин В. Пражское квадриенале. 1967 год. «Театр», 1968, № 5.

Велецкая Н. XIV фольклорный конгресс в Югославии. (Призрен, IX 1967.) Вопр. лит-ры, 1968, № 6.

Врублевска Д. Польская школа gobelena. Декорат. искусство СССР, 1968, № 6.

Гарбиян Д. А. О некоторых фрагментах из фонда славянских рукописей Матенадарана. Вестн. обществ. наук. Ереван, 1968, № 4.

Горанов К. Сюрреализм как модель модернизма. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1968, № 3.

Горшенев А. Н. Проблемы высшего образования в ПНР. По страницам журнала «Жизнь школы выжшей» (за 1967 г.). Вестн. высш. школы, 1968, № 4.

Гранстрем Е., Дворецкая Н. Конференция молодых специалистов. «Вопросы изучения славянского и греческого рукописного наследия». (Ленинград 29—31 V 1967.) Визант. временник, 1968, т. 28.

Дорофеева З. П. Особенности критического реализма в болгарской литературе (на материале прозы 20—30-х годов XX в.). Уч. зап. Латв. гос. ун-та. Рига, 1968, т. 89. Пробл. лингвистики и зарубежн. лит-ры.

Коваленко Л. На шляхах міжнародних. (Українська радянська література за рубежом. 1917—1945 рр.) «Радянське літературознавство», Київ, 1968, № 4.

Колташева И. Пылающая суть. (О поэзии Юлиана Тувима.) Вопр. лит-ры, 1968, № 5.

Митропан П. М. Горький в Югославии. Изв. АН СССР, сер. лит-ры и яз., 1968, т. 27, вып. 2.

Нерсесов Г. А. У африканистов Югославии и Болгарии. «Народы Азии и Африки», 1968, № 2.

Обретнев А. Болгарские художники — юбилею Октября. «Творчество», 1968, № 5.

Оконь В. О некоторых дидактических исследованиях в Народной Польше. Сов. педагогика, 1968, № 5.

Полякова Л. Певец рабочего класса. (О творчестве чешского композитора и дирижера Я. Ежека. 1906—1942 гг.) Сов. музыка, 1968, № 5.

П у т и л о в Б. Н. XIV конгресс фольклористов Югославии. Сов. этнография, 1968, № 2.

П у т и л о в Б. Новые методологические аспекты в изучении славянского фольклора. Вопр. лит-ры, 1968, № 6.

Р а т ь к о в а Е. Как обслуживается сельское население (в сельских библиотеках европейских социалистических стран.) «Библиотечарь», 1968, № 6.

С а в и ц к а я В. Полиграфический дизайн Словении. «Творчество», 1968, № 5.

Х е т с о Г. Съезд скандинавских славистов в Хельсинки. Вопр. лит-ры., 1968, № 66.

Я к о б с о н А. Л. К изучению ранне-средневековой болгарской архитектуры (армянские параллели). Визант. временник, 1968, т. 28.

3. Я з ы к о з н а н и е

К о н д р а ш о в Н. А. Пражская лингвистическая школа. «Русский язык в школе», 1968, № 2.

Т о л с т а я С. М. Фонологическое состояние и сочетаемость согласных в славянских языках. Вопр. языкознания, 1968, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1968, № 3

С. Б о ж к о в. Двадцатилетняя деятельность Института литературы; П. Д и н е к о в. Путь Людмила Стоянова; А. Н а т е в. Диалектическая идея о саморазвитии в литературной науке и искусствоведении; Т. Ж е ч е в. «Болгарский Одиссей» и истина о его возвращении; Ц. У н д ж е в а. Фельетоны Христо Ботева; К. М е ч е в. Является ли безмятным древнеболгарский рассказ о зорографских мучениках; Г. В о л ч е в. «Неустановленный» жанр в белорусской литературе.

«Język Polski», 1968, № 2

З. К л е м е н с е в и ч. Главные черты развития связей письменности и языка в Польше 1770—1939 гг.; В. Т а ш и ц к и й. Севернопольские прилагательные типа *katnowski*, *lipnowski*, *powztkowski*; Ф. С л а в с к и й. К четырехсотлетию Гербажа или Зельника Мартина Сенника; А. З а р е м б а. Смешанные и переходные диалекты в диахроническом понимании.

«Československý časopis historický», 1968, № 2

И. С п е в а ч е к. Меранские договоры 1333 г. и их предпосылки; Ф. Г р б а т а. Оппозиционные направления в международном рабочем движении и угроза фашизма в 1933—1935 гг.; Я. К р ш е н. Гофка и словацкий вопрос в движении Сопротивления за границей; Ф. Г р а у с. Нацизм и немецкая историография.

№ 3

И. Г а н з а л. Проблемы языка в развитии школьного дела периода Возрождения; В. М е н ц л, Я. М е н ц л о в а. Наброски основных принципов и развития высшей сферы власти и политики домоюнхенской Чехословакии; Э. В л ч к о в а. Программные заявления СПГ во время вынужденной зарубежной работы в 1933—1934 гг.; А. Г а я н о в а, Б. Л е г а р. К вопросу о характере буржуазно-демократического строя в Чехословакии.

«Česka literatura», 1968, № 3

Ф. В о д и ч к а. Между поэзией и прозой; М. Г р ы г а р. Понимание литературного развития в русской формальной школе и в чешском структурализме; М. Г л о в и н ь с к и. О романе от первого лица; И. О п е л и к. Рассказчик в развитии чешской прозы тридцатых годов; А. Ф р е н ч. Чешская поэзия в переводе на английский язык; Я. М о у р к о в а. Этические принципы в критическом творчестве Шальды; Ш. В л а ш и н. Экспрессионизм и поэтизм; И. У р б а н е ц. Творческое развитие Петра Безруча до появления сборника «Силезский номер».

«Izraz», 1968, № 1

С. В е р е ш. Замкнутый круг; Р. В о л к. Верование; М. Б о г и ч е в и ч. Лирика И. Сарайлича; К. П р о х н и ч. Мораль духовной активности.

№ 2

Р. К о н с т а н т и н о в и ч. Космос — захламление — ничтожество; М. Д а м н я н о в и ч. Образец и творческий акт; Е. Д е н е г р и. Живопись Р. Дамьяновича-Дамьяна; З. Л е ш и ч. Язык художественной литературы; О. С у с. Типология абсурдности и некоторые ее словенские виды.

«Jezik in slovstvo», 1968, № 3

А. Б а с е ц. Словенский книжный язык; А. С л о д н я к. Проза П. Воравца; Л. Б е з л а й - К р е в е л. Словенская ткацкая терминология; Я. М у ш и ч. Ю. Козак и реалистическая беллетристика.

№ 4

Е. Ш т а м п а р. Словенско-хорватские книжные связи; Я. Р о т а р. Отрицательная частица в конструкциях с условным наклоном; Х. Г л у ш и ч. Проза Кирила Космача; М. Р о д е. Несобственно-прямая речь; И. Т о п о р и ш и ч. Мысли о нашем словенском языке.

ВТОРОЕ СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ЧССР

В Москве с 28 по 31 мая 1968 г. проходило совместное заседание Комиссии историков СССР — ЧССР¹.

В состав чехословацкой делегации входили: чл.-кор. ЧСАН Л. Голотик (директор Института истории САН), д-р Т. Гохштайгер (директор Военно-исторического института), д-р Й. Грозненчик (директор Института истории европейских социалистических стран САН), д-р З. Шолле (вице-президент Чехословацкого общества историков), а также доктора К. Пихлик, Ф. Яначек, О. Яначек, Зд. Сладек, Вл. Вавра, Яр. Кржижек, К. Гренер. Делегацию чехословацких историков возглавлял директор Института истории компартии Словакии Б. Граца. С советской стороны в совместном заседании принимали участие члены комиссии во главе с акад. П. Н. Поспеловым, члены бюро Отделения истории, академики Е. М. Жуков, А. А. Губер, И. И. Минц, С. Д. Сказкин, редакторы исторических журналов и др. На заседании присутствовали также сотрудники институтов и высших учебных заведений Москвы.

На заседании обсуждалась важная научная проблема «Образование самостоятельного Чехословацкого государства в 1918 г. (к 50-летию возникновения ЧСР)» По этой проблеме был сделан доклад и 12 научных сообщений.

Доц. К. Пихлик (Чехословакия) в своем докладе проанализировал новую обстановку, сложившуюся для чешского и словацкого национально-освободительного движения в годы первой мировой войны, особенности движения в эмиграции, концепции, программы и планы, с которыми выступали представители различных политических группировок.

В выступлениях В. М. Турок-Попова, И. И. Минца, Л. Голотика, Я. Б. Шмерала, в отличие от докладчика, говорившего главным образом о деятельности по-

литических организаций в эмиграции обращалось внимание на необходимость изучения всех факторов, оказывавших влияние на процесс возникновения самостоятельного чехословацкого государства. В этой связи подчеркивалось решающее значение Великой Октябрьской социалистической революции, в результате которой коренным образом изменилась расстановка сил на международной арене и вся стратегия империалистических держав. Октябрь оказал революционизирующее воздействие на освободительное движение во всех странах Европы, в том числе в Чешских землях и Словакии, что, естественно, усилило борьбу за национальную независимость и самостоятельность государства чехов и словаков. О рабочем движении, о роли народных масс в борьбе за создание Чехословацкой Республики говорили Зд. Шолле, Я. Б. Шмераль. И. Н. Мельникова рассказала о революционном движении на территории Закарпатской Украины.

При оценке роли буржуазных лидеров чехословацкого национального движения большинство участников дискуссии склонялось к тому, что нужен более глубокий научный подход, учет классовых позиций и других побудительных мотивов, которые накладывали отпечаток на их деятельность, политику и тактику.

Не отрицая известной роли Масарика. Бенеша и др. лидеров чехословацкого национального движения в борьбе за национальную независимость и самостоятельное государство, многие участники дискуссии (В. М. Турок-Попов, И. И. Минц, А. Х. Клеванский) обратили внимание и на тот факт, что эти лидеры стремились затормозить дальнейшее углубление революции, задержать ее на общедемократическом этапе, не допустить, чтобы рабочий класс Чехословакии пошел по пути русского Октября.

Советская внешняя политика в 1918—1919 гг., ее миролюбивый характер и активная роль в борьбе за установление дружественных отношений с молодой Чехословацкой Республикой стали пред-

¹ Первое заседание комиссии состоялось в Праге в мае 1967 г. (См. «Советское славяноведение», 1967, № 6).

метом интересных сообщений А. Х. Клеванского и А. О. Чубарьяна. О внешней политике Чехословацкой Республики в первые годы ее существования говорил Эд. Сладек; начальный период советско-чехословацких научных и культурных связей осветил А. Е. Иоффе.

О чехословацких легионах в России, их выступлении против Советской власти на стороне интервентов сообщение сделал В. Вавра, пытавшийся объяснить, как могло случиться, что легионеры, в основной своей массе не питавшие антипатии к социалистической революции в России, оказались втянутыми в контрреволюционную авантюру, выгодную империалистам Антанты. Яр. Крижижек осветил вопрос о чехословацких красноармейцах, сражавшихся на стороне Советской Армии в годы гражданской войны и иностранной интервенции.

С большим интересом были заслушаны научные информации советской и чехословацкой стороны по ряду вопросов, имеющих важное значение для сотрудничества историков обеих стран. Начальник Главного архивного управления при СМ СССР Г. А. Белов рассказал о том, как

советские архивы создают условия для вовлечения в научный оборот новых источников по истории Чехословакии и советско-чехословацких отношений. Представитель чехословацкого архивного управления К. Грениер сообщил много новых данных об архивных материалах, которые могут быть использованы при изучении истории СССР и международного рабочего движения. Заслушаны были и другие информации: о применении в СССР математических методов и электронно-счетных машин в исторических исследованиях (И. Д. Ковальченко), о разработке в Чехословакии истории СССР и КПСС (Ф. Яначек), об изучении в СССР истории Чехословакии (А. И. Недорезов), о подготовке к VI конгрессу славистов (И. А. Хренов, Л. Голотик), о подготовке к XIII всемирному конгрессу историков (А. С. Протопопов) и др.

Следующее заседание намечено провести в Чехословакии в мае-июне 1969 г., посвятив его проблемам второй мировой войны и советско-чехословацким отношениям в эти годы.

П. Р.

КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИОГРАФИИ

В соответствии с планом работы Комиссии историков СССР и ПНР, а также с программой сотрудничества Академии наук СССР и Польской академии наук 10—12 июня 1968 г. в Москве состоялась конференция советских и польских ученых, посвященная проблемам историографии.

Конференция должна была подвести итоги исследований, проделанных за последние 20 лет польскими учеными по истории народов СССР и советскими — по истории Польши с древнейших времен до начала XX в. и о взаимоотношениях наших стран за этот период.

В работе конференции приняли участие польские историки академик Г. Ловмянский, профессора Т. Цесляк, В. Гензель, Х. Маевский, Л. Базылев, З. Вуйцик, М. Танты и А. Скушник. Советские участники конференции, во главе с акад. Б. А. Рыбаковым, были представлены сотрудниками Института славяноведения АН СССР, Института истории АН СССР и исторического факультета МГУ.

Польская сторона представила два доклада: 1) «История народов СССР и польско-русских отношений в историографии народной Польши» (Г. Ловмянский); 2) «История России XIX — начала XX в. в трудах польских историков» (М. Танты).

Советские историки выступили с до-

кладами: 1) «История Польши X—XIV вв. в трудах советских исследователей» (В. Д. Королук); 2) «История Польши XV—XVIII вв. в трудах советских исследователей» (И. Б. Греков); 3) «Труды советских историков по истории Польши XIX — начала XX вв.» (А. Ф. Смирнов); 4) «Изучение польской культуры в трудах советских историков» (И. Ф. Балза).

Доклады не только дали сводку того, что было сделано историками обеих стран по указанной тематике, но и раскрыли основные направления в исследовательской деятельности советских историков-полонистов и польских ученых, изучающих историческое прошлое нашей родины.

Участники прений сделали важные дополнения к докладам. Так, весьма ценные сведения о трудах литовских, белорусских и украинских ученых по истории Речи Посполитой сообщили в своих выступлениях академик Ю. И. Жюгяда, М. Ючас, А. И. Грицкевич, Ф. П. Шевченко. Существенные замечания по поводу обзоров исследований феодальной истории Польши в России были высказаны Г. А. Новицким, Н. Н. Улацким. Важные предложения относительно публикации источников по феодальной истории наших стран сделал А. И. Рогов.

Развивая отдельные положения доклада А. Ф. Смирнова, выступили с интерес-

ными сообщениями В. А. Дьяков и А. Я. Манусевич. В. А. Дьяков охарактеризовал вклад советских исследователей в изучение истории русско-польских революционных связей первой половины XIX в. А. Я. Манусевич проанализировал комплекс советских работ по истории русско-польских революционных связей в начале XX в., обратив особое внимание на раскрытие роли В. И. Ленина в установлении русско-польского революционного союза.

В. Гензель затронул в своем выступлении проблемы раннефеодальной истории Руси и Польши, отметив дискуссионность ряда существующих в исторической науке точек зрения. Так, дискуссионным он считает тезис об отставании Польши от Руси в X—XI вв.

В своем выступлении в прениях Г. Ловмянский, в целом положительно оценив советские доклады по феодальной тематике, сделал ряд критических замечаний по поводу периодизации раннесредневековой истории Польши, предложенной в докладе В. Д. Королюка. Г. Ловмянский высказался также за то, чтобы при освещении аграрного развития наших стран в XVI—XVII вв. историки обращали больше внимания на своеобразный характер социально-экономических процессов в отдельных областях и странах. Выступление З. Вуйцика было посвящено изучению русско-польских отношений XVI—XVII вв. в советской и польской историографии. Он дополнил некоторыми существенными фактами доклад Г. Ловмянского, а также доклады советских авторов.

Существенные дополнения были сделаны польскими историками к докладам, освещающим разработку истории Польши и России XIX — начала XX в. Отметив усиление внимания к этому периоду истории народов СССР в польской историографической литературе последних лет, Л. Базылев призвал польских историков изучать не только историческое прошлое Украины, Белоруссии и Литвы, особенно тесно связанных с историческим развитием Польши XIX в., но и общие закономерности исторического развития всей многонациональной Российской империи. Л. Базылев подчеркнул при этом, что исторические судьбы польского народа в XIX — начале XX в. были тесно

связаны именно с Россией, с ее внутренней и внешней политикой, с ее общественным движением и культурой.

Важный раздел современной польской историографии был освещен в выступлении Т. Цесляка. Он говорил об интенсивном изучении польскими учеными событий Великой Октябрьской социалистической революции. Т. Цесляк отметил, что польская историческая наука выявила около 1000 поляков, активно участвовавших в борьбе за торжество социалистической революции в России; вместе с тем польские историки показали, какое влияние оказал Великий Октябрь на различные классы польского общества, какой важной предпосылкой для создания государственной самостоятельности Польши явилась Октябрьская революция. Т. Цесляк особо остановился на исторических исследованиях, подготовленных польскими историками в связи с 50-летием Октября.

На конференции рассматривались также вопросы использования историками архивных фондов. Этой проблеме был посвящен доклад К. С. Кузнецовой («Роль советских архивистов в создании источниковедческой базы для изучения истории Польши и советско-польских отношений»).

Важное место в работе конференции заняла взаимная информация о ходе подготовки советских и польских историков к съезду славистов (доклады И. А. Хренова и Т. Цесляка) и к конгрессу историков в Москве (доклады акад. А. А. Губера и информация проф. Т. Цесляка).

Подводя итоги конференции, Б. А. Рыбаков подчеркнул, что ее результатом можно считать не только суммирование и обобщение того, что было сделано до сих пор, но в известной мере и одобрение наметившихся в последние десятилетия путей развития славяноведческой науки в наших странах.

Б. А. Рыбаков выразил убеждение в том, что возникшая недавно комиссия историков СССР и Польши будет содействовать дальнейшей интенсификации нашей совместной работы, как и развитию славяноведческой науки в наших странах.

*И. Греков,
Л. Заборовский,
Б. Флоря*

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В г. ВЕЛИКОЕ ТЫРНОВО

22 и 23 мая 1968 г. в древнем болгарском городе Великое Тырново состоялась научная конференция на тему «Тырново и балканские народы», организованная Высшим педагогическим институтом им. братьев Кирилла и Мефодия. Рассматривались проблемы истории и культуры города в период XIII—XIV вв. В работе конференции приняли участие болгарские историки и филологи и зарубежные ученые из Венгрии, Румынии, СССР и Югославии.

Проф. И. Дуйчев в докладе «Тырново как столица Второго Болгарского царства», основываясь на письменных и археологических источниках, осветил историю города в указанный период.

«Тырново, Балканы и Западная Европа» — с таким докладом выступил доц. Б. Прымов. Убедительно прозвучал его вывод о плодотворном сотрудничестве болгар и румын (влахов) в период восстановления болгарского народа против ви-

зантийского ига в 1185—1187 гг. и об участии влахов в создании Второго Болгарского царства.

Некоторые стороны социально-экономической истории г. Великое Тырново в период средневековья были затронуты в докладе ст. ассистента института Х. Коларова «Горговые связи Тырново с соседними странами». Подробно были охарактеризованы торговые отношения Болгарии с Византией, Дубровником, Генуей и Венецией.

Проф. П. Динев сделал доклад на тему «Тырново — центр болгарской литературы в XIII—XIV вв.»

История Великого Тырново как городского центра и крепости была освещена в докладе ректора института проф. С. Станчева-Ваклинова.

Следует отметить хорошую организацию сессии, теплоту и приветливость хозяев.

Л. Горина

В ГРУППЕ ПО СБОРУ МАТЕРИАЛОВ О З. НЕЕДЛЫ

90-летие со дня рождения выдающегося чехословацкого ученого, общественного и государственного деятеля З. Неедлы было торжественно и тепло отмечено не только на родине ученого, но и общественностью Советского Союза. Как в Чехословакии, так и в нашей стране во многих выступлениях звучала мысль, что лучшим памятником З. Неедлы будет изучение его наследства.

По инициативе общественности Московского государственного университета, при Обществе советско-чехословацкой дружбы создана группа по сбору материалов о З. Неедлы, которая предполагает развернуть сбор и запись воспоминаний о З. Неедлы. С воспоминаниями о З. Неедлы уже выступили художник И. И. Мозалевский, проф. В. И. Авдиев, доцент МГУ И. В. Миронова, сотрудник псфака МГУ Н. М. Мырикова и др. Тексты хранятся в кабинете З. Неедлы в Праге. Следует эту работу продолжить в более широких масштабах и более интенсивно. В будущем эти материалы могут послужить основой для публикации мемуаров о Неедлы.

В Московском университете написано несколько дипломных работ об обществе чехословацко-советской дружбы, создан-

ном и возглавленном З. Неедлы еще в межвоенный период, об эстетических взглядах З. Неедлы, готовится монография о нем. Представляется целесообразным усилиями всех, изучающих деятельность и наследство З. Неедлы в МГУ, в Институте славяноведения АН СССР и других учреждениях нашей страны, подготовить очередной сборник статей о нем (первый сборник «Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый» под ред. С. И. Прасолова вышел в 1964 г.).

При одной из школ-интернатов, являющейся коллективным членом Общества советско-чехословацкой дружбы, предполагается создать музей З. Неедлы. Для этого музея группа располагает большим количеством фотографий, оригинальных документов, фотокопий, книг и других материалов.

Группа по сбору материалов о З. Неедлы призывает всех, кому дорога память о З. Неедлы, включиться в благородное дело по увековечению памяти выдающегося чехского ученого и общественного деятеля, верного друга Советского Союза.

Б. М. Руколь

СОВЕЩАНИЕ КОМИССИИ ПО ФОНЕТИКЕ И ФОНОЛОГИИ ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ КОМИТЕТЕ СЛАВИСТОВ

С 19 по 24 апреля 1968 г. в Софии проходило первое совещание Комиссии по фонетике и фонологии при Международном комитете славистов (МКС). В повестку дня работы совещания, носившего организационный характер, по пред-

ложению руководства Института болгарского языка БАН было включено обсуждение проблемы аканья в болгарском языке, решение которой будет способствовать рассмотрению аканья в других славянских языках и прежде всего в русском.

На совещании Комиссии, привлекая к себе внимание большого числа языковедов, присутствовали ее члены: профессор Р. И. Аванесов (СССР), П. Ивич (Югославия), М. Карась (Польша), М. Ромпортл (Чехословакия), С. Стойков (Болгария) и Й. Хамм (Австрия), а также председатель Болгарского комитета славистов акад. В. Георгиев, профессор И. Леков, К. Мирчев, Л. Андрейчин (Болгария), проф. Ф. П. Филин (СССР), преподаватели филологического факультета Софийского университета, научные сотрудники Института болгарского языка и др.

От имени Болгарского комитета славистов и Президиума БАН участников совещания сердечно приветствовал акад. В. Георгиев. Он подчеркнул первостепенное значение задач, стоящих перед Комиссией по фонетике и фонологии при МКС.

С докладом на тему «Цели и задачи Комиссии по фонетике и фонологии при МКС» выступил проф. С. Стойков. Он остановился на истории создания Комиссии, а затем охарактеризовал ряд актуальных теоретических и практических задач, которые может поставить и решить Комиссия: параллельное изучение фонетических и фонологических особенностей славянских языков, исследование палатальности, ударения, мелодики, решенные проблемы транскрипции в славянских языках, вопроса принятия единой системы транслитерации с кириллицы на латиницу и обратно и др. С. Стойков отметил, что после предварительных исследований станет возможным написать сопоставительной фонетики славянских языков с учетом новых данных на основе современных научных методов. Важным вопросом, остро стоящим во всех славянских странах, является организация фонетических лабораторий, а также создание общеславянской фонетической лаборатории в едином центре, оснащенной современной аппаратурой. С. Стойков выразил надежду и уверенность, что с основанием Комиссии фонетические и фонологические исследования славянских языков получат новый импульс, что в результате ее работы реализуется ряд важных начинаний и Комиссия сможет сыграть известную роль в развитии славистики.

Затем были заслушаны доклады проф. М. Ромпортла «Современное состояние фонетических и фонологических исследований по чешскому и словацкому языкам», проф. М. Карася «Современное состояние фонетических и фонологических исследований по польскому языку», проф. П. Ивича «Современное состояние фонетических и фонологических исследований по сербско-хорватскому, словенскому и македонскому языкам» и проф. С. Стойкова «О современном состоянии исследований по фонетике и фонологии болгар-

ского языка». К сожалению, доклад проф. С. С. Высотского (СССР) «О современном состоянии фонетических и фонологических исследований по русскому, украинскому и белорусскому языкам» не был прочитан ввиду отсутствия докладчика.

Выступивший проф. Р. И. Аванесов дал высокую оценку заслушанным докладам, отметив их критический характер. Он информировал участников совещания о новых работах по фонетике и фонологии, изданных в последнее время в СССР. Он указал на необходимость решения вопроса соотношения фонетики и фонологии, отношения фонетики к слову, отношения фонологии к структуре языка, вопроса акцентуации, ударения и его отношения к морфологии и лексике, вопроса о потенциальных фонемах, инвариантности фонем литературного языка, о нефонологическом слоговом фоне и слоговых консонантах и т. д.

Проф. И. Леков, отметив исчерпывающий характер информационных докладов, подчеркнул важность положений о первостепенном значении акустической стороны речи, о делении на центр и периферию, о сосуществующих системах, высказанных в докладе М. Ромпортла, и изложенного в докладе М. Карася положения о необходимости рассмотрения фонологической системы с точки зрения того, что синхронна динамична.

Проф. Й. Хамм отметил, что решение проблемы центра и периферии открывает путь широкого сотрудничества фонетистов и фологов. Периферию и начало ее можно установить только с помощью фонетистов.

Проф. М. Ромпортл в своем выступлении остановил внимание на критериях и границах отграничения центра от периферии.

Проф. П. Ивич отметил, что существует единство в понимании основных вопросов фонетики и фонологии и охарактеризовал вопрос об отношении между фонетикой и фонологией, о характере будущей фонологии и о значении дистриктивных признаков. Он указал также на большую важность вопроса центра и периферии при исследовании диахронических процессов.

Проф. М. Карась рассказал о стоящей перед польскими учеными задаче по исследованию фонетики и фонологии разговорного польского языка.

Проф. М. Ромпортл поставил на обсуждение Комиссии составленный им «Проект сопоставительной фонетики и фонологии славянских языков». Он указал, что имеющиеся работы по сравнительным фонетикам отдельных славянских языков не дают целостной фонетико-фонологической картины славянской семьи языков и что назрела необходимость создания пособия, отвечающего современным научным требованиям. Он считает, что необ-

ходим коллективный труд по сопоставительной, а не сравнительной фонетике и фонологии славянских языков. М. Ромпортл подчеркнул, что «Сопоставительная фонетика и фонология славянских языков» должна быть создана на основе синхронного изучения современных славянских литературных языков с привлечением диалектного материала и описания произносительных вариантов литературных языков.

Выступившие в прениях В. Георгиев, Р. И. Аванесов, П. Ивич, И. Хамм, И. Лекков, М. Карась и С. Стойков единодушно одобрили содержащиеся в докладе М. Ромпортла практические рекомендации и высказались за создание сопоставительной, а не сравнительной фонетики и фонологии славянских языков, за частичное описание в таком труде морфологии, ударения и интонации, как промежуточных и граничащих с грамматической областей.

В своем докладе «Некоторые проблемы транскрипции в славянских литературных языках» проф. Р. И. Аванесов подчеркнул, что должна быть принята единая для всех славянских языков транскрипция. Для этой цели он предложил использовать фонетическую (не фонематическую) транскрипцию, которая в данном случае является, по его мнению, универсальной. В основу такой транскрипции должна быть положена латиница с использованием знаков международной транскрипции с соответствующей их коррекцией и с учетом особенностей славянских языков. Исходя из этого, Р. И. Аванесов сделал конкретные предложения для разграничения звуков и ударения и их диакритики, отметив при этом первостепенную важность разграничения звуков, а не их обозначения.

В докладе «Транскрипция в функциональном виде» проф. И. Хамм говорил о различных уровнях в транскрипции и многочисленных вариантах транслитерации иностранных имен в славянских именах, о необходимости выработать единые правила транслитерации.

По докладам Р. И. Аванесова и И. Хамма выступили В. Георгиев и Л. Андрейчин. П. Ивич и М. Ромпортл внесли конкретные предложения и дополнения к проекту транскрипции в славянских литературных языках, предложенному Р. И. Аванесовым. С. Стойков не согласился с использованием латиницы для транскрипции болгарского языка.

Затем были заслушаны доклад проф. С. Стойкова «Аканья в болгарском языке» и содоклады акад. В. Георгиева и проф. Ф. П. Филина¹.

В своем докладе С. Стойков говорил о различных типах аканья в родопских болгарских говорах.

В. Георгиев подчеркнул, что из доклада С. Стойкова вытекают два вывода в пользу тезиса о праславянском \tilde{a} : 1) древность родопского аканья и 2) невозможность объяснения генезиса этого явления, исходя из фонологической системы родопских говоров.

Ф. П. Филин также подчеркнул, что аканье — древнее явление, связанное с праславянской фонетической системой. Он отметил, что новооткрытые Новгородские грамоты (XI—XIII вв.) отражают более ранние, чем принято считать, примеры аканья. Теория В. Георгиева объясняет многие явления, свойственные праславянской фонологической системе. Однако остается неразрешенным ряд вопросов, в том числе причины лабиализации a и существующих типов аканья.

По мнению П. Ивича, выравнивание \tilde{o} и \tilde{a} в рамках праславянской вокальной системы маловероятно, а переход $\tilde{a} > \tilde{o}$ означал бы такое исключительное развитие, которое вступает в противоречие с общими тенденциями. Эти тенденции могут определяться как экстремное развитие крайних членов системы и как нормальное — средних. В праславянской фонологической системе \tilde{o} являлось весьма открытым звуком (ср. судьбу a в **radostь* и под. при праславянском позднем сокращении долготы). С другой стороны, все современные славянские диалекты различают ударную и безударную позиции.

Говоря о докладе С. Стойкова, П. Ивич высказал сомнение, что болгарское родопское аканье возникло на рубеже древнеболгарского и среднеболгарского периодов. По его мнению, оно аналогично остальным явлениям восточноболгарской редукции, о чем свидетельствуют и другие явления в родопских говорах. Вокальная система родопских говоров архаична в отличие от консонантизма и морфологии. Аканье наступило нерешительно, так как не отмечаются случаи обратной замены этимологического a через \tilde{o} вследствие гиперкорректности.

Высказываясь по содокладу В. Георгиева, П. Ивич подчеркнул, что при использовании греческой топонимии следует иметь в виду, что в ней есть несколько пластов, что в северногреческих диалектах не существует безударного \tilde{o} , поэтому славянское \tilde{o} могло бы субституироваться в a . Формы без метатезы не являются убедительным аргументом в пользу аканья в праславянском. П. Ивич согласился с В. Георгиевым, что нет доказательств в пользу **gardь* и что в конце праславянской эпохи $a > \tilde{o}$.

Касаясь содоклада Ф. П. Филина, П. Ивич отметил, что тезис о позднейшем возникновении аканья может быть принят, если будет разъяснен механизм

¹ См. подробнее в кн.: В. И. Георгиев, В. К. Журавлев, Ф. П. Филин, С. И. Стойков. Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968.

этого явления. Материал берестяных грамот не надежен из-за многих содержащихся в них ошибок, датировка грамот очень спорна, неизвестна и диалектная принадлежность писцов. Примеры новгородских грамот не доказывают древности аканья. Примеры замены *o* на *ъ* в грамотах характеризуют не отношение *o* — *a*, а отношение *o* — *ъ*.

Проф. И. Леков высказал несогласие с теорией праславянской вокальной системы и ее дифференциальных признаков, предложенной В. Георгиевым. Он считает, что эта теория не сообразуется с рядом общепризнанных закономерностей (например, с трансформацией просодических качеств в количественные различия в праславянском). И. Леков полагает, что более подходящим обозначением спорной праславянской фонемы было бы *ao*.

Научный сотрудник И. Кочев (Болгария) представил вниманию присутствующих свои наблюдения над еще одним типом отношения *o* и *a* «широкоакающего» в некоторых родопских говорах.

Ряд фактов аканья в современном болгарском языке привел проф. К. Попов (Болгария). Он поставил вопрос о необходимости изучения специфических условий развития аканья, которое, по его мнению, имеет прямую связь с праславянской фонетической системой.

Проф. С. Стоянов (Болгария) подчеркнул тот факт, что родопские говоры изолированы от общей территории аканья и что в древнеболгарских памятниках факты аканья не засвидетельствованы.

О сложности обсуждаемой проблемы и сильных сторонах двух теорий об аканье говорил М. Карась. Он считает, что отношения *a* — *o* затронули всю праславянскую фонологическую систему. М. Карась подчеркнул связь между акцентом и развитием аканья. Теория аканья, предложенная В. Георгиевым, по его мнению, продуктивнее, потому что она объясняет больше явлений.

Доц. С. Кабасанов (Болгария) сообщил ряд фактов, подтверждающих архаичность родопских говоров в фонетическом отношении. Он подчеркнул, что аканье наблюдается в самых древних диалектах.

В своем выступлении Р. П. Аванесов напомнил, что одинаковые условия могут привести языковые явления к различным результатам и что самые архаичные типы аканья сохранились в центре русской языковой области. Он призвал тщательнее изучать фактический материал современных славянских диалектов, памятников и данные сравнительной грамматики славянских языков.

В заключительном слове С. Стойков подчеркнул большое значение дискуссии, заключающейся в том, что проблема аканья рассматривалась на основе нового, неизвестного славистического материала. Проблема аканья нуждается в дальнейшем исследовании, при котором по возможности исчерпывающе должен быть использован болгарский диалектный материал. Аканье, по мнению С. Стойкова, древнее явление (но не более раннее, чем переход *ъ* > *o*), однако оно не может рассматриваться как праславянское. Характерно, что аканье — типичное явление в языке болгар-магометан.

Говоря о значении дискуссии, В. Георгиев сказал, что она способствовала решению проблемы аканья, затрагивающей ряд центральных вопросов вокальной системы.

Совещание решило, что Комиссия по фонетике и фонологии должна продолжить свою работу, и утвердило конкретные предложения по составлению сопоставительной фонетики и фонологии, по организации научно-исследовательской работы и сотрудничеству между учеными отдельных стран и центров, по использованию аппаратуры, совместной организации диалектологических исследований, максимальной координации и взаимопомощи, особенно в области экспериментальной фонетики. На заседании был предложен также примерный состав Комиссии по фонетике и фонологии: по два представителя от Болгарии, Польши и Чехословакии, по четыре — от СССР и Югославии, один — от Австрии. Обязанности председателя Комиссии были возложены на проф. С. Стойкова.

Э. А. Григорян

ТРИФОН ГАЛАКТИОНОВИЧ СНЫТКО

11 июня 1968 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР, кандидат исторических наук Трифон Галактионович Снытко.

Т. Г. Снытко родился в 1903 г. в селе Комаровичи Чериковского уезда Могилевской губернии в семье крестьянина.

Сразу же после установления Советской власти Т. Г. Снытко активно включается в общественно-политическую работу. В 1922 г. он организует в родном селе комсомольскую ячейку и становится ее секретарем. В том же году его командировуют в Могилевскую совпартшколу, по окончании которой он работает в Кричевском районе сначала в Исполкоме райсовета, а затем — преподавателем школы крестьянской молодежи.

После службы в Красной Армии (1925—1927 гг.) и окончания пропагандистского отделения совпартшколы второй ступени (1927—1929 гг.) Т. Г. Снытко был учителем истории в средней школе, преподавал обществоведение на рабфаке одного из смоленских вузов.

В 1934 г. он поступил на исторический факультет Московского института истории, философии и литературы, после окончания которого работал научным сотрудником Центрального государственного исторического архива древних актов и одновременно учился в аспирантуре исторического факультета МИФЛИ.

С июня 1941 г. Т. Г. Снытко находился в рядах Советской Армии, был политработником. Его боевые заслуги перед Родиной отмечены шестью правительственными наградами. Военные тяготы и кон-

тузия настолько подорвали здоровье Т. Г. Снытко, что лишь в 1948 г. он смог вернуться на работу в Центральный государственный исторический архив в Москве и по-настоящему возобновить свои научные занятия. В 1961 г. после защиты кандидатской диссертации он перешел в Институт славяноведения АН СССР, где и работал до последнего времени.

Научные интересы Снытко были весьма широки: хронологически они охватывают период с конца XVIII в. до 20-х годов XX в., тематически — отечественную историю, историю Польши и других зарубежных славянских народов, архивоведение и вспомогательные исторические дисциплины. Он опубликовал несколько десятков работ.

Т. Г. Снытко подготовил ценные публикации из истории революционного движения в России, принимал участие в изданиях, посвященных восстанию 1863—1864 гг., истории советско-польских отношений и др.

Значительный вклад внес Снытко в исследование истории русско-польских революционных связей. Этой теме посвящена, в частности, его крупная работа «Студенческое движение в русских университетах в 60-х годах и восстание 1863 г.».

Последние годы Т. Г. Снытко работал над большой монографией «Поляки и народники. Взаимные связи между русским народничеством и польским общественным движением в 1865—1881 гг.»

Светлая память о Трифоне Галактионовиче навсегда останется в наших сердцах.

*В. А. Дьяков,
П. Н. Ольшанский*

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1968 г.

Статьи

Венедиктов Г. К. К истории слов современного болгарского литературного языка	№ 3
Верещагин Е. М. О пробных статьях однотомного словаря старославянского языка.	№ 5
Виноградов В. В. Об экспрессивных изменениях значений и форм слов	№ 4
Гибянский Л. Я. Разгром буржуазной оппозиции и закрепление победы народной революции в Югославии (июнь 1945 — январь 1946)	№ 3
Дороница Р. Ф. Поэзия Десанки Максимович.	№ 4
Достян И. С. Политические идеи Общества соединенных славян	№ 4
Дыбо В. А. Фрагмент праславянской акцентной системы (Формы-enclitopnea в аористе <i>i</i> -глаголов).	№ 6
Дьяков В. А. Новые материалы о Петре Сцегенном	№ 3
Злыднев В. И. А. М. Селищев и его болгарские связи	№ 4
Калнынь Л. Организация фонемного состава иноязычных заимствований в диалектном языке.	№ 2
Карасев В. Г. Сотрудничество сербского демократа Живоина Жуевича в газете «С.-Петербургские ведомости» в 1864 году	№ 6
Карпачев А. М. Феодальные юриды в королевских городах Белоруссии XVII—XVIII веков (К вопросу о формах землевладения в городах Речи Посполитой).	№ 6
Киряков К. Социалистическая перестройка сельского хозяйства в Народной Республике Болгарии.	№ 1
Кишкин Л. С. О современном содержании понятия «сравнительное литературоведение»	№ 4
Костюшко И. И. Традиции революционной борьбы КПП и объединение польского рабочего движения.	№ 6
Липатов А. Литературные направления эпохи польского Просвещения и проблема художественного метода.	№ 4
Львова Е. П. В. Д. Поленов в Болгарии.	№ 4
Маркевич Г. Современное состояние науки о польской литературе	№ 1
Марченко А. Д. Дружеские связи тружеников советского тыла с чехословацкими воинами в годы Великой Отечественной войны	№ 4
Маслов Ю. С. Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм.	№ 4
Мельцер Д. Б. К вопросу о признании Болгарией Советской России (1920—1923 гг.).	№ 1
Михутина И. В. Польша и конвенция об определении агрессора	№ 5
Немировский Е. Л. Славянские инкунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза	№ 1
Писарев Ю. А. К истории создания югославского национального государства в 1918 году.	№ 6
Резонов П. И. Борьба КПЧ против угрозы фашизма и гитлеровской агрессии	№ 5
Смирнов А. Ф. Карл Маркс о польском вопросе	№ 2

Смирнов Ю. И. О системе эпического повествования	№ 4
Софронова Л. О семантической структуре сюжета	№ 6
Толстая С. М. Сочетаемость согласных в связи с фонологической структурой слова в славянских языках	№ 1
Цыбенко Е. З. Проблемы социального романа в польской критике 60—70-х годов XIX века	№ 2
Чистяков В. В. Борьба Розы Люксембург против милитаризма и военной опасности в начале XX века	№ 3
Чуркина И. О некоторых особенностях формирования словенской нации	№ 2
Шицел М. Хорватская литература после второй мировой войны	№ 5
Шмераль Я. Б. К 50-летию Чехословацкой республики	№ 6
Яжборовская И. С. В. И. Ленин и вопрос независимости Польши	№ 5

Сообщения и публикации

Агапкина Т. П. К истории создания книги «День мира»	№ 3
Ангелов Б. О русско-болгарских связях в XV—XVII вв.	№ 2
Вялова С. О. К вопросу о русско-словацких культурных связях 60—70-х годов XIX века	№ 2
Галактионов И. В. Письма А. Л. Ордина-Нащокина Ф. И. Шереметьеву	№ 2
Зайцев В. К. Славянский подвиг в Хотинской битве 1621 года и его отражение в эпической поэме Гундулича «Осман»	№ 1
Карская Т. С. Три месяца в Праге (Записные книжки А. Н. Пыпина)	№ 3
Копреева Т. Н. К вопросу о датировке «Жития» Софрония Врачанского	№ 5
Костюшко И. И. Кооперативный план В. И. Ленина и его международное значение	№ 2
Кузьмин А. И. Переписка С. Гурбан-Ваянского с Е. В. Петуховым	№ 5
Лацик М. Русская славистика и словацкий язык	№ 2
Недорезов А. И. Решающая победа чехословацкого народа в феврале 1948 года	№ 1
Никитин С. А., Зueva Н. В., Шатохина Е. М. К 90-летию со дня освобождения Болгарии от турецкого ига	№ 1
Писарэк Г. Неизвестные письма З. Сераковского, Н. П. Огарева и А. И. Герцена к Любомиру Гадону	№ 1
Покровская Г. Леонид Леонов в Югославии	№ 3
Стеклова Ф. А. И. Одоевский и Адольф Янушкевич	№ 3

Люди, события, факты

Гундоров А. Памяти большого друга Советского Союза	№ 1
Зеленин В. В. К биографии Дундича	№ 4
Каупуж А. З. Доленга-Ходаковский и И. Н. Лобойко	№ 5
Коджейков Д. Воспоминания	№ 1
Королюк В. Д. Болгарское Возрождение в графике Н. И. Калиты	№ 3
Королюк В. Д. Поэзия Франтишека Грубина в иллюстрациях А. В. Сапожников	№ 6
Королюк В. Д. Русская тема в книжных иллюстрациях Вацлава Фиалы	№ 1
Перцигер И. Б. Домбровцы в польском движении Сопротивления	№ 2
Рогов А. И. Чаша Ивана Грозного в сербском монастыре	№ 3
Струкова К. Л. К биографии К. П. Мисиркова	№ 3

Памятники славянской культуры

Королюк В. Д. Архитектурный памятник X века в Несебре	№ 4
Рогов А. И. Белградская икона с изображением Дмитрия Солунского и царя Мамая	№ 5
Рогов А. И. Люблинские фрески 1418 г.	№ 2
Рогов А. И. Памятник победы под Плевной	№ 1
Свирида И. Сибирские рисунки Яна Дамеля	№ 6

Критика и библиография

А. М. «Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917»	№ 1
Бернштейн С. Б. С. Стойков, Банатский говор	№ 4
Боброва С. П. Учебник по истории южных и западных славян	№ 3
Владимирская В. И. Сила пролетарского единства	№ 5
Воробьева Е. Новый библиографический справочник	№ 1
Вулетиц В. Книги о Великом Октябре	№ 4
Горский И. К. Новые работы о Гоголе в славянских странах	№ 5
Горский И. К. «Песнь Болеслава Червенского»	№ 6
Горский И. К. Польские литературные издания в России	№ 1
Гудков В. П. Новый толковый словарь сербско-хорватского литературного языка	№ 6
Гутшмидт К. «Славянская лексикография и лексикология»	№ 6
Достян И. С. Политика русского правительства на Балканах в 1801—1812 гг.	№ 6
Дьяков В. А. Irena Koberdowa. Polska Wiosna Ludów	№ 6
Дьяков В. А. Полезные издания ленинградских архивистов	№ 5
Зеленин В. В. Сборник статей по истории интернационалистского движения	№ 5
Злупко С. Н. J. Myśliński. Grupy polityczne Królestwa Polskiego w Zachodniej Galicji.	№ 2
Зуев Ф. Г. Материалы сессии, посвященной двадцатилетию Войска Польского.	№ 3
И. К. Второе издание книги об освободительной войне польского народа	№ 3
Ильина Г. Я. Ivo Frangeš. Studije i eseji.	№ 3
Ильина Г. Я. Miroslav Sichel. Pregled novije hrvatske književnosti	№ 4
Индутная Н. Е. Незборима сила идей Жовтня.	№ 5
Иванович Н. Периодическое издание по истории сербского рабочего движения.	№ 5
Каждан А. Димитър Ангелов. История на Византия	№ 2
Кизченко А. Ф., Калениченко П. М. I. С. Дзюбо. Розв'язання національного питання в Чехословаччині — закономірність будівництва соціалізму	№ 2
Кишкин Л. С. Библиографические издания Славянской библиотеки в Праге	№ 5
Корольук В. Д. Свод источников по истории производства в средневековой Чехии.	№ 4
Костюшко И. К истории крестьянской реформы 1864 г. в Королевстве Польском.	№ 1
Липатов А. Новое в исследовании творчества И. Красицкого	№ 3
Л. К. Miroslav Sváb. Prology a epilogy v české predhusitské literatuře	№ 6
Лозинский И. Н. На пути к философскому синтезу	№ 2
Львов А. С. К. М. Куев. Черноризец Храбр.	№ 6
Львова Е. Книга о художниках болгарского Возрождения	№ 3
Мартынова Г. Об изданиях славянских словарей в издательстве «Советская энциклопедия»	№ 1
Молок Ф. А. Книга о чехословацком движении Сопротивления	№ 2
Наумов Е. П. Исторические судьбы Византии и славяно-византийские отношения	№ 4
Наумов Е. П. Новый коллективный труд югославских историков «История Черногории»	№ 3
Ольшанский П. Н. С. Яжборовская. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. 1918—1923 гг.	№ 5
Пашуто В. Т., Ючас М. А. Новый славяно-балтийский ежегодник	№ 1
Петер М. Сборник памяти Иштвана Кнжежи	№ 1
Поп И. Н. R. K vaček. Nad Evropou zatáženo. Československo a Evropa 1932—1937	№ 2
Попков Б. С. Публицистика Союза польских патриотов	№ 2
Попов Г. Н., Чернявский Г. И. Очерк истории революционного движения болгарских горняков	№ 6
Попова Т. М. Младенов. Ихтиманский говор	№ 1
Ройзензон Л. И. О славянских синонимических словарях	№ 5
Сидельников С. Иван Н. Унджиев. Васил Левски	№ 3
Сливовский Р. Новые работы о советской литературе в Народной Польше	№ 1
Соловьева А. «Slezské písně v korespondenci 1898—1918»	№ 5
Суцрун А. Е. Новое издание памятников полабского языка	№ 6

Устинов В. М. Новое исследование о борьбе трудящихся зарубежных стран за власть Советов	№ 6
Фирсов Ф. И. Издание советских и чехословацких историков	№ 3
Фрейденберг М. М. С. Антолак. Помошни историски науки	№ 5
Хренов И. А. С. М. Стецкевич. Рабочее движение в Польше в 1918—1919 годах	№ 4
Цейтлин Р. «Обратен речник на македонскиот јазик»	№ 6
Цейтлин Р. М. «Речник на македонскиот јазик со српско-хрватски толкувања»	№ 3
Чернявский Г. И. Димитър Сирков. В защита на Испанската република 1936—1939	№ 2
Чешко Е. «Български диалектен атлас»	№ 6
Чуркина И. В. J. Pleterski. Narodna in politična zavest na Koroškem	№ 1
Чуркина И. В. F. Gestrin, V. Melik. Slovenska zgodovina 1792—1918	№ 5
Шерлаимова С. Новая работа о чешской поэзии	№ 2
Шультгейс Й. 20 томов «Исследований по немецко-славянской топонимии»	№ 3
Библиография	№ 1—6

Научная жизнь

Виноградова А., Петров В., Стрижкова А. Защита диссертаций в Институте славяноведения АН СССР	№ 1
Горина Л. Научная конференция в г. Великое Тырново	№ 6
Греков И., Заборовский Л., Флоря Б. Конференция историков СССР и ПНР по вопросам историографии	№ 6
Григорян Э. А. Совещание Комиссии по фонетике и фонологии при Международном комитете славистов	№ 6
Г. В. К тематике VI съезда славистов	№ 1
Г. С. Защита диссертации в Институте славяноведения АН СССР	№ 5
Дмитриев П. А. Научное сотрудничество	№ 1
К. И. X сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	№ 3
Кузьмин А. И. Общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР, посвященное 50-летию Советской власти.	№ 2
Легуров Э. И. Защита диссертации.	№ 3
Москаленко А. Е. О защите диссертаций в Воронежском университете	№ 5
М. Т. Юбилейная сессия Отделения истории АН СССР	№ 2
Мунтян М. А., Поглубко К. А. Юбилей исторической дружбы	№ 4
Парсаданова В. С. Научная конференция в Вильнюсе	№ 2
Пашаева Н. М. К юбилею Яна Амоса Коменского	№ 2
Попова Т. Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу	№ 1
П. Р. Второе совместное заседание Комиссии историков СССР — ЧССР	№ 6
Р. С. Научная сессия	№ 5
Руколь Б. М. В группе по сбору материалов о З. Неедлы	№ 6
Сабалюскас А. Балтисты VI съезду славистов	№ 4
Савочкин П. З., Мельцер Д. Б. Четвертая межвузовская научная конференция историков-славистов	№ 4
Созин И. В. Защита диссертации по истории южных и западных славян в МГУ	№ 1
Созин И. В. Защита диссертации в МГУ	№ 4
Шатохина Е. М. В Институте славяноведения АН СССР	№ 4

Научная жизнь за рубежом

В. К. Международная научная конференция о сербской Омладине	№ 3
Греков И. Б. Юбилейная сессия Польской академии наук	№ 3
Колева Т. Научная сессия в Болгарии, посвященная 50-летию Великой Октябрьской революции.	№ 2
Комкова Т. И. Мацек. О состоянии и задачах чехословацкой исторической науки.	№ 2
Куркина Л. В., Чуркина И. В. Семинар словенского языка, литературы и культуры.	№ 3
Можяева И. Курсы славистов в Варшаве.	№ 3

Мокшенок В. М. На летнем семинаре в Праге	№ 3
Песчаный Д. Ценная инициатива	№ 2
Рехович Г. Научная сессия в Катовицах	№ 2

Некрологи

И. Н. Частухин	№ 2
Андре Мазон	№ 2
Т. Г. Снытко	№ 6

CONTENTS

<i>J. Smeral.</i> Towards the 50-th anniversary of the Czechoslovak Republic. <i>Yu. A. Pisarev.</i> On the history of the creation of the Yugoslav national state in 1918. <i>I. I. Kostyuško.</i> The traditions of the revolutionary struggle of the CP of Poland and the unification of the Polish working movement. <i>A. M. Karpačev.</i> Feudal juridics in the royal towns of Byelorussia in the XVII—XVIII centuries (on the forms of land tenure in the towns of Rzeczpospolita). <i>V. G. Karasev.</i> Živojn Žujević, a Serb democrat, and his participation in «Sankt-Petersburgskie Vedomosti» in 1864. <i>L. Sojronova.</i> On the semantic structure of the plot. <i>V. A. Dybo.</i> A fragment of the Proto-Slavic accent system (the enclina- mena in the Aorist of the <i>i</i> -verbs)	3
---	---

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>V. D. Korolyuk.</i> Frantiček Hrubin's poetry illustrated by A. V. Sapožnikov.	78
---	----

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

<i>I. Svirida.</i> Jan Damel's Siberian drawings	82
--	----

BIBLIOGRAPHY

<i>V. M. Ustinov.</i> A new study on the struggle of the working people of foreign countries for the Soviet power. <i>G. N. Popov, G. I. Cernuavskij.</i> An outline of the history of the revolutionary struggle of the Bulgarian miners. <i>I. S. Dostyan.</i> The Russian government's policy on the Balkans in 1801—1812. <i>V. A. Dyakov.</i> Irena Koberdowa. Polska Wiosna Ludów. <i>I. K. Gorskij.</i> «The Song of Bolesław Czerwiński». <i>L. K. Miroslav Sváb.</i> Prology a epilogy v české předhusitské literatuře. <i>E. Češko.</i> «Български диалектен атлас». <i>A. S. Lvov.</i> Черноризец Храбър. <i>R. Ceitlin.</i> Обратен речник на македонскиот јазик». <i>Karl Gutschmidt</i> (GDR). «Славянская лексикография и лексикология». <i>V. P. Gudkov.</i> A new dictionary of the literary Serbo-Croatian. <i>A. Je. Suprun.</i> A new edition of Old Polabian texts	88
---	----

BIBLIOGRAPHY

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1968. The contents of foreign periodicals	119
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>P. R.</i> The Second Joint Session of the Soviet-Czechoslovak historian sommittee. <i>I. Grekov, L. Zaborovskij, B. Florya.</i> The conference of the historians of the USSR and Poland on historiographu. <i>L. Gorina.</i> A Scientific conference in Veliko Tynovo. <i>B. M. Rukol.</i> At the group of the Z. Nejedly's materials. <i>E. A. Griqorian.</i> A conference in the Comission on phonetics and phonology at the International Committee of Slavists	123
---	-----

<i>V. A. Dyakov, P. N. Olšansky, [T. G. Snytko]</i>	130
---	-----

Index of the articles and materials published in the magazine in 1968	131
--	-----

Технически редактор *T. A. Михайлова*

Слано в набор 19/VIII-1968 г. Подписано к печати 24/X-1968 г. Т-130:9 Тираж 1160 экз.
 Зак. 955 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 11.9 Бум. л. 41/4 Уч.-изд. листов 14.4

Б ОРДЫНКА
Д 34/38 КВ 40
ТОЛСТОМУ Н И
70891
5-12

Цена 1 руб.
Индекс 70891